

Антифашизм. Публицистика

- [Гелдерлоос Питер. Фашисты — инструмент государства](#)
- [Перлман Фреди. Непреходящая привлекательность национализма](#)
- [Рокер Рудольф. Фантом национального единства](#)
- [Рокер Рудольф. Национализм — источник опасности!](#)
- [Рокер Рудольф. Опасность национальной идеологии](#)
- [Рокер Рудольф. Опасность коллективных психологических категорий](#)
- [Каррери Джанфранко. Итальянский синдикальный союз против фашизма](#)
- [Неттлау Макс. Анархизм и национализм](#)
- [Сутуга Алексей. Диалоги о тюрьме](#)
- [Нанси Жан-Люк, Лаку-Лабарт Филипп. Нацистский миф](#)

Гелдерлоос Питер.

Фашисты — инструмент государства

2010, источник: [здесь](#)

1. Фашизм широко распространен во многих индустриальных и постколониальных странах, существуя в виде радикального национализма, нео-нацизма и некоторых других форм радикального авторитаризма. Почти во всех случаях рядовые фашисты оказываются членами привилегированной группы, лишенными статуса (например, белые бедняки). Перед Второй Мировой Войной большая часть рабочего класса Германии была доведена до бедности из-за депрессии, что контрастировало с их самоизображением себя как богатой и могущественной нации. В современной Германии нео-нацистские политические партии получают большинство голосов, часто более 10% от общего числа, особенно в районах с высоким уровнем безработицы. В США белые бедняки с юга, которые не получают обещанные белым людям самой богатой на земле нации богатства, присоединяются к Ку-клус-клану. В Руанде племена хуту (в основном крестьяне и охотники), доведенные до нищеты, остро нуждающиеся в земле, выразили свое желание богатства и власти в отождествлении себя с этническим большинством, присоединившись к фашистской хуту-партии, ответственной за геноцид. И в Индии среди индусов было аналогичное фашистское движение, утверждавшее их власть как власть этнического большинства. Таким образом, фашизм можно рассматривать как реакцию на недоверие и пустые обещания привилегий.

2. Фашизм также можно рассматривать как элитный феномен, движение привилегированных. Немецкая нацистская партия имела в своем составе много богатых промышленников; испанские фашисты под предводительством Франко представляли союз генералов, землевладельческой аристократии и церковных лидеров; а Муссолини говорил, что фашизм следовало бы называть «корпоратизмом», потому что это смесь из государственной и корпоративной власти. В США Ку-клус-клан изначально был джентльменским клубом, а перед Второй Мировой Войной наиболее богатые промышленники (Hearst, Rockefeller, Ford, DuPont, Morgan) поддержали фашистов в Европе. В настоящее время в США многие элитные консерваторы поддерживают анти-иммигрантскую группу Минитмен (так называли войнов-ополченцев в начальный период Войны за независимость. Название связано с тем, что каждый член отряда должен был постоянно находиться в состоянии минутной боевой готовности) и другие замаскированные фашистские группы. Фашизм особенно связан с консервативной частью элиты, боящейся распространяющегося влияния прогрессивной части элиты, которое может подорвать и

дестабилизировать всю систему. В таком контексте фашизм – это способ элиты поддерживать традиционные нравственные нормы, усиливать социальную иерархию и защищаться от революционной активности среди низших классов.

3. Основные идеи, характерные для фашизма (а: анти-иммиграция; б: расовая чистота; в: господство белых; г: политическое самовозвышение угнетенных через национализм; д: социальная теория Дарвина «выживания сильнейшего»; е: антисемитизм), абсолютно глупы и неверны.

А: Анти-иммиграционные настроения – лицемерие. Политические партии с анти-иммиграционными настроениями в США и Европейском Союзе обычно поддерживают те договоры о свободной торговле и войны (например, НАФТА (Североамериканское соглашение о свободе торговли – межгосударственный пакт о взаимном регулировании тарифов и условий торговли между США, Канадой и Мексикой), гражданская война в Сальвадоре), которые ведут к иммиграции; кроме того, их экономики зависят от труда иммигрантов (в США сельское хозяйство и строительная промышленность быстро придут в упадок без иммигрантского труда). Европейские правительства, которые якобы заботятся о защите своей культуры от иммигрантов, часто делали то же самое в колонизированных странах, из которых приезжают иммигранты; они не видят никаких проблем ни в том, что насаждают свою культуру в других странах, ни в том, что они ничего не делают, чтобы остановить «эрозию культуры» из-за McDonalds и MTV.

Б: Что касается расовой чистоты, то у этой идеи нет научной основы и, фактически, раса – это произвольное обобщение. Нет никакой опасности в межрасовых союзах, ведь разнообразный генетический фонд более жизнеспособен, чем однообразный, и нет полностью «чистых» этнических групп. Фактически мы все происходим от одних и тех же предков и постоянно смешиваемся с самого начала.

В: Господство белых также ложь без фактической основы, кроме грубого (и выдуманного) псевдонаучного тупого сравнения, которое имело место в XIX в.

Г: Национализм – вульгарная ложь: политическая и экономическая элита постоянно заключает сделки с другими странами и благодаря этому обогащается, в это же время они учат своих слепых последователей ненавидеть людей из других стран, таким образом, разделяя рабочий класс. Помахивание флагом и любовь к нации обеспечивает правительство властью и самоуверенностью, но это противоположность власти и самоуверенности народа. Нелепо, но националисты верят, что они будут свободны, если их тюремщики будут выглядеть, как они, и говорить на таком же языке, как и они.

Д: Социальный дарвинизм – теория о «выживании сильнейшего», встроенная в политическую систему, – ничто по сравнению с научным дарвинизмом. В действительности, Дарвин никогда не употреблял выражение «выживание сильнейшего», он обнаружил, что особь выживает, приспосабливаясь к окружающей среде, а не ведя войну против нее. Фактически, люди теряют свои великие эволюционные преимущества – способности к общению и творческому мышлению – подчиняясь строгой социальной иерархии, у которой нет достоверной естественной основы.

Е: Что касается антисемитизма, в средние века те люди, которые убивали евреев, также выставляли их в образе ростовщиков и зависели от них. В XX в. антисемиты-капиталисты обвиняли евреев в «международном большевистском заговоре», в то же время антикапиталисты-антисемиты обвиняли евреев в заговоре банкиров и капиталистов. Очевидно, что фашисты просто используют евреев как козлов отпущения, когда им необходимо обвинить кого-то.

4. Так много фашистов и нео-нацистов не могло бы верить такой глупой и необоснованной теории, если бы их ненависть не служила важным целям. Очевидно, мы не можем серьезно воспринимать идеологию фашистов, но мы должны серьезно воспринимать самих фашистов, потому что во всех убийствах, социальной жестокости и угрозах виноваты они. Поэтому, если фашизм полезен, мы должны спросить: для кого он полезен? Предыдущий пример антисемитизма дает ответ. Фашизм предоставляет козла отпущения. Фашизм подстрекает бедных людей доминирующей группы (например, белые бедняки или бедные христиане) ненавидеть какую-нибудь другую группу, чтобы их настоящий враг находился в безопасности. У бедняков есть настоящие причины, чтобы ненавидеть богачей. Когда евреи выставляются в качестве богачей (как часть международного банкирского заговора), тогда бедняки ненавидят евреев и иудаизм больше, чем они ненавидят богачей и капитализм. Когда такое происходит, элита может улыбаться и быть спокойна: они защищены от гнева тех, кого эксплуатируют. Фашистская ненависть также нацелена на угнетенные группы. В американской истории это чернокожие, коренные американцы и латиноамериканцы. Белые бедняки должны эксплуатировать низшие классы (во времена рабства они часто пользовались плетками). В соответствии с мифологией превосходства белых, все белые люди считаются высшими (в том числе по здоровью и силе). Фашизм учит бедных, безвластных белых людей ненавидеть и сваливать вину на черных и иммигрантов (за «распространение преступности» и «занятие наших рабочих мест») вместо того, чтобы ненавидеть настоящих врагов – элиту. Эта ненависть также порождает психологическую дистанцию, что делает более легким для них угнетение людей по цвету кожи, но более сложным – объединение. Белые богачи, капиталисты и государственная элита богатеют на рабстве, иммигрантском труде и других формах эксплуатации; а белые представители рабочего класса должны играть роль полицейских. Они получают небольшую материальную выгоду, но дурачат себя психологической выгодой, играя роль члена некой могучей и высшей мифической белой расы. Белые богачи могут смеяться всю дорогу к банку, что они так легко и дешево сделали большую часть белого рабочего класса своим инструментом.

5. Если верно то, что элита получает выгоду от фашизма, тогда мы можем отыскать доказательства того, что элита поддерживает фашизм. Что мы и сделали. Многие государства Евросоюза поддерживают идею «культурной чистоты» и защищают превосходную европейскую культуру от «загрязнения» иммигрантами, требуя, чтобы те прошли тест по культуре. Корпоративные СМИ (принадлежащие элите) в Европейском союзе и США освещают проблему иммиграции таким образом, чтобы гарантированно вселить незнание и страх. Например, они редко освещают причины, по которым люди иммигрируют, не рассказывают о корпорациях и войнах, разрушающих их родину. Они редко упоминают тот факт, что экономики ЕС или США обвалятся без труда иммигрантов, что белые потребители зависят от дешевого труда иммигрантов и дешевого импорта (фрукты, одежда, компьютеры, сотовые телефоны и др.) из стран, из которых они прибыли. И в США члены

элиты оказывают значительную финансовую поддержку более умеренным фашистским группам (особенно христианским фундаменталистам). Джордж В. Буш (как и Рейган) даже преуспел в выделении таким группам государственных денег. В таких странах, как Италия, Польша, Украина и Россия, очень легко найти доказательства идеологической или материальной поддержки фашистов государством или церковью. Очевидно, элита обеспечивает страх и неведение, которые создают основу для фашизма.

6. Что элита получает от фашизма? Очень многое. Фашистский инструмент не разочаровывает своего элитного владельца. Фашизм помогает сбить с толку низшие классы, сваливая проблемы, созданные элитой (бедность, беспомощность, корпоративная глобализация), на козла отпущения такого, как иммигранты. Бунты в Венгрии в 2006 г. – отличный пример. Люди были настолько огорчены ужасными условиями, что они захватили улицы, выгнали полицейских и оккупировали государственную телевизионную станцию, однако это не было революцией! В толпе доминировала фашистская идеология, поэтому перед лицом настоящего врага – капиталистической эксплуатации (ухудшившейся после того, как их государство присоединилось к ЕС) – они обвинили более бедных людей, чем они сами, – иммигрантов, атаковали синагоги и впали в фантазии о идиллической венгерской истории на сотни лет назад, несмотря на то, что многие люди непосредственно ответственные за их проблемы – венгры. Фашисты делят низшие классы, заставляя их драться друг с другом и вызывая ненависть и разлад, что делает легким для белых и христиан угнетение и эксплуатацию людей с другим цветом кожи, мусульман и т.д. Таким образом, они защищают элиту от революции.

7. Некоторые фашисты (воодушевленные гитлеровским «национал-социализмом») более сознательные анти-капиталисты или они думают, что это так. Эти экстремисты также выгодны для элиты; несмотря на то, что они часто ненавидят правительства, они все равно являются его инструментами. Во-первых, любую потенциальную анти-капиталистическую революцию они делают менее эффективной, разделяя низшие классы и придавая особое значение расе. Так как они запутались в действительной природе капитализма, они в итоге поддерживают национальный капитализм (главным образом это подразумевает только больший контроль государства, как и при «социализме» Гитлера или Ленина). Во-вторых, как экстремисты, которые прикидываются революционерами, они направляют свою ненависть в основном на коммунистов, анти-фашистов и анархистов. Авторитарные коммунисты – это еще одна совершенно похожая конкурирующая группа фашистов, в свое время, будучи у власти они показали готовность применить те же самые методы для очищения и облагораживания их страны. Правые и левые фашисты могут сражаться друг против друга, но в итоге они могут найти много общего (как мы видели в переговорах Ленина с Австро-Германией, в пакте Риббентропа-Молотова 1939 г., появившихся не так давно «национал-большевиках» и поддержке Коммунистической Партии Российской Федерации ненавидящего иностранцев Движения Против Нелегальной Иммиграции). С другой стороны, анархисты хотят уничтожить всю политическую власть, поэтому они представляют не идущую на компромиссы угрозу для элиты. Не случайно, фашисты стойки в своих атаках на анархистов. Фашисты нападали и даже убивали анархистов по всей Европе и в США. В некоторых частях восточной Европы анархисты с трудом могут организовать концерт по сбору средств, потому что, без сомнения, будут атакованы фашистами. Таким образом, фашисты работают как военная сила государства. В США ФБР (федеральная

полиция) внедрилась в Ку-клус-клан и другие группы, считающие белых высшей расой, используя их для нападений на черных радикалов таких, как Greensboro Massacre; в Италии в течение «периода напряженности» в 1970-х гг. государственная разведывательная служба использовала фашистские группы для убийств леваков и бомбардировки густонаселенных областей и обвинения в этом Красных Бригад; в Москве в 2006 г. неонацисты дрались на стороне полиции против Гей-парада.

8. Помимо постоянного предоставления таких услуг, фашисты – полезный инструмент государства, потому что элита и буржуазия могут использовать фашистское возмущение, чтобы защититься от настоящей революции низших классов. Несмотря на то, что фашисты могут свергнуть отдельные правительства, правительства – всего лишь инструмент в руках элиты. В Италии после того, как землевладельцы, церковные лидеры и владельцы предприятий увидели, что им так хорошо под Муссолини, буржуазия повсюду поняла, что фашизм может защитить их от революции. Понимание этого способствовало тому, что элита в Испании поддержала фашистский переворот Франко, чтобы защитить себя от растущего анархического движения.

Перлман Фреди.

Непреходящая привлекательность национализма

1984, источник: [здесь](#), перевод: Вадим Дамье

За последние 100 лет уже не раз заявляли, что национализм мертв.

Так было после Первой мировой войны, когда последние европейские империи – Австрийская и Турецкая – распались на отдельные национальные государства, и не осталось обездоленных наций, за исключением сионистов.

Так было после большевистского переворота, когда было провозглашено, что буржуазная борьба за национальное самоопределение уступила место борьбе трудящихся, у которых нет родины.

Так было после военного разгрома фашистской Италии и национал-социалистической Германии, когда все смогли увидеть, что национализм ведет к геноциду, и казалось, будто он раз и навсегда дискредитирован на практике.

Теперь, десятилетия спустя после разгрома фашистов и национал-социалистов, мы видим, что национализм не только выжил, но возродился и набирает силу. Его оживляют не только так называемые правые, но прежде всего – так называемые левые. Национализм перестал ограничиваться лагерем консерваторов; он стал верой и практикой революционеров; он объявляет себя единственным настоящим революционным учением.

Левые или революционные националисты утверждают, будто их национализм не имеет ничего общего с фашистским или нацистским, что это национализм угнетенных, открывающий путь личного и культурного освобождения. Притязания революционных националистов распространяются по миру двумя древнейшими иерархиями, дожившими до нашего времени, – Китайским государством и католической церковью. Современный национализм подается как стратегия, наука и теология освобождения, как воплощение постулата Просвещения о «знании – силе», как убедительный ответ на вопрос «что делать».

Бросая вызов этим притязаниям и рассматривая их в исторической взаимосвязи, я намереваюсь поставить вопрос: что такое национализм (не только революционный, но и старый, консервативный). Не могу начать с определения слова, потому что национализм – это не слово, имеющее статичное определение; это термин, за которым скрываются хронологическая последовательность различных исторических опытов. Я начну с краткого описания некоторых из них.

Согласно общераспространенному, но ошибочному (и манипулятивному) представлению, империализм – это сравнительно новое явление, заключающееся в колонизации всего мира; это – последняя стадия капитализма. Этот диагноз породил и специфическое лечение: национализм воспринимался как средство противодействия империализму, а национальные войны – как средство разрушения капиталистической системы.

Данный диагноз служил определенной цели, но не объяснял события или ситуации. Мы окажемся ближе к истине, если поставим эту теорию на голову и скажем, что империализм был первой стадией капитализма, что мир подвергался колонизации со стороны сменявших друг друга государств-наций, и что национализм – это нынешняя и (будем надеяться) последняя стадия капитализма. Соответствующие факты открыты не вчера; они так же хорошо известны, как и отрицающая их ложная теория.

По вполне понятным причинам, удобно забывать о том, что, вплоть до последних столетий, господствующими державами в Евразии были не государства-нации, а империи. Поднебесная империя, управляемая династией Мин, исламская империя, управляемая Османской династией, и католическая империя, управляемая династией Габсбургов, делили между собой власть над известным тогда миром. Из этих трех, католическая была не первой, а последней. Поднебесная империя Минов управляла большей частью Восточной Азии и отправляла огромные торговые флоты за океаны за столетие до того, как вышедшие в море католики вторглись в Мексику.

Те, кто воспевают деяния католиков, забывают о том, что между 1420 и 1430 гг. китайский императорский чиновник Чжэн Хэ возглавил морскую экспедицию с участием 70 тысяч человек и плавал не только в близлежащие Малайю, Индонезию и на Цейлон, но даже в такие далекие от родных портов земли, как Персидский залив, берега Красного моря и Африка. Певцы католических конкистадоров также преуменьшают имперские деяния Османов, которые завоевали все – кроме самых западных – провинции бывшей Римской империи, правили Северной Африкой, Аравией, Средним Востоком и половиной Европы, контролировали Средиземное море и стучались в ворота Вены. Имперским католикам пришлось отправляться на Запад, за пределы известного тогда мира, чтобы избежать окружения.

Тем не менее, именно имперские католики «открыли Америку», и геноцид, разрушения и грабеж, которыми сопровождалось это «открытие», изменили баланс сил между империями Евразии.

Были бы имперские китайцы и турки менее смертоносными, если бы это они «открыли Америку»? Все три империи рассматривали иностранцев как недочеловеков и, следовательно, как законную добычу. Китайцы считали всех других варварами, мусульмане и католики – неверными. Термин «неверный» не столь жесток, как «варвар», поскольку неверный перестает быть законной добычей и становится зрелым человеческим существом в результате простого акта перехода в истинную веру, тогда как варвары остаются добычей, пока не будет переделан цивилизаторами.

Термин «неверные» и стоявшая за ним мораль вступали в противоречие с практикой завоевателей-католиков. Противоречие между верой и делами было обличено уже довольно ранним критиком – священником по имени Лас-Касас, который отмечал, что церемонии обращения в веру служили предлогом для того, чтобы отделить и истреблять необращенных, и что с самим обращенными обращались не как с братьями-христианами, а как с рабами.

Критика Лас-Касаса не более чем слегка смутила католическую церковь и императора. Были приняты законы и направлены расследователи, но все это возымело мало эффекта, поскольку две цели католических экспедиций – обращение неверных и грабеж – противоречили друг другу. Большинство людей церкви примирились сами с собой, спасая золото и обрекая на проклятия души. Католический император все больше зависел от награбленных благ, необходимых для того, чтобы пополнять имперскую казну, содержать армию и флот, которые делали возможными новые грабежи.

Грабеж продолжал преобладать над обращением, но католики оставались в смущении. Их идеология не слишком соответствовала их практике. Их главные завоевания были обращены против ацтеков и инков, которых они описывали как империи с институтами, похожими на институты Габсбургской империи, а религиозную практику – как демоническую, наподобие официального врага, «языческой» империи Османских турок. Но большинство войн на уничтожение велось католиками против общин, которые не имели ни императоров, ни постоянных армий. Подобные деяния, хотя и постоянно повторялись, вступали в конфликт с идеологией и не содержали в себе ничего героического.

Имперские католики так и не разрешили противоречие между верой завоевателей и их практикой. Это противоречие было разрешено провозвестниками новой социальной формы – нации-государства. Двое из таких провозвестников появились в одном и том же, 1561 году, когда один из императорских заморских авантюристов провозгласил свою независимость от империи, а ряд банкиров и поставщиков императора начали войну за независимость.

Заморский авантюрист Лопе де Агирре не сумел добиться поддержки и был казнен. А банкиры и поставщики императора мобилизовали население нескольких имперских провинций и смогли отторгнуть их от империи (эти провинцией стали позднее называться Голландией).

Два этих события еще не были борьбой за национальное освобождение. Они были провозвестниками будущих событий. И в то же время – наследием прошлых времен. В когда-то существовавшей Римской империи гвардейцы-преторианцы охраняли императора,

присваивали себе все больше императорских функций и, в конце концов, осуществляли императорскую власть вместо самого императора. В исламской империи арабов халиф использовал телохранителей-турок для защиты своей персоны; турки-гвардейцы, подобно римским преторианцам, присваивали все больше функций халифа, пока, наконец, не взяли под контроль императорский дворец и императорскую канцелярию.

Лопе де Агирре и голландские вельможи не были телохранителями габсбургских монархов, но колониальный авантюрист из Анд и голландские торговые и финансовые дома выполняли важные имперские функции. Эти бунтари, наподобие прежним римским и турецким гвардейцам, стремились освободиться от духовной неполноценности и материального бремени служения императору; они уже пользовались властью императора, и император был для них не более, чем паразитом.

Колониальный авантюрист Лопе де Агирре оказался, со всей очевидностью, никчемным бунтарем; его время еще не пришло. Голландские вельможи не были никчемными, и их время настало. Они не свергли империю, а рационализировали ее.

Голландские торговые и финансовые дома уже владели большей частью богатства Нового Света; они приобрели его в оплату за снабжение императорского флота, армии и казны. Теперь же они принялись грабить колонии от собственного имени и ради собственной выгоды, стряхнув паразита-сюзерена. А поскольку они были не католиками, а протестантами-кальвинистами, их не смущало никакое противоречие между верой и делами. Они не верили в спасение душ. Их кальвинизм учил, что непостижимый бог уже спас или проклял все души в самом начале времен, и никакой голландский священник не может изменить его предустановление.

Голландцы не были крестоносцами; они занялись негероическим и не знающим шуток грабежом, схожим с бизнесом, рассчитанным и упорядоченным. Отправлявшиеся на грабеж эскадры отплывали и приплывали по расписанию. То, что подвергавшиеся грабежу иностранцы были неверными, стало куда менее важным, чем то обстоятельство, что они не были голландцами.

Первопроходцы с Запада Евразии придумали термин «дикари». Он был синонимом термина «варвары» в Поднебесной империи Восточной Евразии. Оба термина рассматривали человеческих существ как законную добычу.

На протяжении последующих двух столетий вторжения, покорение и конфискации, начатые Габсбургами, копировались другими европейскими правящими домами. Если смотреть через очки националистических историков, то и первоначальные колонизаторы и их позднейшие имитаторы выглядят как нации – Испания, Голландия, Англия, Франция. Но глядя с выигрышной позиции расстояния во времени, колонизирующими силами были Габсбурги, Тюдоры, Стюарты, Бурбоны и Оранские – а именно, династии, такие же, как правящие дома, которые боролись между собой за богатство и власть со времен падения Западной Римской

империи.

Завоеватели могут рассматриваться с обеих удобных точек зрения, потому что происходил переход. Эти образования уже не были феодальными владениями, но они не были еще и полноценными нациями. Они уже обладали некоторыми атрибутами государств-наций, но еще не всеми. Главным недостающим элементом были национальные армии. Тюдоры и Бурбоны уже манипулировали английскостью и французскостью своих подданных, особенно в войнах против подданных другого монарха. Но ни шотландцы и ирландцы, ни корсиканцы и провансальцы не привлекались к тому, чтобы сражаться и умирать ради «любви к своей стране». Война была обременительной феодальной ношей, барщиной; единственными патриотами были патриоты Эльдорадо.

Принципы того, чему предстояло стать националистическим кредо, притягивали не правящие династии, которые цеплялись за свои собственные испытанные и проверенные принципы. Новые принципы привлекали высших служителей династий, их кредиторов, торговцев пряностями, военных поставщиков и колониальных грабителей. Эти люди, такие как Лопе де Агирре и голландские вельможи, подобно римским и турецким гвардейцам, выполняли ключевые функции, но все еще оставались слугами. Многие, если не большинство из них, горели желанием сбросить своё недостойное положение и, избавившись от паразита-сюзерена, приняться за эксплуатацию соотечественников и грабеж колоний от своего имени и ради собственной выгоды.

Ставшие позднее известными, как буржуазия, или средний класс, эти люди стали богатыми и могущественными со времен первых флотилий, отплывавших на Запад. Часть их богатства текла из ограбленных колоний, как плата за услуги, оказанные императору; эти богатства позднее назвали первоначальным накоплением капитала. Другая часть проистекала из ограбления их местных соотечественников и соседей методом, который позднее стал известен как капитализм; этот метод не был совершенно новым, но он широко распространился после того, как средние классы получили в свои руки серебро и золото Нового Света.

Эти средние классы уже пользовались значительной мощностью, но у них еще не было опыта обладания центральной политической властью. В Англии они свергли монарха и провозгласили республику, но, испугавшись, что народная энергия, мобилизованная ими против высшего класса, может теперь обратиться против среднего класса, они вскоре восстановили другого монарха из той же самой династии.

Национализм в действительности не стал самим собой вплоть до конца 1700-х гг., когда два взрыва, с промежутком в 13 лет, опрокинули относительную устойчивость высших классов и навсегда изменили политическую географию Земного шара. В 1776 г. Колониальные торговцы и авантюристы возродили дело Агирре: они провозгласили свою независимость от правящей заморской династии, превзойдя своего предшественника благодаря тому, что они мобилизовали других поселенцев, и сумели отделиться от Британской империи Ганноверского дома. А в 1789 г. просвещенные торговцы и клерки превзошли своих голландских предшественников, мобилизовав уже не несколько отдаленных провинций, но все подданное население, низвергнув и уничтожив правящего монарха-Бурбона и превратив

все феодальные узы в узы национальные. Два этих события ознаменовали конец целой эры. Отныне даже выжившие династии стремительно или постепенно стали националистами, а сохранившиеся королевские владения все больше и больше стали приобретать черты государств-наций.

Обе революции века Просвещения были очень разными и внесли различные и даже противоречащие друг другу элементы в идею и практику национализма. Я не собираюсь здесь анализировать эти события, но лишь напомню читателю о некоторых из этих элементов.

Обе революции успешно разбили узы верности монархическому дому и закончились установлением капиталистических государств-наций, но между первым и последним актом они имели мало общего. Главные вдохновители обоих бунтов были знакомы с рационалистическими доктринами Просвещения, но самозванные американцы ограничились политическими проблемами, прежде всего, – проблемой установления государственной машины, которая могла продолжать работать после прекращения правления короля Георга. Большинство французов пошли гораздо дальше; они поставили проблему перестройки не только государства, но и всего общества; они бросили вызов не только узам подданства по отношению к монарху, но и узам, привязывавшим раба к хозяину, – узам, которые оставались для американцев священными. Обе группы, несомненно, были знакомы с замечанием Жана-Жака Руссо о том, что люди рождаются свободными, но повсюду скованы цепями, однако французы понимали эти цепи глубже и предприняли большие усилия для того, чтобы разбить их.

Находясь под таким же влиянием рационалистических доктрин, как и сам Руссо, французские революционеры пытались внедрить разум в человеческую среду точно также как естественный разум, или наука начал прилагаться к среде природной. Руссо работал за своим письменным столом; он пытался установить социальную справедливость на бумаге, вручив человеческие дела органу, который воплощал всеобщую волю. Революционеров волновало установление социальной справедливости не только на бумаге, но и среди мобилизованных и вооруженных ими людей, многие из которых были разъярены и, в большинстве своем, бедны.

Абстрактный орган Руссо принял конкретную форму Комитета общественного спасения – полицейской организации, которая считала себя воплощением всеобщей воли. Virtuозные члены комитета осознанно применяли открытия разума к человеческим делам. Они считали себя хирургами нации. Они врезали свои личные убеждения в общество с помощью стали лезвия государственной бритвы.

Приложение науки к среде приняло форму систематического террора. Инструментом Разума и Справедливости была гильотина.

Террор обезглавил бывших правителей, а затем обратился против революционеров.

Страх стимулировал реакцию, которая смела не только Террор, но и Справедливость.

Мобилизованная энергия кровожадных патриотов была направлена вовне, навязывая просвещение иностранцам силой и расширяя нацию в империю. снабжение национальных армий было куда более прибыльным делом, чем было когда-либо снабжение феодальных армий, и бывшие революционеры превратились в богатых и могущественных членов среднего класса, который стал теперь высшим классом, правящим классом. И террор, и войны оставили судьбоносное наследство идеи и практике последующих национализмов.

Наследие Американской революции было совсем иного рода. Американцев меньше заботила справедливость. Их больше волновала собственность.

Завоеватели-поселенцы восточного побережья северной части континента нуждались в Георге Ганноверском не больше, чем Лопе де Агирре нуждался в Филиппе Габсбургском. Точнее, богатым и могущественным среди поселенцев был нужен аппарат короля Георга для защиты их богатства, но не для его приобретения. Если бы они могли организовать репрессивный аппарат своими силами, то король Георг был бы им вообще не нужен.

Поверив в свою способность самим создать такой аппарат, колониальные рабовладельцы, земельные спекулянты, экспортеры и банкиры стали находить королевские налоги и указы нетерпимыми. Наиболее нестерпимым из королевских указов был временный запрет неразрешенных вторжений на земли первоначальных обитателей континента. Советники короля с жадностью смотрели на меха, поставляемые индейскими охотниками; революционные земельные спекулянты с жадностью взирали на земли этих охотников.

В отличие от Агирре, объединившиеся в федерацию колонизаторы Севера сумели успешно создать свой независимый репрессивный аппарат, и они сделали это, лишь в самой малой степени побуждаемые жаждой справедливости: их целью было свержение власти короля, а не своей собственной. Не слишком полагаясь на своих менее богатых собратьев-поселенцев или лесных скваттеров, не говоря уже о рабах, эти революционеры полагались на наемников и необходимую помощь монарха-Бурбона, которому предстояло быть свергнутым несколько лет спустя более искусными революционерами.

Североамериканские колонисты разбили традиционные узы верности и феодальной повинности, но, в отличие от французов, они лишь отчасти заменили традиционные узы узами патриотизма и нации. Они еще не были нацией; их неохотная мобилизация колониальной глубинки не сплотила их в нее, и многоязычные, социально разделенные низы сопротивлялись такому слиянию. Новый репрессивный аппарат еще не был опробован и испытан, и он не повелевал безраздельной лояльностью подчиненного ему населения, которое еще не было патриотическим. Нужно было что-то другое. Рабовладельцы, которые свергли короля, опасались, что их рабы точно также свергнут хозяев: восстание на Гаити дело эти опасения отнюдь не гипотетическими. И хотя они уже больше не боялись быть сброшенными в море индейскими обитателями континента, торговцы и спекулянты беспокоились относительно своей способности продвигаться дальше вглубь континента.

Американские завоеватели-поселенцы прибегли к инструменту, который был отнюдь не новым, как гильотина, но столь же смертоносным. Этот инструмент получил позднее название расизма, и он укоренился в националистической практике. Расизм, подобно более поздним изделиям практичных американцев, носил прагматический характер. Его содержание было не столь важным, главное, чтобы он работал.

Мобилизация людей осуществлялась на основе из самых низких и самых искусственных общих характеристик, и люди откликнулись. Люди, которые покинули свои деревни и семьи, нередко позабыли свои языки и потеряли свои культуры, люди, которые едва не утратили свою социальность, подверглись манипулированию: им надлежало считать цвет своей кожи заменой всему, что они утратили. Их побудили гордиться тем, что не было ни их личным достоинством, ни да, как в случае языка, их личным приобретением. Они были объединены в нацию белых мужчин (белые женщины и дети существовали только как скальпированные жертвы, как доказательства звериной сущности охотничьей добычи). Масштабы девальвации демонстрируются ничтожеством и фантастичностью то, что объединяло белых мужчин друг с другом: «белая» кровь, «белое» мышление и членство в «белой расе». Должники, скваттеры и слуги, как белые мужчины, имели нечто общее с банкирами, земельными спекулянтами и плантаторами, – но не имели ничего общего с «краснокожими», «чернокожими» или «желтокожими». Соединенные, в соответствии с этим принципом, их можно было им мобилизовать, превратив в белую толпу, толпу линчевателей, «охотников на индейцев».

Расизм был первоначально одним из многих методов мобилизации колониальных армий, и, хотя он эксплуатировался в Америке куда масштабнее, чем когда-либо прежде, но не заменил другие методы, а скорее дополнил их. Жертвы наступавших пионеров по-прежнему описывались как неверные, как язычники. Но пионеры, как и прежде голландцы, были в большинстве своем христианами-протестантами, и они рассматривали «язычество» как нечто, подлежащее наказанию, а не исправлению. Жертвы по-прежнему именовались дикарями, людоедами и примитивными существами, но и эти термины перестали быть диагнозом условий, которые надлежало исправить. Они все больше были склонны становиться синонимами «небелого»: условий, исправить которые невозможно. Расизм был идеологией, великолепно подходившей к практике порабощения и истребления.

Действие в стиле толпы линчевателей, бандитская охота на жертв импонировали хулиганам с недоразвитой человечностью и с отсутствием всякого представления о «честной игре». Но они импонировали не всем. Американские бизнесмены, наполовину ловкачи, наполовину «честные» дельцы, всегда имеют понемногу от того и другого. Для многих Святых Георгиев с некоторым представлением о чести и острой жаждой героизма, враг рисовался несколько иначе: для них враг, обитавший в лесах за горами и на берегах Великих озер, представал в образе наций, таких же богатых и могущественных, как их собственная.

Певцы героических деяний имперских испанцев обнаруживали империи в Центральной Мексике и у подножий Анд. Певцы американских героев-националистов обнаружили нации. Они превратили безнадежное сопротивление анархических селян в международный заговор, направляемый полководцами, такими как «генерал Понтиак» и «генерал Текумсе». Они населили леса блестящими национальными лидерами, эффективными генеральными

штабами и бесчисленными армиями патриотов. Они проецировали свои собственные репрессивные структуры на незнакомцев; они видели точную копию самих себя, но в обратном цвете – нечто вроде негатива фотографии. Тогда враг оказывался равным по структуре, мощи и целям. Война против такого врага – не только «честная игра»; она попросту необходима, это вопрос жизни и смерти. Другие атрибуты врага – язычество, дикость, людоедство – делали задачу экспроприации, порабощения и истребления еще более настоятельной, а соответствующие деяния – еще более героическими.

Теперь репертуар националистической программы был более или менее полным. Это заявление может озадачить читателя, который до сих пор так и не увидел в действии ни одной «настоящей нации». США оставались набором многоязычных, мультиконфессиональных и мультикультурных «этносов», а французская нация перетекла через свои границы и превратилась в наполеоновскую империю. Читатель может попытаться применить определение «нации» как организованной территории, населенной людьми, которые разделяют общий язык, религию и обычаи или хотя бы что-то одно из трех. Подобное определение, ясное, беглое и статичное, не описывает явление, но служит ему извинением, оправданием. Это явление не было статическим определением; оно было динамичным процессом. Общие язык, религия и обычаи, равно как и «белая кровь» американских колонистов, служили скорее предлогом, инструментами для мобилизации армий. А кульминацией процесса стало не закрепление общих черт, а истощение и полная утрата языка, религии и обычаев. Обитатели нации говорят на языке капитала, поклоняются у алтаря государства и подчиняют свои обычаи тем, которые дозволяются национальной политикой.

Национализм противостоит империализму только в сфере определений. На практике же национализм был методологией осуществления империи капитала.

Постоянный рост капитала, часто именуемый материальным прогрессом, экономическим развитием или индустриализацией, был главным делом средних классов, так называемой буржуазии. Ведь капитал и был тем, чем они владели, их собственностью; высшие классы владели недвижимостью.

Открытие новых миров богатства чрезвычайно обогатило эти средние классы, но оно же сделало их уязвимыми. Королям и знати, которые первоначально собирали в своих руках награбленное богатство Нового света, не нравилось наблюдать, как почти все их трофеи утекают к их торговцам из среднего класса. Но ничего поделать они не могли. Богатства не поступали в форме, пригодной для употребления; торговцы снабжали короля вещами, которыми тот мог пользоваться, в обмен на разграбление казны. Но и после этого монархи, обнаруживавшие, как они беднеют, пока их торговцы богатеют, не гнушались того, чтобы использовать своих вооруженных слуг для грабежа богатых торговцев. В результате средние классы страдали при старом режиме от постоянных посягательств – посягательств на свою собственность. Королевская армия и полиция не была надежным защитником собственности среднего класса, и могущественные торговцы, которые уже ворочали делами

империи, приняли меры для того, чтобы положить конец нестабильности: они взяли в свои руки и политику. Они могли нанимать частные армии, и часто именно так и делали. Но когда на горизонте появились инструменты мобилизации национальных армий и национальной полиции, подвергаясь посягательствам дельцы ими воспользовались. Главное достоинство национальных вооруженных сил состоит в том, что они гарантируют: патриотический слуга станет воевать вместе со своим господином против слуг вражеского господина.

Стабильность, обеспечиваемая национальным репрессивным аппаратом, предоставила собственникам нечто вроде тепличных условий, при которых их капитал мог расти, увеличиваться, умножаться. Термин «рост» и его производные происходят из словаря самих капиталистов. Эти люди думают о единицах капитала как о зерне или семени, посеянном в плодородную почву. Весной они видят, как из каждого семени вырастает растение. Летом они собирают так много семян каждого растения, сколько, уплатив за почву, солнечный свет и дождь, они могут посадить, чтобы это количество превышало изначальное. На следующий год они расширяют свое поле и постепенно завладевают всей округой. В реальности, первоначальные «семена» – это деньги; солнечный свет и дождь – это затраченная энергия работников; растения – это фабрики, заводы и шахты; снятый урожай – это товары, кусочки переработанного мира; а избыток или дополнительные семена, прибыль – это доход, который капиталисты оставляют себе вместо того, чтобы распределить его между работниками.

Весь процесс в целом состоит в преобразовании природных веществ в могущие быть проданными вещи, или товары, и в заключении наемных работников в тюрьмы производящих фабрик.

Брак между Капиталом и Наукой несет ответственность за великий скачок в нашу сегодняшнюю жизнь. Чистые ученые открывают компоненты, на которые можно разложить естественную окружающую среду; инвесторы вкладывают свои ставки в различные методы ее разложения; прикладные ученые или менеджеры посылают подчиненных им наемных работников на осуществление проекта. Ученые в области социальных наук ищут пути, как бы сделать работников еще менее человеческими, более эффективными и подобными машине. Благодаря науке, капиталисты смогли превратить большую часть естественной среды в перерабатываемый мир, искусственный механизм и превратить большинство человеческих существ в эффективные придатки этого механизма.

Процесс капиталистического производства анализировали и критиковали многие философы и поэты, особенно Карл Маркс[1], чья критика вдохновила и продолжает вдохновлять активные социальные движения. У Маркса имелось важное «слепое пятно»; большинство его учеников и многие активисты, не являющиеся его учениками, строят свои платформы на этом «слепом пятне». Маркс был полным энтузиастом приверженцем борьбы буржуазии за освобождение от феодальных уз. Кто не был энтузиастом в те дни? Он, подметивший, что господствующие идеи эпохи – это идеи господствующего класса, разделял многие из идей недавно пришедшего к власти среднего класса. Он был энтузиастом Просвещения, рационализма, материального прогресса. Маркс прозорливо подчеркивал, что все время, которое работник затрачивает на воспроизводство своей рабочей силы, с каждой минутой,

которую он отдает предписанной ему задаче, он расширяет материальный и социальный аппарат, которые его дегуманизируют. Но тот же самый Маркс был энтузиастом внедрения науки в производство.

Маркс проделал сквозной анализ процесса производства и эксплуатации труда, но сделал лишь беглые и неохотные комментарии насчет предпосылки капиталистического производства и первоначального капитала, которая сделала этот процесс возможным[2]. Без первоначального капитала не могло быть ни инвестиций, ни производства, ни огромного скачка вперед. Эта предпосылка была проанализирована раннесоветским русским марксистом Преображенским, который позаимствовал некоторые догадки у польской марксистки Розы Люксембург для формулирования своей теории первоначального накопления[3]. Под «первоначальным» Преображенский имел в виду фундамент капиталистического строения, основу, предпосылку. Эта предпосылка не может явиться из самого процесса капиталистического производства, так как этот процесс еще не развернулся. Она должна прийти и приходит извне процесса производства. Она пришла из грабежа колоний, из экспроприации и истребления их населения. В ранний период, когда заморских колоний не было, первый капитал, предпосылка капиталистического производства, выкачивался из внутренних колоний – из ограбления крестьян, чьи земли огораживались, а урожаи конфисковывались, из высылки евреев и мусульман, чье имущество экспроприировалось.

Первоначальное накопление капитала не есть нечто, что произошло однажды, в отдаленном прошлом, и больше никогда не повторялось. Это то, что продолжает сопровождать капиталистический процесс производства, составляя его неотъемлемую часть. Описанный Марксом процесс ответственен за то, что регулярные прибыли периодически разрушаются кризисами, внутренне присущими самой системе. Излечить от кризиса всякий раз могут лишь новые инъекции стартового капитала. Без продолжающегося процесса первоначального накопления процесс производства остановился бы; каждый кризис имел бы тенденцию стать постоянным.

Геноцид, рационально просчитанное истребление человеческого населения, рассматриваемого в качестве законной добычи, не был отклонением в преимущественно мирной поступи прогресса. Геноцид явился предпосылкой этого прогресса. Вот почему национальные армии были обязательно необходимы для владельцев капитала. Эти силы не только защищали собственников капитала от бунтарского гнева их собственных эксплуатируемых наемных работников. Эти силы также добывали святой Грааль, волшебный фонарь, первоначальный капитал, круша ворота сопротивляющихся или не сопротивляющихся аутсайдеров, грабя, депортируя и убивая.

Следы, выжженные национальными армиями, – это следы поступи прогресса. Эти патриотические армии были и остаются седьмым чудом света. В них волк лежит рядом с овцой, а паук – с мухой. В них эксплуатируемые работники становились приятелями эксплуататоров, утонувшие в долгах крестьяне – приятелями своих кредиторов, неудачники – ловкачей, и все это в ходе кампаний, чьим стимулом выступала не любовь, а ненависть: ненависть к потенциальным источникам первоначального капитала, которых объявляли неверными, дикарями, низшими расами.

Человеческие сообщества, столь же различные по своим путям и верованиям, как птицы по своему оперенью, подвергались вторжениям, ограблению и уничтожению в масштабах, не поддающихся воображению. Обрывки и артефакты исчезнувших обществ собирались как трофеи и помещались в музеи, как еще одни следы поступи прогресса. Вымершие верования и пути становились курьезами для той или иной из наук завоевателей.

Экспроприированные поля, леса и животные накапливались как источник доходов, как первоначальный капитал – предварительное условие для процесса производства, которому предстояло превратить поля в фермы, деревья – в древесину, животных – в головные уборы, минералы – в военное снаряжение, а выживших людей – в дешевую рабочую силу. Геноцид был и остается предварительным условием, краеугольным камнем и фундаментом военно-промышленных комплексов, перерабатываемой окружающей среды, миров офисов и автомобильных парковок.

Национализм был настолько пригоден для выполнения своей двойной задачи – приручения работников и ограбления чужих – что он привлекал всех – точнее, тех, кто владел или надеялся завладеть долей капитала.

На протяжении 19 столетия, особенно во второй его половине, каждый из собственников инвестируемого капитала обнаружил, что у него имеются корни среди подлежащих мобилизации соотечественников, которые изъясняются на языке его матери и поклоняются богу его отца. Рьяность такого националиста была до прозрачности цинична, ибо он был как раз таким соотечественником, который уже не имел никаких корней среди родни по отцу или матери: он искал спасения в своих сбережениях, молился на свои капиталовложения и разговаривал на языке финансового баланса. Но он научился у американцев и французов, что если он не может мобилизовать соотечественников в качестве своих лояльных слуг, клиентов и потребителей, то может мобилизовать их как лояльных братьев по вере: католиков, православных или протестантов. Языки, религии и обычаи стали сварочным материалом для построения государств-наций.

Сварочные материалы были средствами, а не целью. Задачей национальных образований было не развитие языков, религий или обычаев, а развитие национальных экономик, превращение соотечественников в работников и солдат, родины – в шахты и фабрики, а династических земельных владений – в капиталистические предприятия. Без капитала не было бы ни амуниции, ни снабжения, ни национальных армий, ни наций.

Сбережения и инвестиции, изучение рынка и расчет издержек, навязчивые идеи рационалистических бывших средних классов стали господствующими маниями. Эти рационалистические навязчивые идеи стали не только суверенными, но и исключительными. Индивиды, которые придерживались своих маний, иррациональных, отправлялись в сумасшедший дом.

Нациям обыкновенно не требовалось больше быть монотеистическими. Бывший бог богов утратил свое значение, оставшись лишь одним из сварочных материалов. Нации были моно-маниакальными, и если монотеизм служил господствующей мании, он тоже принимался на службу.

Первая мировая война обозначила конец той фазы процесса национализации, которая началась с Американской и Французской революций, – фазы, которую много раньше возвестили декларация Агирре и бунт голландских вельмож. Вступающие в конфликт друг с другом притязания старых и новообразованных наций в действительности и были причинами этой войны. Германия, Италия и Япония, так же как и Греция, Сербия и колониальная Латинская Америка уже приобрели большинство из атрибутов своих националистических предшественников, превратились в национальные империи, монархии и республики, и наиболее мощные из новичков надеялись приобрести и самый главный из еще недостававших атрибутов – колониальную империю. В ходе этой войны все мобилизуемые компоненты обеих оставшихся династических империй – Османской и Габсбургской – сами перестроились в нации. Когда буржуазии с отличавшимися языками и религиями претендовали на одну и ту же территорию, с более слабым поступали так, как поступали с т.н. американскими индейцами – их уничтожали. Национальный суверенитет и геноцид были – и остаются – взаимно дополняемыми.

Общий язык и религия кажутся дополнением национальности, но это лишь оптическая иллюзия. Как сварочные материалы, языки и религии использовались, когда служили поставленной задаче, если же нет – они отбрасывались. Ни многоязычная Швейцария, ни мультирелигиозная Югославия никогда не исключались из семьи наций. Форма носа и цвет волос также использовались для мобилизации патриотов – тогда и позднее. Общее наследие, корни и прочие общности должны были все удовлетворять одному-единственному критерию – критерию прагматического разума в американском стиле: работают ли они? Все, что работало, использовалось. Общие черты были важны не из-за их культурного, исторического или философского содержания, но потому что они были полезны делу организации полиции для защиты национальной собственности и делу мобилизации армии для грабежа колоний.

Как только та или иная нация создавалась, люди, которые жили на национальной территории, но не обладали общими национальными чертами, могли быть превращены во внутренние колонии, то есть, в источник первоначального, стартового капитала. Без стартового капитала ни одна нация не могла бы стать великой, а нации, которые претендовали на величие, но были лишены соответствующих заморских колоний, могли обратиться к ограблению, истреблению и экспроприации тех своих соотечественников, которые не обладали общими национальными чертами.

Создание государств-наций приветствовали с полным эйфории энтузиазмом как поэты, так и крестьяне, которые сочли, что их музы или их боги вторично и окончательно сочли на землю. Меньше всего восторга посреди реющих знамен и разлетающихся конфетти

ощущали бывшие правители, колонизируемые и ученики Карла Маркса.

Свергнутые и колонизируемые не испытывали энтузиазма по вполне понятным причинам. Ученики Маркса не питали энтузиазма, потому что помнили слова своего учителя о том, что национальное освобождение означает национальную эксплуатацию, что национальное правительство – это исполнительный комитет национального капиталистического класса, и что нация не несет трудящимся ничего, кроме цепей. Эти стратеги ради трудящихся, которые сами были не трудящимися, а такими же буржуа, что и правящие капиталисты, провозглашали, что трудящиеся не имеют отечества, и объединились в Интернационал. Этот Интернационал раскололся на три, и каждый из Интернационалов все больше утверждался в поле марксова «слепого пятна».

Первый Интернационал «увел» бывший русский переводчик Маркса, а затем его антагонист Бакунин – неисправимый бунтарь, бывший ревностным националистом, пока не узнал об эксплуатации от Маркса. Бакунин и его товарищи, бунтари против всех авторитетов, восстали и против авторитета Маркса. Они подозревали Маркса в попытке превратить Интернационал в государство, такое же репрессивное, как феодальное и национальное вместе. Бакунин и его последователи не раздирались противоречиями в своем отрицании всех государств, но у них имелись противоречия в отношении капиталистического предприятия. В еще большей степени, чем Маркс, они прославляли науку, материальный прогресс и индустриализацию. Как бунтари, они готовы были ввязаться в любой бой, но наилучшим считали бой против бывших врагов буржуазии – феодальных помещиков и католической церкви. Поэтому бакунистский Интернационал расцвел в таких местах, как Испания, где буржуазия еще не закончила свою войну за независимость, но вместо этого сама вступила в союз с феодальными баронами и церковью для защиты от восставших рабочих и крестьян. Бакунисты сражались ради завершения буржуазной революции без буржуазии и против нее. Они называли себя анархистами и презирали все государства, но не стали объяснять, как собираются обзавестись первоначальной или дополнительной индустрией, прогрессом и наукой, то есть, капиталом, без армии и полиции. Они никогда так и не получили реального шанса на разрешение своего противоречия на практике, и бакунисты до сегодняшнего дня так и не разрешили его и даже не поняли, что между анархией и индустрией существует противоречие[4].

Второй Интернационал, менее бунтарский, чем Первый, быстро нашел общий язык и с капиталом, и с государством. Основательно застряв в марксовом «слепом пятне», профессора из этих организаций не путались в бакунистских противоречиях. Для них было очевидным, что эксплуатация и грабеж – это необходимые условия для материального прогресса, и они реалистически примирились с тем, что тут уж ничего не поделаешь. Они добивались больших выгод для трудящихся и постов в политическом истеблишменте для себя самих, как представителей этих трудящихся. Как и добрые профсоюзники, которые предшествовали и сопутствовали им, социалистические профессора испытывали смущение в связи с «колониальным вопросом», но это смущение, как и у Филиппа Габсбургского, скорее оставалось в области нечистой совести. Со временем имперские германские социалисты, королевские голландские социалисты и республиканские французские социалисты вообще перестали быть интернационалистами.

Третий Интернационал не только нашел общий язык с капиталом и государством; он сделал их своей целью. Этот Интернационал не был основан бунтовавшими или диссидентствующими интеллектуалами – он был создан государством, Российским государством после того, как большевистская партия уселась в его государственных канцеляриях. Основная деятельность этого Интернационала сводилась к рекламе деяний перестроенного Российского государства, его правящей партии и основателя этой партии – человека, который именовал себя Лениным. Деяния этой партии и ее основателя были, действительно, весомыми, но рекламодатели все, что было в их силах, чтобы скрыть самые весомые из них.

Первая мировая война оставила две наиболее обширные из империй в затруднительном положении. Поднебесная империя Китая, старейшее из непрерывно существующих государств на планете, и империя царей, наиболее молодая из операций такого рода, разрывались между перспективами превращения в нации-государства и перспективами распада на более мелкие единицы, как это произошло с Османами и Габсбургами.

Ленин разрешил это затруднение для России. Возможно ли такое? Маркс замечал, что один человек в одиночку не может изменить обстоятельства, он может лишь воспользоваться ими. Возможно, Маркс был прав. Деяния Ленина состоят не в том, что он изменил обстоятельства, но в том, что он воспользовался ими необычным образом. Его деяния были монументальными в своем оппортунизме.

Ленин был русским буржуа, который проклял слабость и бездарность русской буржуазии[5]. Энтузиаст капиталистического развития, пламенный почитатель прогресса в американском стиле, он не пожелал иметь дело с теми, кого он проклял, но предпочел связаться с их врагами – антикапиталистическими учениками Маркса. Он воспользовался «слепым пятном» Маркса для того, чтобы превратить марксову критику процесса капиталистического производства в учебник для развивающегося капитала, в путеводитель-«инструкцию». Марксовы штудии эксплуатации и обнищания стали пищей для жаждущего, настоящим рогом изобилия. Американские бизнесмены уже продавали мочу под видом минеральной воды, но ни одному из них еще не удавалось совершить обратное.

Обстоятельства не менялись. Каждый шаг в этой инверсии совершался с использованием обстоятельств, опробованными и испытанными методами. Российское крестьянство нельзя было мобилизовать ссылками на его русскость, православие или белую кожу, однако его можно было мобилизовать и его мобилизовали, ссылаясь на его эксплуатируемое, угнетенное состояние, на многолетние страдания под царским деспотизмом. Угнетение и эксплуатация стали сварочным материалом. Долгие страдания под игом царей использовались точно так же и с той же целью, как это делали американцы со скальпированием белых женщин и детей. Их использовали для того, чтобы организовать людей в боевые соединения, зародыш национальной армии и национальной полиции.

Представление диктатора и ЦК партии в качестве диктатуры освобожденного пролетариата казалось чем-то совершенно новым. Но новым оно было только по использованным при этом словам. Это было так же старо, как фараоны и лугали древних Египта и Месопотамии, которые были избраны богами для того, чтобы вести народ, и воплощали народ в своих беседах с богами. Это был опробованный и испытанный трюк правителей. Даже если древние прецеденты были со временем забыты, наиболее недавний прецедентом служил французский Комитет общественного спасения, который представлял себя как воплощение всеобщей воли нации.

Цель – коммунизм, свержение и ликвидация капитализма – также казалась чем-то новым, изменением обстоятельств. Но новым было только слово, цель диктатора над пролетариатом оставались прогресс в американском стиле, капиталистическое развитие, электрификация, быстрое перемещение масс людей, наука, обработка естественной среды обитания. Целью был капитализм, развить который оказалась неспособна слабая и бездарная русская буржуазия. С «Капиталом» Маркса как факелом и путеводителем, диктатор и его партия хотели развить капитализм в России: они хотели выступить как замена буржуазии и использовать мощь государства не только для полицейского надзора за этим процессом, но и для того, чтобы направлять его и управлять им.

Ленин прожил слишком недолго для того, чтобы продемонстрировать свою виртуозность в роли генерального менеджера русского капитализма, но его преемник Сталин щедро продемонстрировал всю мощь машины, созданной основателем. Первым шагом было первоначальное накопление капитала. Пусть Маркс еще в неполной мере разобрался в этой материи, зато хорошо разобрался Преображенский. Потом он был арестован, но его описание испытанных и опробованных методов добывания первоначального капитала было применено на российских просторах. Первоначальный капитал английских, американских, бельгийских и прочих капиталистов брался из ограбления заморских колоний. У России заморских колоний не было. Но этот недостаток не был препятствием. В колонию была превращена вся российская деревня.

Первым источником для получения первоначального капитала были «кулаки» – крестьяне, у которых и впрямь было что забрать. Но операция оказалась настолько успешной, что ее применили и ко всему остальному крестьянству, рационально ожидая, что небольшие средства, полученные в результате ограбления очень большого числа людей, окажутся в совокупности значительными.

Крестьяне были не единственными колонизируемыми. У бывшего правящего класса уже были экспропрированы все его богатства и собственность, но здесь были найдены новые источники первоначального капитала. Сконцентрировав в своих руках всю тотальность государственной власти, диктаторы быстро обнаружили, что могут создавать источники первоначального накопления. Удачливых предпринимателей, недовольных рабочих и крестьян, членов организаций-конкурентов и даже разочаровавшихся членов самой партии можно было объявить контрреволюционерами, согнать как скот и доставить в трудовые лагеря. Все депортации, массовые расправы и экспроприации старых колонизаторов были снова повторены в России.

Старые колонизаторы, будучи первопроходцами, действовали методом проб и ошибок. Российским диктаторам такие пробы и ошибки были не нужны. К их времени все методы добывания первоначального капитала были уже опробованы и испытаны; их оставалось лично научно применить. Российский капитал развивался в тотально контролируемой среде, в тепличных условиях; все рычаги и переменные находились под контролем национальной полиции. Те функции, которые в менее контролируемой среде отводились случаю или другим структурам, в российской теплице были переданы полиции. Тот факт, что объекты колонизации находились не вовне, а внутри, а, следовательно, субъект следовало не завоевать, а арестовать, еще больше повышало роль и масштабы полиции. Со временем всемогущая и вездесущая полиция стала зримой эманацией и воплощением пролетариата, а коммунизм превратился в синоним тотальной полицейской организации и контроля.

И, тем не менее, ожидания Ленина не были осуществлены российской теплицей в полной мере. Полиция-в-качестве-капиталистов совершала чудеса в выбивании первоначального капитала из контрреволюционеров, но далеко отставала в управлении процессом капиталистического производства. Возможно, окончательно говорить об этом еще рано, но к настоящему моменту эта полицейская бюрократия оказалась столь же бездарной, как и проклинаящая Лениным буржуазия. Ее способность к обнаружению все новых источников первоначального капитала, как кажется, – единственное, что все еще поддерживает ее на плаву.

Да и привлекательность этого аппарата оказалась не на уровне ленинских ожиданий. Ленинистский полицейский аппарат привлекал не бизнесменов или политиков истэблшмента; он не рекомендовал себя в роли более совершенного метода управления процессом производства. Он взывал к совсем иному социальному классу, который я попытаюсь вкратце описать. И обращался он к этому классу в первую очередь как метод установления национальной власти, а во вторую очередь – как метод первоначального накопления капитала.

Наследниками Ленина и Сталина стали не настоящие преторианские гвардейцы, реальные обладатели экономической и политической власти от имени и для ставшего излишним монарха. Это были дублиеры преторианцев, ученики экономической и политической власти, которые отчаялись добиться даже среднего уровня власти. Ленинистская модель открыла этим людям перспективы перескочить средний уровень и сразу попасть в центральный дворец.

Учениками Ленина стали клерки и низшие чиновники, такие люди как Муссолини, Мао Цзэдун и Гитлер, – люди, которые, подобно самому Ленину, проклинали свою слабую и бездарную буржуазию за неспособность добиться величия их наций.

(Я не включаю в число учеников Ленина сионистов, потому что они принадлежат к более старшему поколению. Они были современниками Ленина, которые, возможно даже независимо от него, открыли мощь преследований и страданий в качестве сварочного

материала для мобилизации национальной армии и полиции. Сионисты внесли и иной, свой собственный вклад. Их трактовка рассеянного религиозного населения как нации, навязывание ими капиталистической нации-государства как самой важной для населения вещи и сведение религиозного наследия к расовому внесли существенный вклад в националистическую методологию, и эти элементы имели фатальные последствия, когда они обрушены на еврейское население, а отнюдь не только на сионистов, населением, спаянным вместе в виде «германской расы»).

Муссолини, Мао Цзэдун и Гитлер пробилась через завесу лозунгов и увидели в деяниях Ленина и Сталина то, чем они на самом деле и были: успешные методы захвата и удержания государственной власти. Все трое применили эту методологию к своему содержанию. Первым шагом было объединиться с единомышленниками из числа учеников власти и сформировать ядро политической организации – агрегат, именуемый, вслед за Лениным, партией. Следующим шагом стало обретение массовой базы, наличных подразделений и их поставщиков. Третьим – захват аппарата государства: усадить своих теоретиков в кресла дуче, председателя или фюрера, распределить полицейские и управленческие функции среди элиты или кадров и отправить массовую базу работать. Четвертым шагом было обеспечение первоначального капитала, необходимого для восстановления или создания военно-индустриального комплекса, способного поддерживать национального лидера и кадры, полицию и армию и промышленных менеджеров. Без этого капитала не могло быть оружия, без оружия не могло быть власти, не могло быть нации.

Далее, ученики Ленина и Сталина приспособили методологию к собственным нуждам в деле рекрутирования сторонников: они свели к минимуму ссылки на капиталистическую эксплуатацию и сосредоточились на национальном угнетении. Разговоры об эксплуатации больше не служили выполнению их задачи и даже начинали стеснять, поскольку всякому, и особенно наёмным работникам, было очевидно, что добившиеся успеха революционеры отнюдь не ликвидируют наемный труд, но, наоборот, расширяют его сферу.

Столь же прагматичные, как американские бизнесмены, новые революционеры вели речь уже не об освобождении от наёмного труда, а о национальном освобождении[6]. Такого рода освобождение было не мечтой романтиков-утопистов, а как раз тем, что было вполне возможно, причем возможно в уже существующем мире – достаточно было всего лишь использовать уже имеющиеся обстоятельства, чтобы осуществить его.

Национальное освобождение состояло в освобождении национального вождя и национальной полиции от оков бессилия: утверждение вождя у власти и учреждение полиции были не высосанными из пальца мечтами, но частью испытанной и проверенной стратегии, наукой.

Фашистская и Национал-социалистическая партия первыми доказали, что эта стратегия работает, что деяния большевистской партии и в самом деле можно повторить. Национальные вожди и их штабы утвердились во власти и начали добывать первоначальный капитал, необходимый для национального величия. Фашисты залезли в один из последних не подвергшихся завоеванию уголков Африки и принялись высасывать его как ранние индустриализаторы высасывали свои колониальные империи. Национал-социалисты избрали

первым источником для своего первоначального накопления евреев – часть внутреннего населения, которая принадлежала к «объединенной Германии» так же долго, как и остальные немцы. Это было сделано потому, что многие из евреев, как и сталинские кулаки, имели то, что можно было разграбить.

Сионисты еще до национал-социалистов стали трактовать религию как расу, а как использовать инструмент расизма, национал-социалисты могли видеть из опыта американских пионеров.

Гитлеровской элите было достаточно просто перевести свод американских расистских «исследований» и оснастить свои научные институты обширными библиотеками. Национал-социалисты обошлись с евреями во многом так же, как американцы ранее обошлись с туземным населением Северной Америки, с той разницей, что национал-социалисты применили более развитую и мощную технологию для того, чтобы депортировать, экспроприировать и уничтожить людей. Но в этом они, как более поздние массовые убийцы, не были новаторами: скорее, они приспособивались к тем обстоятельствам, какие они застали.

К фашистам и национал-социалистам примкнули японские строители империи, которые опасались, что разваливавшаяся Поднебесная империя станет источником для первоначального накопления российских или революционных китайских индустриализаторов. Сформировав Ось, тройка принялась превращать в источники первоначального накопления целые континенты. Другие нации не беспокоили их, пока те не стали подбираться к колониям и метрополиям утвердившихся капиталистических держав. Превращение уже имевшихся капиталистов в колониальную добычу могло осуществляться внутри страны, где оно всегда было законным, начиная с момента, когда правители наций стали писать свои законы, и его уже практиковали внутри страны ленинисты и сталинисты. Но подобная практика вела бы к изменению обстоятельств, и ее нельзя было осуществить вовне, не вызвав мировой войны.

Державы Оси надорвались и проиграли.

После войны многие благоразумные люди говорили, что страны Оси преследовали иррациональные цели, а Гитлер был сумасшедшим. Но те же благоразумные люди назовут здоровыми и рациональными таких людей, как Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, хотя эти люди планировали и начали завоевание огромного континента, депортацию и истребление его населения, причем в эпоху, когда подобный проект был еще менее осуществим, чем проект стран Оси[7]. Правда, технологии, равно как и физическая, химическая, биологическая и социальная наука, которые применялись Вашингтоном и Джефферсоном, сильно отличались от тех, которые использовались национал-социалистами. Но если знание – это власть, если для ранних пионеров было рациональным калечить и убивать с помощью пороха в эпоху конных дилижансов, почему же для национал-социалистов должно было быть иррациональным калечить и убивать с помощью мощной взрывчатки и химических веществ в эпоху ракет, подводных лодок и «скоростных автострад»?

Нацисты были даже еще более ориентированы на науку, чем американцы. В свое время они были синонимом научной эффективности для большей части мира. Они собирали материалы обо всем, сводили свои изобретения в таблицы и классифицировали их, публиковали свои сводки в научных журналах. У них даже расизм был достоянием не демагогов с фронта, а прекрасно оснащенных институтов.

Многие благоразумные люди, как кажется, смешивают безумие с неудачей. Но и это не ново. Многие называли Наполеона безумцем, когда он находился в заключении или в изгнании, но когда он вновь явился как император, те же самые люди заговорили о нем с уважением и даже благоговением. Заключение в тюрьму и изгнание считаются не только лекарствами от безумия, но и его показателями. Провал означает глупость.

Мао Цзэдун, третий национал-социалистический пионер (или национал-коммунистический); второе слово не значит ровным счетом ничего, потому что является всего лишь историческим реликтом; годится и выражение «левый фашист», но оно имеет еще меньшее значение, чем выражения со словом «национал») сумел сделать для Поднебесной империи то же, что Ленин сделал для империи царей. Старейший бюрократический аппарат мира не распался на более мелкие единицы или колонии других индустриализаторов. Он воспрянул, блестяще измененный, как Народная республика, маяк для «угнетенных наций».

Председатель и его кадры пошли по стопам долгой вереницы предшественников и превратили Поднебесную империю в огромный источник первоначального капитала, совершив это с применением чисток, преследований и последующего «великого скачка вперед».

Следующая стадия – запуск капиталистического производственного процесса – была совершена по российскому образцу, то есть силами национальной полиции. В Китае это сработало не лучше, чем в России. Очевидно, предпринимательские функции следовало возлагать на вызывающих доверие людей или дельцов, которые способны обмануть людей, полицейские же внушают мало доверия. Но для маоистов это было столь же неважно, как и для ленинистов. Важным оставался процесс капиталистического производства, по меньшей мере, столь же важным, как упорядоченные усилия по первоначальному накоплению, поскольку без капитала нет ни власти, ни нации. Но маоисты не слишком (или еще меньше) претендовали на то, что их модель является более совершенным методом индустриализации, и в этом они оказывались скромнее, чем русские. Соответственно, они были и меньше разочарованы в результатах своей промышленной политики.

Маоистская модель предлагалась охранникам-гвардейцам и ученикам мира как испытанная и опробованная методология власти, как научная стратегия национального освобождения. Известная повсюду как «идеи Мао Цзэдуна»[8], эта наука открывала перед стремящимися стать председателями и кадрами перспективу беспрецедентной власти над живыми существами, деятельностью людей и даже их мыслями. Папа и священники католической церкви, со всеми их инквизициями и исповедями никогда не обладали такой властью – не

потому что они ее не хотели, но потому что у них не было инструментов, которые стали доступны благодаря современной науке и технологии.

Освобождение нации есть последняя стадия в устранении паразитов. Капитализм уже раньше очищал природу от паразитов и свел большую часть оставшейся природы к роли сырья для обрабатывающей промышленности. Современный национал-социализм или социал-национализм задался целью устранить «паразитов» и из человеческого общества. Люди-«паразиты» – обычный источник первоначального капитала; но капитал не всегда «материален»; он может быть также культурным или «духовным». Народные обычаи, мифы, поэзия и музыка, разумеется, ликвидированы; кое-что из музыки и костюмов бывшей «народной культуры» затем вновь появляются, в переработанном и упакованном виде, как элементы национального спектакля, декорации для национальных усилий по накоплению; обычаи и мифы становятся сырьем для обработки одной или нескольких «гуманитарных наук». Ликвидируется даже не поддающееся использованию чувство работника по отношению к его отчужденному наемному труду. Когда нация освобождена, наемный труд перестает быть обременительной ношей и становится национальной обязанностью, которую должно исполнять с радостью. Члены полностью освобожденной нации читают оруэлловский «1984» как работу по антропологии, описание прошлого века.

Сатирически отзываться об этом положении дел больше невозможно. Любая сатира рискует превратиться в библию для очередного нового национально-освободительного фронта[9]. Любой сатирик рискует стать основателем новой религии, Буддой, Заратустрой, Иисусом, Мухаммедом или Марксом. Любая демонстрация разрушительности господствующей системы, любая критика ее функционирования становится фуражом для лошадей освободителей, цементирующим материалом для строителей армий. Идеи Мао Цзэдуна в их многочисленных версиях и ревизиях – это тотальная наука и тотальная идеология; это – социальная физика и космическая метафизика. Французский Комитет общественного спасения претендовал на воплощение общей воли одной лишь французской нации. Ревизии идей Мао Цзэдуна претендуют на воплощение общей воли всех угнетенных мира.

Постоянные ревизии этих Идей необходимы, потому что их первоначальные формулировки были применимы не для всех, а точнее только для населений одной из колонируемых стран мира. Ни одна из колоний в мире не обладала китайским наследием сохранения государственного аппарата на протяжении прошедших 2000 лет. Мало кто из угнетенных в мире обладал какой-нибудь из характеристик нации в столь давнем или отдаленном прошлом. Идеи Мао должны были быть адаптированы к народам, чьи предки жили без национальных вождей, армий или полиций, без капиталистических процессов производства и, следовательно, без надобности в первоначальном капитале.

Эти ревизии совершались, обогатив первоначальные Идеи заимствованием из Муссолини, Гитлера и сионистского государства Израиль. Центральным принципом была теория Муссолини о том, что нация находит свое завершение в государстве. Любые группы людей, маленькие или большие, индустриальные или неиндустриальные, сконцентрированные или рассеянные, рассматривались как нации, не в смысле их прошлого, а в смысле их ауры, их потенциала – потенциала, воплощенного в их фронтах национального освобождения. Другим центральным принципом было гитлеровское (и сионистское) отношение к нации как

к расовой общности. Кадры рекрутировались из людей, уже лишившихся родства и обычаев предков, и, как следствие, освободители не отличались от угнетателей по языку, верованиям, обычаям или вооружению. Единственным цементирующим материалом, который связывал их друг с другом и с их массовой базой, был тот же, который соединял белых слуг с белыми хозяевами на американском Фронтире: «узы расы» давали идентичность тем, кто остался без идентичности, родство тем, у кого не было родни, общину тем, кто потерял свою общину. Это была последняя связующая нить для лишившихся культуры[10].

Теперь подвергшиеся ревизии идеи могут быть применены к африканцам и навахо, апачам и палестинцам[11]. О заимствованиях у Муссолини, Гитлера и сионистов благообразно умалчивают, поскольку Муссолини и Гитлеру не удалось в итоге удержаться у власти, а добившиеся успеха сионисты превратили свое государство в мирового полицейского против всех остальных национально-освободительных фронтов. Ленин, Сталин и Мао Цзэдун должны пользоваться еще большим доверием, чем они заслужили.

Подвергшиеся ревизии и универсально применимые модели работают так же, как оригиналы, но более плавно; национальное освобождение превратилось в прикладную науку; аппарат многократно опробован; многочисленные перегибы в оригиналах теперь сглажены. Все что нужно для того, чтобы запустить хитроумное изобретение, – это водитель, ремень передачи и топливо.

Водитель – это, разумеется, сам теоретик или его ближайший ученик. Ремень передачи – это генеральный штаб, организация, именуемая также Партией или компартией. Эта компартия с маленькой буквы – именно то, чем ее обычно и считают. Это ядро полицейской организации, которая проводит чистки и сама подвергнется чистке, когда лидер станет Национальным Лидером, и ему понадобится ревизия неизменных Идей для того, чтобы приспособиться к семье наций или, по меньшей мере, к семье банкиров, поставщиков снаряжения и инвесторов. А топливо – угнетенная нация, страдающие массы, освобожденный народ являются и останутся топливом.

Вождь и его генштаб не падают с неба; это не агитаторы извне. Они целиком продукты капиталистического процесса производства. Этот процесс производства неизменно сопровождается расизмом. Расизм не является необходимым компонентом производства. Но он (в той или иной форме) – необходимый компонент первоначального накопления капитала, а потому почти всегда перетекает и в процесс производства.

Индустриализированные нации добывали свой первоначальный капитал, экспроприруя, депортируя, преследуя и подвергая сегрегации людей, рассматриваемых ими как законную добычу – если не уничтожая их совсем. Узы родства порывались, окружающая среда разрушалась, культурные ориентиры и обычаи искоренялись. Потомки выживших в таких бойнях могли быть счастливы, если им удавалось сохранить хоть малейшие реликты, зыбкие тени культуры предков. У многих не осталось даже тени: они были полностью истощены,

приставлены к работе и затем расширяли механизм, который разрушил культуру их предков. А в мире работы они были оттеснены на самый край и должны были заниматься самым неприятным и низкооплачиваемым трудом.

Национализм продолжает привлекать этих изнуренных, потому что другие перспективы кажутся еще суровее. Культура предков уже разрушена, поэтому, с точки зрения прагматических стандартов, она потерпела провал; из предков выжили лишь те, кто приспособился к системе завоевателей и выжил на окраинах мусорных куч. Различные утопии поэтов и мечтателей, разнообразные «мифологии пролетариата» также потерпели неудачу, они не оправдали себя на практике, оказавшись всего лишь маревом, несбыточными мечтами, журавлем в небе; современный пролетариат настроен так же расистски, как хозяева и полиция.

Упаковщик и охранник потеряли контакт со старой культурой; мечты и утопии их не интересуют, отброшенные с практичным презрением бизнесмена к поэтам, бродягам и мечтателям. Национализм же предлагает им нечто конкретное, то, что было испытано, опробовано и, как всем известно, работает. Для потомков преследуемых нет никакой земной необходимости оставаться преследуемыми, когда национализм открывает перед ними перспективу превратиться в преследователей.

Близкие и дальние родственники жертв могут стать расистским государством-нацией; они сами могут загонять других людей в концлагеря, изгонять их по своей воле, вести против них геноцидную войну и, экспроприировав их, добывать первоначальный капитал. И если это могут делать «родственники по расе» гитлеровских жертв, то могут также близкие и дальние родственники жертв Вашингтона, Джексона, Рейгана или Бегина.

Любое угнетенное население может стать нацией, фотографическим негативом нации-угнетателя, местом, где бывший упаковщик становится менеджером супермаркета, а бывший охранник – шефом полиции. Используя правильную стратегию, любой охранник может последовать примеру преторианских гвардейцев Древнего Рима. Полиция, охраняющая иностранный горнорудный трест, может провозгласить себя республикой, освободить народ и продолжать освобождать его до тех пор, пока люди не начнут молиться за то, чтобы их освобождение, наконец-то, закончилось. Еще до захвата власти какая-нибудь банда может назвать себя «фронтом» и предложить задавленным тяжкими налогами и постоянными полицейскими преследованиями беднякам что-нибудь такое, чего у тех нет: организацию, собирающую с них дань, и передовой отряд, то есть дополнительных сборщиков налогов и полицейских – на сей раз, «своих», «народных».

Таким путем люди могут быть освобождены от черт своих, ставших жертвами, предков; все реликты, которые выжили с доиндустриальных времен и из некапиталистических культур, могут, по крайней мере, постоянно вырываться с корнем.

Идея о том, что само понимание геноцида, память о Холокосте могут привести людей к желанию разрушить систему, ошибочна. Сохраняющаяся привлекательность национализма предполагает, что более верно обратное, а именно, что понимание геноцида ведет людей к мобилизации армий на дело геноцида; что память о Холокосте приводит людей к

совершению новых Холокостов. Чувствительные поэты, которые оплакивают потери, ученые, которые подкрепляют их документами, похожи на тех «чистых» ученых, которые открывали строение атома. Прикладные ученые использовали их открытия для расщепления атомного ядра и производства оружия, которое может расщепить что угодно; националисты используют поэзию для того, чтобы расщеплять и соединять население, мобилизовать армии на геноцид и совершать новые Холокосты.

«Чистые» ученые, поэты и исследователи считают себя невиновными в опустошении сельских местностей и расчлени тел. Но разве они невиновны?

Мне представляется, что, по крайней мере, одно из замечаний Маркса справедливо: каждая минута, посвященная капиталистическому процессу производства, любая мысль, вносящая вклад в развитие индустриальной системы лишь расширяют еще больше ту власть, которая враждебна природе, культуре, жизни. Прикладная наука не есть нечто внешнее и чуждое, она – составная часть капиталистического процесса производства.

Национализм не падает с неба. Он – продукт капиталистического процесса производства, такой же как химические вещества, отравляющие озера, воздух, животных и людей, как атомные станции, заражающие радиоактивностью микро-среду и готовые заразить макро-среду.

В качестве постскриптума мне хотелось бы ответить на один вопрос еще до того, как он задан. Вот этот вопрос: «Не считаешь ли ты, что потомки угнетенных народов лучше в качестве менеджеров супермаркета или шефа полиции?». Я отвечаю на него другим вопросом: А какой комендант концлагеря, национальный палач или пыточных дел мастер не является потомком угнетенного народа?

Примечания

[1] Первый том «Капитала» Маркса носит подзаголовок «Критика политической экономии».

[2] См. главу 24 первого тома «Капитала» – «Так называемое первоначальное накопление».

[3] См.: Е.А. Преображенский. Новая экономика (теория и практика): 1922 – 1928. Т.1, 2. М., 2008. В этой книге автор провозглашает судьбоносный «закон первоначального социалистического накопления».

[4] Примечание переводчика: Здесь автор не совсем прав и демонстрирует недостаточное знание идей и практики анархизма и анархо-синдикализма, в котором, помимо индустриалистского течения, существовало и направление, которое стремилось разрушить систему капиталистического производства, гигантомании и гипертрофирования индустрии (в том числе и в Испании).

[5] См. написанное Лениным в «Развитии капитализма в России»: «Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне

техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей...» (В.И. Ленин. Полн.собр.соч. М., 1971. Т.3. С.601)

[6] Или освобождение государства: «Наш миф – это нация, наш миф – это величие нации». «... Государство создает нацию, давая волю, а следовательно эффективное существование народу, сознающему собственное моральное единство». «Максимум свободы всегда обуславливается максимумом силы государства». «Все для государства, ничего кроме государства, ничего против государства» – цитаты из Муссолини и Джентиле «Что такое фашизм» и «Доктрина фашизма».

[7] «... Постепенное расширение наших поселений, несомненно, побудит отступить как дикарей, так и волков; и те, и другие – хищники, они отличаются только добычей» (Джордж Вашингтон, 1783 г.). «... Если мы бываем принуждены поднять топор против какого-нибудь племени, мы никогда не складываем его, пока это племя не будет истреблено или изгнано...» (Т. Джефферсон, 1807 г.). «... Жестокие убийства, совершенные ими в отношении застигнутых врасплох женщин и детей на наших границах, заставят нас теперь преследовать их вплоть до уничтожения или вытеснить их на новые места, вне пределов нашей досягаемости» (Т. Джефферсон, 1813 г.). Цит. по: Richard Drinnon. Facing West: The Metaphysics of Indian-Hating and Empire Building. New York: New American Library, 1980. P.65, 96, 98.

[8] «Идеи Мао» изложены в его знаменитом «Цитатнике» («Красной книге»).

[9] Издательство Black & Red попыталось высмеять эту ситуацию, выпустив мнимое «Наставление для революционного вождя», нечто вроде «руководства к действию», автор которого Майкл Велли предлагал современному революционному государю делать то, что Макиавелли предлагал феодальному государю. Это издевательское «Наставление» соединило «идеи Мао Цзэдуна» с идеями Ленина, Сталина, Муссолини, Гитлера и их современных последователей и предлагало драконовские рецепты подготовки революционной организации и захвата тотальной власти. К замешательству издателей, не менее половины заказов на «Наставление» поступило от кандидатов в национал-освободители, и возможно, что некоторые из нынешних версий националистической метафизики содержат рецепты, предложенные Майклом Велли.

[10] Примечание переводчика: Разумеется, речь идет не об абстрактном «оплакивании» исчезнувших племенных и прочих докапиталистических структур и кровнородственных связей. Как справедливо замечал Эрих Фромм («Бегство от свободы»), эти отношения, культуры и связи с их групповой идентичностью и подчинением навязанному от рождения традиционному образу жизни отнюдь не являлись сферой человеческой свободы. Действительно, они были уничтожены во многом насильственно, но задача состоит не в том, чтобы искусственно законсервировать или реконструировать их. Более того, как показывает Перлман, их сохранившиеся элементы активно используются для «легитимации» современного национализма.

[11] Я не преувеличиваю. Передо мной лежим брошюра размером с книгу, озаглавленная «Мифология белого пролетариата» (J. Sakai. *The Mythology of the White Proletariat: A Short Course for Understanding Babylon*. Chicago: Morningstar Press, 1983). Будучи приложением «идей Мао Цзэдуна» к американской истории, это одна из самых впечатляющих маоистских работ, которые я когда-либо видел. Автор описывает, иногда весьма живо, угнетение порабощенных африканцев в Америке, депортации и истребление индейцев Американского континента, расистскую эксплуатацию китайцев, заключение в концлагеря американских японцев. Автор привлекает весь этот опыт полного террора не для того, чтобы искать путей замены увековечившей его системы, но чтобы призвать жертвы воспроизвести ту же самую систему самим. Сдобренный картинками и цитатами из председателей Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна и Хо Шимина, сей труд даже не пытается хоть как-то скрыть или замаскировать свои репрессивные цели: он призывает африканцев и навахо, апачей и палестинцев организовать партию, захватить государственную власть и ликвидировать паразитов.

Рокер Рудольф. Фантом национального единства

1919, источник: [здесь](#), *Das nationale Einheitsphantom*. Из: *Der Syndikalist*, Nr.24, 1919, Перевод с немецкого - Ndejra.

Всеобщее возбуждение и искусственно вызванные бури протеста, которые благодаря знаменитым «условиям мира» союзников, происходят во всех частях Германии, снова поставили «национальный вопрос» и проблему «национального единства» в центр общественной дискуссии. От «всегерманца» (имеется ввиду Alldeutscher Verband, довольно шовинистская организация – прим. перев.) до представителя современной социал-демократии по призыванию, все едины в том, что национальное единство является основанием всякого культурного развития, и что расщепление народа должно вести, по закону природы, к закату и окончательной гибели его культуры. И вот, призывают, ругают, жалуются, проклинаяют, впадают в ярость или истерические подёргивания, смотря по политической программе, и всё это потому, что знаменитый и овеянный слухами триумvirат в Версале объявил национальное разделение Германии и запрещает даже австрийцам разделить благодать национального единства.

Было время, когда все школы авторитарного социализма трактовали понятие интернациональности как полное растворение народов в абстрактной идее человечества. В ярком разнообразии жизни народов и языков видели только искусственно созданный барьер против стремлений к братанию угнетённого человечества и мечтали о наискорейшем упразднении всех этих отличий, введении общемирового языка, который должен был вытеснить все существующие языки, и подобных вещах. Эти наивные убеждения, чьи представители не имели ни малейшего представления о глубине проблемы, хотя и не совсем исчезли сегодня, в целом были вынуждены уступить место другим убеждениям. Современная социал-демократия, само собой, не имеет ничего общего с идеями своих предшественников периода так называемого «коммунизма подмастерьев». Она так же сдала позиции, которые занимала десятилетиями, и которую Маркс и Энгельс выразили в Коммунистическом Манифесте, когда заявили, что современный пролетариат не имеет отечества, и что у него, поэтому, нельзя отнять то, чего у него нет. Мысль, что не национальные и политические, но классовые различия и экономические противоречия являются важным фактором для рабочего класса, находит сегодня в социал-демократической партии только немногих отдельных приверженцев. Подавляющее большинство партии уже давно обнаружило у себя «национальное сердце» и считает защиту отечества социалистической и пролетарской обязанностью. На сколько серьёзно отношение к обязанности, показала нам роковая политика вождей социал-демократического большинства за последние четыре с половиной года с классической отчётливостью; это показывает нам сегодня снова позиция социал-демократических

государственных мужей, которые честно стараются снова разжечь дух 1914 года, чтобы ответить Клеменсо и его соратникам ясным «неприемлемо».

В принципе, эта позиция не удивляет; она есть только неизбежный продукт веры современной социал-демократии в государство. Кстати, она не социалистическая, но кто сегодня глуп настолько, чтобы подозревать социал-демократических вождей в социалистических настроениях!

Современный социал-демократ давно забыл зияющее различие между государством и обществом, если он вообще имел ясное представление об этом элементарном противоречии. И так как он может представить себе общество только в форме государства, то воспринимает народ только в смиренной рубашке нации. Но между народом и нацией – то же противоречие, как между обществом и государством. Общественная организация есть естественное образование, которое развивается снизу вверх под влиянием определённых потребностей и чьё основание есть восприятие общих интересов. Государственная организация – это искусственное образование, которое втискивается в человека сверху вниз, и чьё действительное назначение – защита интересов привилегированных меньшинств за счёт общественности.

Народ – это естественный результат общественной организации, объединение (ein Sichzusammenfinden) людей, которое присутствует «внутри» посредством родственности происхождения, общих форм и особенностей их культуры, общего языка, обычаев, традиций и т.д. Эта общая черта живёт и действует в каждом отдельном члене народного сообщества и образует важную часть его индивидуального и коллективного существования. Оно (сообщество) не может быть искусственно выведено, как и насильственно разрушено, если только не уничтожить всех членов народа. Народ может быть подчинён чужой власти и его естественное развитие искусственно осложнено, но никогда не удаётся задушить его психологические и культурные особенности и предрасположенности. Напротив, как раз под игом они выступают ещё яростнее и создают средство защиты для общности народа. Опыт, приобретённый англичанами с ирландцами, австрийцами с чехами и южными славянами, немцами с поляками и т.д. – классический пример непреклонной «вязкости» совместной жизни народа. И мы часто видим, что если поработанный народ в культурном развитии стоит выше, чем его угнетатели, последние, так сказать, впитываются более высокой культурой. Так воинственные орды монголов завоевали Китай и заставили китайцев принять монгольского императора, но по прошествии нескольких поколений монголы превратились в китайцев, так как их примитивная культура не могла сопротивляться величю и свободе китайской культуры. То же мы видели и в Италии, которая столетиями подвергалась нападению варварских орд. Но высокоразвитая культура Италии всегда побеждала грубое насилие варваров, которые только помогли омолодить и оплодотворить заново эту культуру. И это вполне естественно, ведь народ не даёт принудить себя к чужим обрядам, привычкам и мировоззрениям, как не заставить отдельного человека втиснуться в тесные рамки чужой индивидуальности. И если происходит сближение и постепенное растворение одной народности в другой, то это происходит добровольно и бессознательно посредством естественного приспособления, но никогда путём грубого насилия.

Нация, с другой стороны – это всегда искусственный продукт правительственной системы, как и национализм, в принципе, не представляет собой ничего иного, как религию государства. Принадлежность к нации определяется не внутренними естественными причинами, но чисто внешними отношениями и причинами государственного резона. Горстка политиков и дипломатов произвольно решает о национальном существовании и будущем группы людей, которая просто должна подчиниться заповедям власти, не имея права сама решать. Так легли, к примеру, жители французской Ривьеры как-то вечером спать как итальянцы, а проснулись на утро как французы, потому, что конгресс дипломатов на ночном заседании решил их судьбу. Неголандцы были частью английской нации и законоподданными британского правительства, но когда оно продало их Германии, радикально изменилась и их национальность. Ещё вчера их наивысшая заслуга заключалась в бытии передовым укреплением английской нации, после передачи острова их некогда наилучшее достоинство стало рассматриваться как самый чёрный грех. Таких примеров – огромное количество, они характерны для всей истории развития государства.

Как раз современное конституционное государство развило понятие нации и сущность национализма до их новейших последствий. Абсолютная монархия, которая представляет собой, так сказать, фетишистский период в истории развития государства, где король был видимым выражением всей системы, обращалась с широкими массами своих бесправных подданных, как с большим, предназначенным к доению, стадом. По этой причине она только в очень редких случаях призывала их на защиту страны, для которой она содержала армию профессиональных солдат. Только современное государство, которое, якобы, дало каждому своему гражданину право решать о правлении, введя всеобщее выборное право, развило идею права до, собственно, расцвета. Гражданин, которого загипнотизировали его новоприобретёнными политическими правами, должен был так же перенять и обязанности, вырастающие из этих «прав». Выборная урна стала жертвенным алтарём человеческой личности, выборный лист – свидетельством добровольного духовного и физического рабства. Французское якобинство сотворило первым абстрактное понятие государства и вместе с ним абстрактное представление о нации. С тех пор идея национального единства стала лозунгом демократических движений, который социал-демократия переняла от них, как сомнительное наследство. Национальное единство стало синонимом культурного наследия, символом народной жизни; каждое препятствие, учиняемое ему, становилось антикультурным фактором. И это *fable convenue*, эта сказка, которую молча приняли за правду, потянула за собой души, хотя история доказывает как раз противоположное: именно периоды национальной раздробленности были величайшими культурными эпохами человечества, в то время как периоды национального единства были эпохами культурного упадка и распада. Древняя Греция, будучи национально и политически раздробленной, дала нам, тем не менее, культуру, которая всё ещё считается примером. И когда, позже, Александр Македонский мечом соорудил «греческое единство», источники культурных сил и способностей иссякли, которые могли возникнуть только в свободе.

Великий период свободных городов средневековья, время Возрождения в Европе, было эпохой крайней национальной раздробленности и, тем не менее, в то грандиозное время родилась культура, с которой до сих пор ничто не сравнится. Внушительные памятники архитектуры, оставленные нам временем – вечное свидетельство этой блестящей фантазии и человеческого развития. Но позже, когда современное государство на руинах этой

культуры развернуло стяг национального единства, тогда растаяли последние остатки культурного величия, как снег на солнце, и в Европе воцарилось грубое варварство.

Бросим взгляд на нашу собственную историю, и мы найдём только подтверждение того же самого проявления. Все богатые завоевания духовного величия и культуры Германии датируются временем нашей национальной раздробленности. Наша классическая литература от Клоппштока до Гёте и Шиллера, пьянящее искусство нашей романтической школы, наша классическая философия от Канта до Фейербаха, великая эпоха нашей классической поэзии – всё это принадлежит тому времени. Единое национальное государство, однако, отмечает упадок нашей культуры, пересыхание созидательных сил, триумф милитаризма и бездушной бюрократии, которая загнала нас в ужаснейшую катастрофу, о которой только может поведать наше история, как безвольное стадо.

И может ли быть иначе? Ведь единое национальное государство – ни что иное, как воплощённый принцип власти привилегированных классов, победа униформизма и шаблона над богатым разнообразием народного духа, триумф духовной дрессировки над естественным воспитанием и созданием характера, вытеснение личностного чувства падальным подчинением, одним словом – изнасилование свободы грубой государственной силой.

Это ясно распознал ещё Прудон, когда он ответил Маззини, выдающемуся представителю идеи национального единства в Италии, словами: «Каждый естественный характер в разнообразных ландшафтах страны теряется при централизации, это и есть настоящее имя так называемого единства. Большое централистское государство конфискует всю свободу провинций и общин в пользу высшей власти – правительства. Что же это единство наций в действительности? Растворение особенных и отличных друг от друга народов, в которых обитают индивидуумы, в абстрактной нации, в которой никто не дышит и никто не знаком с соседом. Так как у людей украдена возможность распоряжаться собой, требуется, чтобы привести эту огромную машину в движение, чудовищная бюрократия, легион чиновников. Чтобы защищать их изнутри и снаружи, требуется постоянная армия, служащие, солдаты, наёмники, так выглядит будущее нации. Это грандиозное единство требует славы, блеска, роскоши, импозантных чиновников, послов, пенсий, церковных чинов. В таком едином государстве всё протягивает руку, и кто оплачивает паразитов? Народ!

Кто говорит о единой нации, тот имеет ввиду нацию, которая продана своему правительству. Единство – это ни что иное, как форма буржуазной эксплуатации под защитой штыка. Так точно, политическое единство в крупных государствах есть власть буржуазии. От того буржуа и желает единого государства.»

Гениальный француз знал, чего ожидать, но немецкий Михель (собираемый национальный образ, вроде русского Ваньки – прим. пер.), кажется, всё ещё не знает.

Этими рассуждениями, само собой, ни в коем случае не должны оправдываться бесстыдные условия мира союзников. Мы требуем права свободного самоисключения для каждой общины, каждой провинции, каждого народа и именно поэтому мы отвергаем сумасшедшую идею единого национального государства. Знаменитый «союз народов» господина Уиллсона

не был для нас когда-либо чем-либо иным, как новым Святым Альянсом в капиталистическом одеянии. Те же самые господа, которые сегодня громко сокрушаются о союзниках, потеряли всякое право на протест, ибо они – плоть от плоти, кровь от крови, но они среди проигравших, и это – горькая пилюля, которая им не нравится.

Рокер Рудольф.

Национализм — источник опасности!

1953, источник: [здесь](#), *Der Nationalismus - eine Gefahrenquelle!; Aufsatzsammlung, Band 2, 1949-1953, Перевод с немецкого — Ndejra.*

В истории человечества не было, пожалуй, эпохи, в которую единодушное и свободное от предрассудков взаимодействие всех народов было бы так необходимо, как сейчас, чтобы противостоять величайшим проблемам века, от решения которых зависит судьба всех. Все проблемы, которые вздымаются перед нами сегодня, разрослись до мировых проблем, и их нельзя ни обойти, ни одолеть политическим нейтралитетом. Каждая попытка отдельных народов в этом направлении приведёт только к новым неверным выводам и увеличит опасность, которая окружает нас сегодня со всех сторон. Большинство людей уже имеют представление о шаткости современных условий, но очень маленькое меньшинство на сегодняшний день отчётливо распознало, что новая и, возможно, более страшная катастрофа, которой когда-либо подвергалось человечество, может быть предотвращена только решительным отрицанием старых путей силовой политики государств и национального ослепления народов.

В чём мы сегодня срочно нуждаемся – это незамутнённый и широкий взгляд на общественные необходимости ближайшего будущего и ясное понимание того, что вопросы, к решению которых мы принуждены сегодня, простираются далеко за политические границы государств и не могут быть решены в духе националистских понятий. До немецко-французской войны 1870/71 гг. и растущей милитаризации Европы националистские стремления «Молодой Европы» и вера в неприкосновенность суверенитета маленьких государств были ещё понятны; но это радикально изменилось, когда начались военные союзы крупных государств, которые расщепили континент на враждующие лагеря и посредством постоянного вооружения сделали опасность войны постоянной, что могло привести только к общественной катастрофе и, по своему принципу, должно иметь своими последствиями новые катастрофы, откуда сами народы не воспротивятся этому обстоятельству. Даже те народы, которые были подчинены чужой власти до конца первой мировой войны и на протяжении многих лет добивались национальной независимости, которой они теперь добились, не смогли этим ничего выиграть и почти все угодили в положение, оказавшееся для них, политически и экономически, ещё более давящим. Из новых государств, развившихся после первой мировой войны на востоке Европы, только Чехословакия, которая образовалась из бывших австрийских провинций Бёмен, Мэрен,

Шлезия и некоторых небольших областей, могла похвастаться успехами. Хотя чехи и были в этом новом государстве самой большой группой населения, но не составляла и половины пятнадцатимиллионного населения, в то время как 8 миллионов составляли словаки, немцы, венгры, румыны и более мелкие этнические группы. И если маленькая страна, тем не менее смогла так быстро выбраться наверх, то благодаря, большей частью, двум обстоятельствам: она обладала большим количеством полезных ископаемых и представляла собой ещё до отвоёванной независимости важнейшую индустриальную область Австрии. К тому же чехи могли опираться на старые демократические традиции и нашли в Мазарике духовного лидера, который никогда не находился под влиянием панславянских идей или мировоззрения немецкой философии и черпал свои федералистские и либеральные убеждения из западных источников. Он действительно позаимствовал многие идеи у Джефферсона и обладал некоторым сходством с Пием Маргаллом, выдающимся борцом за федерализм в Испании. А все другие страны, которые тогда отвоёвывали себе независимость, как в политическом, так и в экономическом смысле провели невыгодную сделку, которая значительно ухудшила их положение, не принеся им ни малейших выгод, о которых они так долго мечтали. Каждое из этих государств принадлежало раньше к определённому экономическому региону и было вынуждено организовывать собственную экономику и приспособлять её к новым политическим условиям. Это, однако, оказалось трудным, ибо те страны на востоке Европы ещё до их национального освобождения были вынуждены жить в очень тяжёлых экономических условиях и их условия жизни в целом были на более низком уровне, чем в большинстве западных стран континента. При таких условиях, которые, к тому же, значительно ухудшились общим экономическим кризисом после первой мировой войны, они не были способны к переориентировке своей экономической жизнедеятельности и всё глубже увязали в состоянии хронического кризиса, который ещё более ухудшал их и без того плачевные жизненные условия.

Но политические и социальные права и свободы, которые ожидалось от национального освобождения, вскоре оказались пустой иллюзией, не стоящей и фальшивой монеты, так как в большинстве случаев собственное иго, которое народы водружали сами на себя своей, якобы, национальной независимостью, оказывалось ещё более угнетающим и невыносимым, чем то, которого они ещё недавно избежали. Ни один человек, обладающий политической проницательностью, не осмелится сегодня утверждать, что Польша под властью Пислудского и диктатурой генералов наслаждается большими политическими свободами, чем ранее, под русским царизмом и прусской и австрийской монархиями. Венгрия, завоевавшая численным превосходством своего населения и благодаря революционным настроениям 1848/49 гг. некоторые политические права и преимущества при Габсбургской монархии, потеряла при национальной диктатуре Хортны и последние остатки своих былых свобод. Подобное происходило в Югославии и большинстве мелких государств, которые втиснулись в ряды самостоятельных государств после первой мировой войны.

Однако сегодня почти все те молодые государства, вместе с более старыми на востоке Европы, являются ни чем иным, как сателлитами кремлёвских диктаторов и полностью потеряли всякую политическую самостоятельность, которой обладали, так что не могут даже сопротивляться, когда тысячи их жителей насильно увозятся в Россию, чтобы служить российскому государству в виде рабов в концлагерях. Если бы были ещё нужны доказательства тому, что предполагаемая национальная независимость не даёт ни

малейшей защиты от силовой политики более могущественных сосоедей, то минувшая мировая война должна была бы разрушить слепую веру в такую возможность, если бы народы были вообще в состоянии внять этому уроку, к сожалению, малопонятому до сегодняшнего дня.

Так же и Чехословакия не могла избежать своей судьбы, хотя и находилась в более выгодных условиях, чем другие новые государства. После того, как великие державы её позорно сдали и Гитлер использовал те же самые национальные устремления, благодаря которым чешское государство и существовало, чтобы возмутить немецкие, словацкие и другие меньшинства того же государства против Праги, тем что он пообещал им национальное освобождение, чтобы можно было их ещё лучше использовать для своих политических планов, судьба Чехословакии была предрешена. Даже поражение Гитлера не могло ей больше помочь, так как оно вызвало только перемену ролей и позволило Сталину ещё основательнее продолжить то, что начал Гитлер. Индийский философ Раблндарат Тагор как-то сказал: «Нация – одно из самых действенных наркотических средств, которые когда-либо изобрёл человек. Под воздействием его испарений целый народ может систематически исполнять программу своего неприкрытого эгоцентризма, ни сколько не подозревая о своей моральной испорченности.» Тагор называл национализм учением «организованного» эгоизма и попал этим в яблочко: так как только под одеждами национализма можно скрыть всё. Национальный флаг покрывает любую несправедливость, любую бесчеловечность, любую ложь, и если надо, любое преступление. Коллективная ответственность удушает всякое чувство справедливости у отдельных личностей и заводит человека так далеко, что он совсем не замечает совершённой несправедливости и даже восхваляет как доблесть, если она совершается в интересах нации. Поскольку приверженцы националистских взглядов стремятся видеть только то, что отделяет их от остальных, то они никогда не забывают несправедливости, совершённой по отношению к ним, однако, всегда готовы причинить тот же вред другим, если это принесёт выгоду их устремлениям. Это – та узколюбость в мышлении, которая присуща всем национальным движениям и постоянно побуждает своих последователей расценивать каждое мировое событие с точки зрения своей маленькой группы. Эти ограниченные убеждения не только делают их неспособными рассматривать без предубеждения огромные проблемы, имеющие одинаковое значение для всех народов, они так же и причина, по которой как раз национальные движения небольших народов могли быть так часто использованы властью имущими крупных государств для продвижения собственных политических интересов при подтасовке фактов. Ещё Наполеон Первый с большим успехом пытался использовать национальные движения в своих собственных политических планах. Внешняя политика лорда Пальмерстона в целях сохранения «политического равновесия» на континенте опиралась на него, якобы, симпатии делу национальных меньшинств под чужим игом, что совсем ему не мешало подло подставить их, когда они срочно нуждались в помощи. Наполеон Третий, который охотно показывал себя защитником национального единства Италии, оставался тем не менее хорошим строителем своих интересов и ни секунды не колебался при присоединении Савойи и Ниццы к Франции, как только настал удобный момент. Гитлер только следовал по стопам своих предшественников, когда он использовал национализм как приманку, чтобы заманить в ловушку, тех, кто был настолько глуп, чтобы поверить его заверениям. После его свержения, роль смеющегося наследника досталась Сталину, продолжающему сегодня ту же обманчивую игру, чтобы обмануть слепые массы, которые так ничему и не научились,

как и многие до них. Самое постыдное – это то, что эта фальшивая игра расчётливой лжи и гнусного лицемерия всё ещё в силе отуплять подхлестываемые массы, которые при этом полагают, что служат собственным интересам, и не подозревают, что используются только как пешки в другой игре. Кто в действительности оценивает внешнеполитические устремления Сталина и кремлёвских мужей только по резолюциям искусственно организованных конференций мира и по заверениям международной коммунистической прессы, мог бы действительно поверить, что русским властителям больше нечего делать, как освободить народы Азии и Африки от последних остатков «западного империализма» и защищать их национальную независимость. Против такого, достойного похвалы, предприятия, само собой, невозможно было бы возражать, ибо эпоха колониальной политики отнюдь не была страницей славы и, несомненно, принадлежит к темнейшим главам современной истории. Но только немногие задаются вопросом, почему Сталин и его последователи не действуют в России по тому же рецепту, который они так щедро выписывают другим, или что осталось бы от могучего русского государства, которое занимает более одной шестой части суши, если бы его экспансионистская политика была бы измерена той же мерой, что и западного империализма. Маленькое Московское княжество, развившееся в 13-ом столетии, и из которого позднее вышло сегодняшнее российское государство, было довольно скромным началом. И это маленькое государство в течение четырёх столетий покорило не только все балтийские государства, области от Северного Ледовитого океана до Чёрного моря, Польшу, Киевское княжество, Украину и кавказские регионы; оно так же постепенно присоединило к себе большие территории в центральной Азии и всю огромную страну от Урала до Тихого океана, хотя большинство подчинённых народностей, как по языку, так и по происхождению состояли с собственно русским народом не в большем родстве, чем народы Индии, Бурмы, Индокитая, Миланезии и всего арабского мира в Азии и Северной Африке с Англией, Францией, Италией или Голландией.

Если бы все народы, которые сегодня насильственно подчинены русскому государству, обладали правом отделения от СССР, то, пожалуй, от этой могущественной политической конструкции осталось бы очень мало. Но это ещё не всё: когда после русской революции и путча большевиков в ноябре 1917 года, среди подчинённых России народов стали заметны сильные движения за независимость, тогда ещё слабое правительство Ленина было вынуждено признать и торжественно подтвердить национальную независимость этих различных народов.

Так мы читаем в тартском договоре между Эстонией и Советским Союзом от второго февраля 1920 года: «В соответствии с тем принципом, что каждый народ имеет право распоряжаться своей судьбой и полностью отделиться от государства, которому он ранее подчинялся, Советская Федеративная Социалистическая Республика объявляет, что Россия безоговорочно признаёт независимость и автономию государства Эстония и довольно сдаёт все свои права суверенитета над эстонским народом и территорией, и что все подобные права, бывшие в силе в связи с существовавшей официальной ситуацией и международными договорами, перестают действовать с сегодняшнего дня.» Так же и договоры с Литвой в ноябре 1917 и Латвией в 1918 году были составлены почти в тех же словах. Сегодня мы знаем, что все эти договоры не стоили и бумаги на которой были торжественно провозглашены. Эстония, Латвия и Литва сегодня порабощены под советским владычеством более, чем были при царизме. Социалистическая Кавказская Республика была

задавлена в самом начале силой оружия; Финляндия живёт сегодня под угрозой русского штыка, большая часть Польши снова принадлежит России и её меньшая часть управляется сегодня на подобие русской провинции, как и все государства-сателлиты на востоке Европы. Все договоры, которые были заключены Советским Союзом касательно этого, один за другим нарушаются Сталиным. Россия не только значительно разрослась после второй мировой войны, и сегодня больше, чем была когда-либо при царизме, она так же значительно продвинулась на запад, как это не удавалось ни одному русскому царю, не говоря уже об огромном влиянии, которое она приобрела в Азии. Стоит полагать, что страна, развившаяся в ходе истории за счёт других народов в самое большое государственное образование мира, никак не годится к тому, чтобы играть в адвоката национального освобождения угнетённых народов. Но мужи в Кремле знают точно, что они могут предложить сегодняшнему хаотичному миру, и их неустанная пропагандистская машина постоянно находит новые лозунги, чтобы обмануть неведающие массы и скрыть свои действительные намерения.

Вся неразбериха, охватившая весь исламский мир от Марокко до Ирана, является замечательным примером того, как такие события могут быть искусственно вызваны чужими нащёптываниями. Если бы в этом случае речь действительно шла о восстании угнетённых народов, которые пользуются удобным случаем, если не за тем, чтобы добиться социального освобождения, то хотя бы, чтобы достичь лучших условий жизни, то можно было бы только пожелать им удачи. Но, к сожалению, речь идёт не о том. Весь арабский национализм был с самого начала искусственной конструкцией, за чьё возникновение стоит скорее благодарить внешнюю политику враждующих европейских держав, чем реальные устремления многочисленных арабских народов. Племенам бедуинов, которые представляют собой довольно большие части населения во многих арабских странах, понятие национализма было чуждым уже потому, что они, как кочевники, вообще не имеют постоянного места жительства. Большинство арабских народов до первой мировой войны были подчинены турецкому государству. Но когда Турция с началом войны встала на сторону Германии и Австрии, сэр Генри Макмахон связался в октябре 1915 года по заданию британского правительства с Эмиром Хуссейном, шарифом Мекки, и объявил ему, что его правительство готово выступить за национальную независимость всех арабских народов от Красного до Средиземного моря, то есть Аравии, Сирии и Месопотамии, за исключением некоторых областей. Это и было настоящим началом панарабского движения и Арабской Лиги. При всех этих событиях сами народы никто не спрашивал, чьё подавляющее большинство вообще не понимало внутренних обстоятельств этой игры, в которой им отводилась лишь роль немых соучастников, как статистам на сцене театра. Это были договорённости между одной европейской державой и горсткой мелких восточных княжеств, которые уж точно не обращались со своим народом лучше какого-нибудь чужеземного правителя.

Не стоит забывать, что весь арабский национализм существовал благодаря всего лишь маленькой интеллектуальной прослойке и поддерживался мелкими арабскими властителями, так как они полагали, что их династийные интересы могут от этого выиграть, при чём сильнейшие из них постоянно были одержимы желанием рано или поздно использовать новую идею арабского братства для завоевания гегемонии во всём мире. Народы не играли при этом вообще никакой роли. Факт то, что во всех новых арабских

государствах, не смотря на их официальную независимость, духовное и материальное положение широких масс никак не изменилось.

Но после первой мировой войны были выполнены совсем не многие из британских обещаний. Во время переговоров о мире Англии достался мандат на управление Ираком, Палестиной и Трансиорданием, а мандат на Сирию достался Франции. Следствием было то, что так называемое панарабское движение, бывшее в начале решительно пробританским, отчётливо разделилось на антибританский и антифранцузский лагеря. Это было особенно ясно, когда Муссолини представился в своей знаменитой речи защитником исламского мира и пытался с помощью радио-пропаганды из Рима привлечь арабов на свою сторону. И он достиг успеха, так как мелкие арабские властители тогда восхищённо смотрели на фашистскую Италию, как они сегодня восхищённо смотрят на Сталина. Это – одна из самых слабых и опасных сторон любого национализма, какие бы имена он не носил. В своём слепом твердолобии, которое постоянно привязано к узким интересам одной определённой группы людей, его носители всегда готовы кинуться в какое-нибудь политическое приключение, которое манит их фальшивыми надеждами и лживыми обещаниями, ни сколько не заботясь о том, что они помогают этим развитию самой brutальной реакции, которая приведёт к гибели не только всего человечества, но и их собственных устремлений. В этом случае это было показано с неприкрытой ясностью. Если позиция мелких арабских князей во время второй мировой войны была для союзников довольно невыгодной, то после основания Израильского государства она превратилась в непримиримую вражду, которая разрастается сегодня всё более и более в непримиримую ненависть против всех чужаков. А это как раз то, в чём мы менее всего нуждаемся в современной опасной ситуации, так как слепой фанатизм не только препятствует всякой возможности взаимопонимания, он может в сегодняшних условиях легко вызвать новую катастрофу, чьи последствия необозримы. Действительно, сегодня на Ближнем Востоке создались обстоятельства, как тогда, на Балканах, бывших открытой пороховой бочкой на протяжении десятилетий, которая могла взорваться в любой момент из-за внешних и внутренних политических интриг, что, в конце концов, и действительно случилось.

Мы стоим сегодня на границе нашей истории, там где узколобый национализм больше не может нам помочь, ибо он абсолютно неспособен ответить на сегодняшнюю ситуацию. Своим фанатическим ослеплением он может только подливать масла в огонь силовой политики и продолжать старую игру, в которой есть только преданные граждане и наталкиваемые друг на друга народы.

Рокер Рудольф. Опасность национальной идеологии

1931, источник: [здесь](#), Rudolf Rocker. Aufsatzsammlung. Band 1. 1919-1933. Frankfurt a. M., 1980. Стр.157-162. Печатается в сокращении.

Между народом и нацией существует такая же разница, как между обществом и государством. «Общество, - говоря словами Томаса Пэйна, - в любом случае благо; государство же в лучшем случае необходимое зло, а в худшем случае - невыносимое зло». Общественная организация - это естественное образование, которое развилось снизу вверх под влиянием определенных закономерностей и в основе которого - учет общих интересов. Государственная организация - это искусственное создание, которое навязывается людям сверху вниз и единственная цель которого следует искать в защите привилегированных меньшинств общества за счет всех.

Народ - это естественный результат общественной организации, соединение людей, обусловленное большим или меньшим родством происхождения, общими формами и особенностями их культуры и общностью языка, обычаев, преданий и т. д. Эта общая черта живет и действует в каждом отдельном звене народного объединения и является важнейшей частью его индивидуального и коллективного существования. Его столь же невозможно создать искусственно, как и насильственно разрушить, разве что уничтожив все звенья народа. Народ может быть подчинен иностранному господству и искусственно сдерживаться в своем развитии, но никогда не удастся насильно удушить его естественные психические и культурные особенности и склонности. Напротив, именно под чужим игом они проявляются тем яснее и служат своего рода защитным средством для сохранения народного целого. Опыт, который имели англичане с ирландцами, австрийцы - с чехами и югославами, немцы с поляками, приводя только некоторые примеры, служат классическими доказательствами несгибаемого упорства чувства сопричастности народа, которая вытекает из его общественного существования. Евреев можно тоже привести здесь как типичный пример. Нередко мы видим даже, что если подавляемый народ в культурном отношении стоит выше, чем те, кто его подавляет, то последние, так сказать, напиваются их более высокой культурой. Так воинственные монгольские орды завоевали Китай и навязали китайцам императора, однако на протяжении нескольких поколений монголы превратились в китайцев, потому что их примитивная культура не могла сопротивляться величю и утонченности китайской. То же явление мы наблюдали в Италии, которая веками подвергалась нападениям орд варварских народов. Но высокоразвитая культура Италии снова и снова одерживала верх над грубой силой варварства, которое в конце концов способствовало омоложению и новому оплодотворению этой культуры. И это совершенно естественно, поскольку насильственно навязать народу чужие обычаи, привычки и идеи столь же трудно, как втиснуть отдельного человека в тесные рамки чужой

индивидуальности. Там, где имеет место естественное сближение и постепенное взаимное срастание различных народов, это происходит всегда добровольно и неосознанно путем естественной адаптации, но никогда путем грубого насилия.

Нация, однако, - это всегда искусственный продукт государственной организации, точно так же, как национализм в основе своей есть ни что иное, как идеология государства, своего рода политическая теология. Принадлежность к нации определяется внешними факторами и доводами государственного резона, за которыми, конечно же, всегда скрываются особые интересы определенных классов. Кучка политиков и дипломатов, исключительно приказчиков привилегированных меньшинств государства, по своему произволу принимает решения о национальном существовании и будущем конкретных групп людей, которые должны покориться велению их властей, не имея сами права на самоопределение. Так, например, жители нынешней французской Ривьеры однажды вечером легли спать итальянцами, а на следующее утро проснулись французами, потому что группа политиканов определила их судьбу. Тем самым их национальная принадлежность претерпела радикальные изменения, и то, что днем раньше было их величайшим достоинством, превратилось день спустя в самое черное преступление. Таких примеров в истории великое множество. Они характерны для всей истории развития современного государства. Достаточно посмотреть на идиотские и халтурные решения Версальского мира, - и вот вам лучшая иллюстрация того, как сегодня фабрикуются нации.

Факт состоит в том, что все крупные государства Европы состоят из десятков маленьких народов и народностей, которые часто даже отделены друг от друга по своему происхождению и языку, но были насильственно сплавлены в нацию династическими или экономическими интересами. Даже там где национальное объединение было проникнуто духом больших народных движений, как это имело место в Италии и Германии, в основе этих движений всегда лежала реакционная идея, которая закономерно должна была привести к самым плохим результатам. В этом смысле революционные методы, к которым часто прибегал национализм не меняют ничего. Мадзини и его сторонники были по своим методам, конечно же, революционерами, но их политические идеи и стремление к единому национальному государству были крайне реакционными и разрушительными для культуры. От «политической теологии» Мадзини до фашизма Муссолини - лишь один шаг. Взглянем на свежеепеченные государственные образования, возникшие в Европе после войны[1]*. Те же самые национальные меньшинства, которые раньше не уставали жаловаться на насилия, чинимые над ними чужими угнетателями, сегодня, когда цель их стремлений достигнута, проявляют себя, как угнетатели национальных меньшинств в их собственных странах. Во имя национального освобождения они сбросили со своих плеч иго иноземного господства, чтобы взвалить на себя иго куда более тяжелое, чем прежде. Польша, Югославия и пограничные государства между Россией и Германией - классический пример нашего утверждения. И это совершенно естественно, поскольку и малые государства всегда стремятся идти по стопам крупных и подражать их действиям. Лучшее доказательство того, что гармоничное сожительство народов в рамках нынешней государственной системы вообще невозможно.

Именно современное конституционное государство непомерно развило понятие нации. Абсолютная монархия, которая, так сказать, представляла фетишистский период в истории

развития государства и в которой король был зримым выражением всей системы, относилась к широким массам своих бесправных подданных как к большому стаду, предназначенному на убой. По этой причине она лишь в редчайших случаях привлекала их к защите страны, которую она как правило доверяла армии профессиональных солдат. Только современное государство, которое якобы дало своим гражданам право участвовать в управлении благодаря дарованию избирательного права, развило идею нации до ее современных масштабов. Гражданин, которого гипнотизировали его новоприобретенными правами, должен был теперь взять на себя и обязанности, выросшие из этих мнимых прав. Избирательная урна стала жертвенным алтарем человеческой личности, избирательный бюллетень - актом о добровольном духовном и экономическом рабстве масс. Лишь французское якобинство создало абстрактное понятие государства и вместе с ним абстрактное представление о нации. С тех пор идея национального единства стала лозунгом большинства буржуазных партий, у которых ее, как и многое другое, унаследовали социалисты - государственники. Национальное единство стало синонимом культурного развития, символом народной жизни; любая угроза ему считалась угрозой национальной культуре. И эта сказка, которую молчаливо признали за правду, продолжает и сегодня смущать умы, хотя история доказывает нам как раз обратное. Именно периоды так называемой «национальной раздробленности» были до сих пор самыми великими культурными эпохами в истории, в то время как, напротив, периоды «национального единства» были эпохами культурного упадка и гибели.

Древняя Греция, совершенно раздробленная национально и политически, дала нам тем не менее культуру, которая и сегодня во многих отношениях представляется нам примером. А когда позднее Александр Македонский силой оружия установил греческое единство, культурные силы и творческие устремления страны иссякли, - они могли развиваться только в условиях свободы. Великий период вольных городов Средневековья был эпохой крайней национальной раздробленности, но именно в это время родилась культура, подобной которой в Европе с тех пор больше не было. Грандиозные памятники архитектуры, живописи и скульптуры того времени служат блестящим свидетельством этой великой фазы развития человечества. Но когда позднее государство подняло на развалинах этой культуры флаг «национального единства», последние остатки культурного величия растаяли, как снег на солнце, и в Европе разразились ужасающие войны началась эпоха опустошающего варварства. Бросим взгляд на историю Германии - и обнаружим там подтверждение того же исторического процесса. Все богатые достижения духовного величия и культуры в этой стране относятся ко времени ее так называемой «национальной раздробленности». Ее классическая литература от Клопштока до Шиллера и Гете, потрясающее искусство ее «романтической школы», ее классическая философия от Канта до Фейербаха пик ее классической музыки от Бетховена до Вагнера - все это относится к тому времени. Но установление единого национального государства, пусть даже оно не было здесь осуществлено столь радикально, как во Франции, знаменует упадок культуры в Германии, иссякание творческих сил, триумф милитаризма и бездушной бюрократии, которая привела народ с некогда великими склонностями к чудовищной катастрофе, как безвольное стадо. И так было не только в Германии. История Италии, Испании, Франции, России и т. д. есть лишь повторение тех же самых исторических фактов. И это совершенно естественно. Государства не создают культуру, как это часто бездумно утверждают, зато они часто уничтожают ее. Государство и культура находятся в непреодолимом противоречии. Мощный

государственный организм - самое большое препятствие для любого культурного развития. Больше всего процветает культура там, где государства умирают или сведены к минимуму. Политическое господство всегда стремится к единообразию и к подчинению всех областей общественной жизни одному определенному шаблону. Но тем самым оно вступает в непримиримое противоречие с творческими силами культурного развития, которое всегда ищет новые формы и воплощения и которое так же связано с бесконечным разнообразием, как политическая власть - с созданием шаблонов и с застывшими формами.

Между политическими властными стремлениями привилегированных меньшинств и культурной жизнью народа всегда идет внутренняя борьба, поскольку они имеют различную направленность, никогда не поддающуюся добровольному смешению и приводимую к видимой гармонии только посредством внешнего принуждения и духовного насилия. Если государству не удастся направить культурную деятельность в определенное, служащее его целям русло и тем самым прервать ее естественное развитие, то культура рано или поздно взорвет политические рамки, которые она воспринимает только как препоны. Но если аппарат политической власти достаточно силен для того, чтобы надолго загнать культурную жизнь в определенные, желательные для него формы, то она будет искать другие обходные пути, потому что ее невозможно привязать к каким-либо политическим границам. Государства никогда не погибают от якобы утонченности их культуры; они умирают от разрастания принципа политической власти, которому постепенно приносят в жертву все живые силы страны. Потому что проклятие власти состоит в постоянном стремлении расширять сферу своего господства, идет ли речь о власти церкви, государства или партии. Весь авторитет государства основан на этом принципе, который постепенно удушает все остальные силы и становится тем самым причиной внутреннего упадка. Рим погиб не от воздействий слишком утонченной культуры, как это часто утверждали историки, он погиб из-за своей собственной власти, которая, как и любая другая власть, стремилась постоянно расширять границы своего влияния и тем самым в конце концов развязала катастрофу своей собственной гибели.

Важное различие между культурой и властью состоит в следующем: каждая культура, не слишком сдерживаемая в своем развитии политическими препятствиями, ведет к постоянному обновлению творческого стимула, к растущему разнообразию творческой деятельности. Каждое удачное произведение пробуждает потребность в еще большем совершенстве и еще более глубоком воодушевлении. Культура всегда является творческой и всегда ищет новые формы деятельности. Власть, напротив, никогда не бывает творческой; она лишь использует творческую силу культуры, чтобы прикрыть свою наготу. Она всегда действует разрушительно, постоянно стремясь втиснуть все явления социальной жизни в железный корсет своих законов. Форма ее духовного выражения - мертвая догма, ее метод - жестокое насилие. Бездушность ее стремлений накладывает неизгладимую печать на ее носителей и делает их самих бездушными и жестокими, даже если они первоначально имели самые лучшие задатки. Она раздражает волю своих представителей до болезненных желаний, пока для них еще есть объект для покорения. Как только он исчезает, власть ищет удовлетворения в голой жажде наслаждений и в безумной растрате награбленного ею добра. Так было в Риме. Рим умер от своей болезненно обострившейся жажды власти, которая до последнего мешала любому культурному развитию и вела его к гибели. Государства могут умереть, культуры лишь преобразуются и

принимают другие формы. Современное единое государство есть ни что иное, как воплощение принципа власти имущих классов, победа единообразия над богатым разнообразием народной жизни, триумф духовной дрессировки над естественным воспитанием и формированием характеров, вытеснение личного чувства голым мертвым повиновением, одним словом, - изнасилование свободы жестокой государственной властью и бездушными шаблонами.

Это ясно понял еще Прудон, адресовавший Мадзини, наиболее видному представителю идеи национального единства, следующие слова: «Любая первоначальная характерная особенность в разнообразных ландшафтах державы теряется при централизации, каково истинное имя этого национального единства. Большое централизованное государство конфискует всю свободу провинций и общин в пользу высшей власти, правительства. Что такое в действительности это единство нации? Превращение отдельных народных сообществ, в которых живут люди существенно отличающиеся друг от друга, в абстрактную нацию, в которой никто не может свободно вздохнуть и никто не знает другого. Когда людей лишают возможности распоряжаться собой, для поддержания всей этой огромной машины требуется чудовищная бюрократия, целый легион чиновников. Чтобы защищать ее изнутри и снаружи требуются постоянная армия, служащие, солдаты, наемники - таково будущее нации. Это грандиозное единство требует славы, блеска, роскоши, импозантных цивильных листов, послов, пенсий, доходных местечек. А кто оплачивает паразитов? Народ. Кто говорит о единой нации, тот имеет в виду нацию, проданную своему правительству... Это единство есть ни что иное, как форма буржуазной эксплуатации под защитой штыков. Именно так, национально-политическое единство в крупных государствах есть господство буржуазии. Отсюда страсть буржуазии к единому государству.» Гениальный француз прекрасно понял подлинную подоплеку всех т. наз. стремлений к единству. Он ясно предвидел то, чего до сих пор не могут увидеть наши современные социалисты - государственники, начиная от социал-демократов и кончая различными филиалами большевизма. Предвидел, потому что его взор не был затуманен слепой верой в государство как у партийных социалистов, которые так и не вылупились из яйца своих якобинских предков.

Так называемый «экономический национализм», который усилился в последнее время и проповедуется не только буржуазными экономистами, но и очень известными социалистами, вырос из тех же корней. Европейский капитализм сегодня все больше вступает в конфликт с отдельными национальными хозяйственными системами, чьи узкие формы более не соответствуют его сегодняшним устремлениям. Возникновение и развитие международных трестов и картелей есть лишь попытка преодолеть ситуацию, созданную национальными и политическими понятиями прошлого. Но если из этого делают заключение, что экономический строй европейских народов должен быть перестроен и, что он должен строиться в соответствии с их особыми качествами и якобы присущим им от природы своеобразием, то это снова идеологическая посылка, не могущая скрыть своей подлинной цели. Мысль об ограничении производства различных стран только теми отраслями, к которым они якобы призваны волею судьбы благодаря их особым навыкам, и об исключении любой другой деятельности есть лишь оживление рассуждений старых английских экономистов, которые верили, будто природа создала одни народы только для промышленности, а другие - исключительно для сельского хозяйства. В действительности

этот так называемый экономический национализм, который точно так же, как и политический национализм представляет собой прямое покушение на культурное развитие народов, проистекает из экономических интересов современного коллективного капитализма, который рассчитывает подобной переориентацией всей системы производства увеличить производительность хозяйства. Это должно стать рационализацией промышленности, распространенной не только на предприятия, но и на целые страны. Как в политическом национализме человек существует для нации, точно так же в капиталистическом мире он существует только для экономики[2]*.

Мы - антинационалисты. Мы требуем права на свободное самоопределение для любой общины, любого региона, любого народа, и именно по этой причине мы отвергаем безумную идею национального единства. И мы федералисты, т.е. приверженцы союза свободных объединений людей, которые не отгораживаются друг от друга, а живут во взаимопроникновении и взаимообогащении, самым тесным образом срастаются друг с другом тысячами нитей духовной, экономической и культурной природы. Единство, к которому мы стремимся, это культурное и социальное единство, которое находит опору в постоянно растущем разнообразии форм его выражения. Это единство, которое проистекает из свободы всех человеческих отношений и принципиально отвергает любой механицизм и бездушное однообразие. Либертарный социализм всегда считал, что любой народ имеет право строить свою социальную и культурную жизнь по своему усмотрению и действовать как самостоятельное звено большого целого. В произведениях Прудона, Бакунина и Кропоткина это мнение нашло ясное и недвусмысленное выражение, но, по нашему мнению, эта позиция требует одного важного дополнения. Речь здесь идет не просто о чисто политическом или социально - этическом вопросе, но одновременно об определенных экономических предпосылках, которые только и могут обеспечить отдельным народным группам их политическую и культурную независимость. То, что человек рождается немцем, русским или французом, - это вопрос случая, так что здесь у него нет разумных оснований гордиться или печалиться. По этой причине все искусственно сконструированные послылки так называемых расовых теоретиков и националистов всех категорий и оттенков с их безумными утверждениями о существовании избранных и неполноценных народов столь безмерно нелепы и крайне реакционны по своему практическому воздействию. Но случайно и то, что народ или народная группа в ходе своей истории поселились на территории, где позже обнаружили богатые природные ископаемые, вроде залежей угля и железа, нефтяных источников и т. д. Эта случайность не дает жителям этой области права на монопольное использование природных ресурсов, на то, чтобы держать другие народы или группы людей, обделенные такими дарами природы, в экономической зависимости от себя.

Мы переходим здесь к вопросу, который сейчас здесь может быть лишь вкратце затронут, но имеет большое значение для будущего развития человечества. Вся тенденция капиталистического экономического строя потому столь беспримерно антинациональна и необычайно вредна для общества, что ее носители в различных странах преследуют ясную цель - подчинить господству своих монополий все богатства Земли, которые могли бы послужить благу людей. Так во время войны немецкая тяжелая промышленность силилась аннексировать железорудные копи Лонгви и Брие, чтобы создать континентальный горно-металлургический трест, и сотни тысяч людей должны были отдать свою жизнь за достижение этой цели. Но немецкие крупные промышленники проиграли игру, которую

сегодня продолжают вести теми же преступными методами представители французской тяжелой промышленности, на сей раз за счет Германии. И каждая из сторон прикрывает эту политику доводами о «национальных интересах». Мы - социалисты в самом глубоком смысле этого слова. Поэтому мы придерживаемся принципа, что не человек существует для экономики, а экономика для человека. Поэтому мы рассматриваем всю Землю как единую экономическую область, открытую для деятельности всех, следовательно к ее природным богатствам должна иметь свободный доступ каждая человеческая группа.

Интернационализация природных богатств - угля, нефти, железа и т. д.- это для нас одна из важнейших предпосылок для осуществления социализма и освобождения человечества от ига экономического, политического и социального рабства. Использование этих богатств должно быть с помощью взаимных соглашений обеспечено всем народным группам, иначе в истории утвердятся новые монополии и, следовательно, новое разделение на классы и экономическое порабощение со всеми его ужасными последствиями. Только так людям удастся разбить наголову нынешнюю капиталистически - националистическую реакцию и проложить путь к лучшему будущему.

Примечания

[1] Здесь и ниже идет речь о Первой Мировой войне.

[2] Реалии мировой экономики существенным образом изменились с 1930-х гг., и потому экономический национализм сегодня проявляется в иных формах.

Рокер Рудольф. Опасность коллективных психологических категорий

Источник: [здесь](#), перевод - В.Граевский

С тех пор, как Гегель научил нас мыслить категориями и осчастливил каждый народ, который казался ему достаточно важным, особой «исторической миссией», данный способ мышления превратился для многих из нас в идею-фикс. Люди привыкли оперировать количеством всеобщности и приходят таким путем к самым дерзким обобщениям, в большинстве своем даже не представляя, что стали жертвами ложных посылок, неминуемым образом ведущих к очень странным выводам.

После того, как Лазарус и Штейнталь со всем мыслимым хитроумием сконструировали так называемую «психологию народов», странствие в этом направлении бодро продолжалось, и мы с неизбежной логикой пришли к абстрактным представлениям о существовании массовой, классовой или расовой души или иным подобным понятиям, которые проистекают из мыслительной акробатики. Под этими понятиями можно понимать все что угодно и ничто. Так Достоевский превратился для нас в толкователя «славянской души», а Гёте – в глашатая «германского духа». Мы дурманим себя этим словесным звоном и радуемся тому, что наш язык обогатился еще одним словесным фетишем; «ведь именно там, где нет понятий, вовремя появляется слово».

Мы на полном серьезе говорим о «народе-индивиде», даже о «государстве-индивиде», причем понимается под этим не, скажем, отдельный человек, принадлежащий к тому или иному народу или гражданин отдельного государства. Нет, в данном случае весь народ, все государство рассматриваются так, как если бы они были отдельным существом, и наделяются определенными чертами характера и психическими качествами. Поймем, что это означает: абстрактное образование, такое как государство или народ, которое призвано передать нам некое социологическое понятие, наделяются определенными свойствами, какие можно обнаружить лишь у отдельного существа. Перенесенные же на коллективное понятие, они ведут к самым чудовищным и ложным последствиям.

Как создаются подобные конструкции, нам со всей ясностью продемонстрировал Лазарус при обосновании своей «психологии народов». Не задумываясь, перенося свойства отдельного человека на весь народ, он глубокомысленно заявил, что отдельный человек может рассматриваться лишь как носитель общего духа и лишь в таком качестве может быть носителем идей. Изобретатели различных коллективных психологий идут этим проторенным путем все дальше и дальше. Гюстав Лебон стал основоположником «психологии масс», другие открыли психологию класса, а Чемберлен, Вольтман, Хаузер, Гюнтер и другие стали счастливыми основателями «расовой души». Все они действовали по одному и тому же методу, чохом перенося свойства отдельного человека на классы, нации или расы.

Метод на самом деле очень прост, только вот сильно напоминает о порождении богов. Высказав мысль о том, что человек творит бога по своему собственному образу и подобию, Людвиг Фейербах озвучил великую истину, которая с тех пор только снова и снова находила подтверждение. Но эта истина не только обнажила внутреннюю обманчивость любой религии; она явственно затронула самые глубинные причины нашего человеческого рабства. Создав себе увеличенную копию самого себя в виде бога и наделив жизнью это порождение своей примитивной фантазии, человек сам стал рабом собственного изделия. Он пожертвовал свою действительную жизнь призраку, порожденному его же представлениями. Так творец стал рабом собственного творения, живое бытие попало в плен к мертвой видимости. Божество стало всем, человек – ничем. Чем лучезарнее сиял над человеком свет божественности, тем более жалким и незначительным должно было казаться ему его привязанная к земле человечность. Человек принимался во внимание лишь как носитель и глашатай «духа божьего».

Кто бы сомневался, что изобретатели различных коллективных психологий, которые конструируют своих призраков совершенно так же и на тот же лад, неминуемо придут к такому же итогу? Любое возникшее подобным образом коллективное понятие, в которое человек вдыхает «душу», становится Сатурном, пожирающим в этом случае не своих детей, но своих отцов.

Когда начали оперировать такими понятиями, как «психология масс», вначале всего лишь хотели сказать, что человек, будучи вместе с себе подобными и по случаю охваченный тем же воодушевлением, поддается особому душевному переживанию; оно при определенных обстоятельствах может побудить его к действиям, которых бы он никогда не совершил, будучи предоставлен сам себе. Пока все хорошо. Вне сомнения, подобные настроения существуют, хотя и здесь мы имеем дело с настроением отдельного человека, а не с настроением массы как таковой. Душевные переживания такого рода совершенно очевидным образом проистекают из человеческого чувства социальности и доказывают лишь, что инстинкт социальности является существенной частью нашего человеческого существования. Таким образом возникают настроения всеобщей боли, всеобщей радости или воодушевления, как под прямым или косвенным влиянием человеческого окружения вообще возникает всякое глубокое душевное ощущение отдельного человека. Коллективное выражение человеческого чувства, какое мы можем наблюдать на собраниях больших людских масс, лишь потому столь впечатляет, что здесь с огромной мощью выступает общая сумма всех отдельных ощущений, и вследствие этого душевные переживания отдельного

человека чрезвычайно обострены.

Вообще говоря, сходство в ощущениях отдельных людей легко обнаружить не только в связи с большими массами, но и при иных обстоятельствах, и при этом снова и снова проявляется тот факт, что, несмотря на все отличие людей друг от друга, в них присутствуют определенные общие инстинкты. Так, вынужденное одиночество или вынужденное общение вызывает у различных людей одни и те же душевные переживания, которые во многих случаях могут даже вести к одинаковым действиям. То же самое можно наблюдать при различных проявлениях болезни, при сексуальном возбуждении и в сотнях иных случаев.

Поэтому можно говорить в лучшем случае лишь об индивидуальной психологии, поскольку лишь у индивидов имеются физиологические предпосылки для душевных переживаний какого-либо рода и для впечатлений душевной природы – но не у таких абстрактных образований, как государство, масса, нация или раса. Возникновение мысли вне функций органов мозга или ощущений без нервной системы столь же трудно себе представить, как и процесс пищеварения без соответствующих органов. И, однако же, приверженцы психологии коллективов не обращают внимания на такие мелочи и радостно обобщают всюду. То, что получается в результате, иногда сконструировано весьма остроумно, но совсем малоубедительно.

Принадлежность к тем или иным классу, нации или расе далеко еще не предопределяет совокупность мыслей и чувств отдельного человека. Столь же мало возможно выделить из образа мыслей или склонностей характера индивида сущность нации, расы или класса. Любое крупное социальное образование охватывает людей со всеми мыслимыми чертами характера, умственными способностями и практическими действиями. Между людьми, принадлежащими к подобным образованиям, во многих случаях существует чувство родства, которое, однако же, у индивида является не врожденным, но воспитывается; тем не менее, для оценки целого оно не имеет большого значения. То же самое относится к определенным сходным проявлениям физического и духовного рода, которые вызываются внешними условиями окружающей среды. В любом случае, особенные задатки отдельного человека проступают в процессе его развития куда сильнее, чем все внешние воздействия. Это ясно подметил еще Шопенгауэр, писавший:

«Впрочем, индивидуальное намного перевешивает национальное и требует в тысячу раз большего учета в данном конкретном человеке, чем оно (национальное, - прим. перевод.). Национальный характер, поскольку он ведет речь о толпе, честно говоря, не может особенно похвалиться ничем хорошим. Скорее, в каждой стране в разных формах проявляются человеческая ограниченность, извращенность и дурной нрав, и это именуют национальным характером. Испытывая отвращение к одному и тому же, мы хвалим другого, пока с ним не наткнемся на то же самое. – Каждая нация глумится над другими, и все они правы».

То, что Шопенгауэр говорит здесь о национальности и национальном характере, можно с тем же успехом применить к любой коллективной категории. К тому же, свойства, которые «психологи массы» приписывают в концентрированном виде своим обобщениям, редко

соответствуют истине. Часто их следует расценивать как результат личных желаний и, соответственно, как чисто фантастические конструкции. Раса или нация, чьи характерные качества пытается обосновать расовый или этно-психолог, всегда будут соответствовать тому их образу, который он уже сформировал для себя. В зависимости от симпатии или антипатии, которые он испытывает к ним в данный момент, нация или раса будут гениальными, благородными, верными, идеалистическими, честными – или же духовно неполноценными, расчетливыми, подлыми, материалистическими и склонными к предательству. Даже если он очень постарается остаться справедливым или, по меньшей мере, соблюсти видимость этого, отцом его мысли все равно будет желание. Достаточно сравнить различные суждения, которые в период минувшей мировой войны делались представителями одной нации в отношении представителей другой, чтобы уже не питать никаких иллюзий насчет значения подобных оценок и определений. Впечатление окажется еще более разительным, если для сравнения привести суждения, сделанные в более ранние периоды, и сравнить их с позднейшими. К примеру, гимн французского романтика Виктора Гюго к германским народам или оду английского поэта Томаса Кэмпбелла «К немцам» сравнить по контрасту с позднейшими излияниями националистических современников обеих стран в отношении тех же самых немцев. При этом получится картина, которая должна заставить задуматься даже самого простодушного.

Мы говорили об англичанах и французах, но это отнюдь не означает, что с немцами дело обстоит лучше. Достаточно прочитать чистосердечные излияния немецких расовых теоретиков самого недавнего прошлого о мнимой неполноценности и «тупой душе» тех народов, в чьих жилах не течет «нордическая кровь», и сразу же понятным становится постулат Ницше: «не иметь дело ни с кем, кто принимает участие в лживой расовой дребедени».

Английский философ Дэвид Юм знал своих людей, написав: «Когда наша нация вовлечена в войну с другой, мы ненавидим эту последнюю, называем ее жестокой, вероломной, несправедливой и буйной; себя же самих и наших союзников мы считаем справедливыми, умеренными и мягкими; свои предательства мы называем мудростью, а жестокости – необходимыми. Короче, мы стараемся преуменьшить любую ошибку или присваиваем ей имя той добродетели, которая близка к ней».

Приведем лишь один пример того, как формируются суждения о своей и других нациях – из той «великой эры лжи», которую обезумевшие простофили восхваляют как «стальную закалку омоложения народов». Вот какое милое суждение делала «Пополо д`Италия», орган будущего диктатора Муссолини, о румынах, прежде чем те вступили в войну и встали на сторону союзников:

«Перестанем же, наконец, называть румын нашей братской нацией. Они – не римляне, хотя и нацепили на себя это благородное имя. Это смесь первобытных варварских народов, которые были покорены римлянами, со славянами, печенегами, хазарами, аварами, татарами, монголами, гуннами, турками и греками, и легко понять, какой сброд подонков мог получиться в результате этого. Румын еще и сегодня – варвар и неполноценный индивид, который, к всеобщему посмешищу французов, по-обезьяньи подражает парижанину и охотно ловит рыбку в мутной водичке, если нет опасности, от которой он

предпочитает уходить. Это проявилось еще в 1913 году».

Стоило однако Румынии вступить в войну, причем на стороне союзников, как та же самая газета Муссолини писала:

«Румыны теперь самым блестящим образом доказали, что они – достойные сыны древних римлян, от которых они происходят так же, как и мы сами. Это наши самые ближайшие братья, которые теперь, с присущими им мужеством и решимостью, присоединились к борьбе латинской и славянской рас против германской, – иными словами, к борьбе за свободу, культуру и право против прусской тирании, произвола, варварства и себялюбия. Подобно тому, как в 1877 г. румыны продемонстрировали, на что они способны, сражаясь на стороне наших отважных русских союзников против турецкого варварства, так и теперь они, вместе с теми же союзниками, бросят свой острый меч на весы в борьбе против австро-венгерско-немецкого варварства и склонят их чашу в нашу пользу. Нельзя было ожидать ничего другого от народа, который имеет честь принадлежать к латинской расе, что некогда правила миром».

Весьма благодарной задачей было бы тщательно собрать оценки, сделанные во время мировой войны в отношении различных наций, и сравнить их друг с другом. Собрание такого рода стало бы куда лучшим свидетельством умственного и морального падения нашей эпохи, чем все комментарии историков.

Достаточно взять в руки «Речи к немецкой нации» Фихте, на которые сегодня снова ссылаются патриоты, чтобы увидеть, что даже крупные умы впадали в те же заблуждения. При этом, справедливости ради, нельзя не признать, что речи Фихте несравнимо выше по уровню, нежели пустые творения современного национализма, и во многом содержат идеи, какие было бы напрасно искать у сегодняшних носителей «национальной идеи». Но речь не об этом, а о методе, примененном философом Фихте, чтобы сформулировать свои представления о «немецкости».

Вознамерившись научно обобщить свои особые взгляды на то, что он воспринимал как «немецкое», и то, что, по его мнению, противоречило немецкому духу, Фихте просто выразил идеи, лежавшие в основе его системы философского идеализма. Его немецкость была всего лишь духовным воплощением придуманного им идеала немцев; это было его исконное творение, и оно несло на себе все признаки философской реторты, в какой было сварено. Это особенно заметно в тех местах его речей, острие которых направлялось против его философского противника Гегеля, чей ход мыслей он просто отменил как «ненемецкий».

Но то, что Фихте приписал немцам, помимо своих особенных философских идей, – это качества, какие можно обнаружить в любом народе и на которые ни у кого нет никаких монопольных прав. Даже его представление о некоей «исторической миссии» немцев, в конце концов, есть не более чем молчаливое пожелание, любимая иллюзия, и она не может претендовать на большее внимание к себе, чем «божественные миссии» Боссюэ, якобы предустановленные народам ради осуществления божьего промысла.

Если же отвлечься от тех различий, какие обусловлены естественной окружающей средой, то есть, климатом, строением почвы и подобными воздействиями, и в большинстве случаев заметны и в пределах одной и той же нации, то трудно определить, существуют ли вообще хоть сколько-нибудь существенные различия между нациями как таковыми. В большинстве случаев эти так называемые различия сводятся всего лишь к воспитуемым предрассудкам.

Каррери Джанфранко. Итальянский синдикальный союз против фашизма

Перевод КРАС-М.А.Т. источник: [здесь](#)

В начале 1920-х гг. Итальянский синдикальный союз (USI) был профсоюзом, который инициировал наиболее широкие и мощные социальные и трудовые конфликты в стране. Освободившись от интервенционистского течения, он стал единственным антимилитаристским профсоюзом, который выступил против Первой мировой войны и подвергся репрессиям, что заставило его уйти в полуподполье. Среди наиболее видных представителей USI было множество анархо-синдикалистов, и сама организация по характеру своему являлась ассамблеарной, самоуправляемой и либертарной.

Активный участник "красного двухлетия" (1919-1920) и захватов фабрик и земли, USI уже в 1920 году подвергся тяжелым репрессиям со стороны власти. В результате различных нападений полиции и королевской гвардии в Эмилии и в других регионах на митинги и собрания рабочих был убит ряд ораторов и активистов Союза. В Болонье весь состав Генерального совета USI был арестован, его членов погрузили в грузовики и отвезли в тюрьму.

С момента формирования первых фашистских групп, их отряды стремились нанести удар по USI, анархистскому движению и наиболее боевой части

пролетариата. Штаб-квартиры профсоюзов поочередно подвергались нападениям с использованием стратегии концентрации отдельных банд вместе на территории, которая подлежала атаке. Засады и покушения били по

наиболее заметным активистам.

USI ответил фашистам ударом на удар и начал сопротивление, которое порой приобретало даже вооруженный характер и предвосхитило развернувшуюся 22 года спустя партизанскую борьбу 1943-1945 гг.

Перед лицом наступления фашистских отрядов, USI организовался на всех уровнях, в т.ч. и в военном отношении, а также радикализировал социальные конфликты. В отличие от всех левых партий и других профсоюзов, которые проявили колебания, USI сделал выбор в пользу прямого действия и сопротивления, и это большая заслуга Союза, увидевшего то, чего другие еще не могли или не хотели видеть.

Стратегия сопротивления USI, неоднократно снова и снова стихийно возникавшая в самой практике самообороны, практикуемой его низовыми организациями, состояла из двух параллельных, но взаимосвязанных линий действия.

Первая - это поощрение создания вооруженной антифашистской милиции "Ардити дель Пополо" ("Народных смельчаков"). Эти формирования были дезавуированы и встретили возражения со стороны других партий и профсоюзов, но, наряду с анархистами и членами USI, в них присутствовали также рядовые коммунисты, социалисты, беспартийные и даже сторонники Корридони и Де Амбриса, которые сделали выбор в пользу антифашизма.

Вторая - это превращение наиболее крупных Палат труда (местных центров, - перевод.) USI в маленькие

крепости, способные сопротивляться, даже в течение длительного времени, нападениям фашистских отрядов и в то же время давать укрытие и защиту антифашистам, которые бежали из районов, уже

подвершихся нападениям фашистов и захваченным ими.

Систематические нападения фашистов охватили весной и летом 1921 года Лигурию, Тоскану и Эмилию. Многие активисты USI были убиты, ранены или арестованы. При втором штурме фашистскими отрядами была сожжена Палата труда в Ла-Специи. Безжалостные репрессии обрушили фашисты на USI в Вальдарно. В 1922 году после полицейского фарса фашисты, королевские войска и карабинеры совместно

захватили Палаты труда USI, провели аресты и вынудили многих активистов отправиться в изгнание.

После неоднократных нападений и, несмотря на часто героическое сопротивление, в конце концов, во многих случаях были захвачены или уничтожены Палаты труда USI в Милане (где также размещался национальный секретариат Союза, здание сожжено), Брешии, Кремоне, Мантуи, Судзаре, Варезе, Виченце, Роверето, Савоне, Ареццо, Андрии, Сериньоле, Бари, Минервино-Мурдже, Таранто, Фано, Флоренции, Лукке и многих других городах.

В Имоле товарищи из USI оказали сопротивление агрессии и нападениям. Активистов союза убивали, но и фашисты гибли в столкновениях.

Несмотря фашистское наступление на город и убийства наших товарищей, долго оказывала сопротивление Палата труда USI Ливорно, которую охраняло множество вооруженных рабочих. Сопротивлялась и Палата труда Модены, пока она не пала под ударами безжалостных фашистских репрессий.

В Парме USI стал одним из главных действующих лиц победоносной вооруженной борьбы в 1922 году против фашистских отрядов, которые собрали большие силы, чтобы сломить сопротивление города и разгромить вооруженный народ. Только позднее реакции удалось взять верх, и помещение Союза было разрушено.

В Риме USI и "Ардити дель Пополо" сумели долгое время оказывать сопротивление, отвечая фашистам ударом на удар, пока не были разгромлены после "марша на Рим" и государственного переворота.

Фашистами были сожжены Палата труда Болоньи и помещение группы туринского союза. Активист USI Пробо Мари был сброшен в реку По со связанными за спиной руками, но все же сумел вырваться на свободу.

Но наиболее значительное сопротивление развернулось вокруг Палат труда в Пьомбино и Сестри-Потенте.

В лигурийской цитадели фашисты, захватив помещения рабочих организаций близлежащих городов, пытались в июле 1922 года штурмовать оплот USI, который два года подряд выдерживал атаки фашистских отрядов. На заключительном этапе осады горстка вооруженных активистов USI противостояла в несколько раз более многочисленным фашистским формированиям. Хотя Палата теперь пылала, товарищам удалось отбить ее. Ее несколько раз захватывали у пролетариата, и рабочие всякий раз восстанавливали ее, пока она не была окончательно уничтожена присланными превосходящими силами и королевскими войсками.

В Пьомбино USI организовало сопротивление, которое в течение нескольких месяцев одерживало победы, не давая чернорубашечникам занять эту рабочую цитадель. Палата труда превратилась в настоящую крепость, действуя вместе с батальоном "Ардити дель Пополо", в рядах которого состояло много анархистов и членов USI. Различные попытки фашистов войти в Пьомбино были отбиты, а рабочие из USI и "ардити" даже перешли в контратаку, на несколько дней взяв под свой контроль весь город. Были захвачены наиболее известные фашисты, а пришедшая им на помощь королевская гвардия была разбита и сложила оружие. Новое наступление фашистов и королевской гвардии привело к массовым облавам, но атака захлебнулась перед Палатой труда, где активисты USI перегруппировались и разогнали чернорубашечников, которых едва спасли королевские войска. В апреле 1922 года рабочие USI и "смельчаки" вновь разгромили фашистов, которые пытались занять Пьомбино. Новое ужасное нападение произошло 12 июня, город был захвачен фашистами, но Палата труда USI по-прежнему сопротивлялась. Чтобы ее занять, понадобились сотни атак и полтора дня непрерывных боев, вызвавших многочисленные жертвы.

Одним из последних центров USI, который продолжал сопротивляться дольше других, был боевой профсоюз шахтеров Иглесиаса.

18 ноября 1923 года главный орган USI, газета "Классовая война", была закрыта властями. В 1924 году USI еще продолжает работать в полуподполье (проводя, однако, значительные

забастовки и пытаюсь восстановить профсоюзы), пока 7 января 1925 года префект провинции Милан не выпустил декрет об официальном роспуске Союза на всей территории страны. 2 года спустя самораспустилась Всеобщая конфедерация труда Италии.

Непримиримость USI была хорошо известна тому же Муссолини, который в 1920 году, комментируя повстанческий проект сторонников Д'Аннунцио, вынужден был признать: "Поэтому нам необходимо сделать все возможное, чтобы молниеносный марш на Рим не был осложнен всеобщей забастовкой... Теперь, чтобы избежать всеобщей забастовки или аналогичных массовых движений и не быть вынужденными их подавлять, необходимо если не убедить лидеров, то разделить их: чтобы дезориентировать те же массы.

На Итальянский синдикальный союз рассчитывать нельзя, но можно, до определенного момента, рассчитывать на Всеобщую конфедерацию труда".

Несмотря на подполье, USI продолжал работать как через профсоюзные ячейки на предприятиях и по месту жительства, так и создавая организационную сеть за рубежом. В сентябре 1923 года в Париже были созданы секретариат и эмигрантский комитет USI. Несмотря на фашистские репрессии, USI организовал в апреле 1925 года конференцию лигурийских металлургов и конференцию профсоюзов Апулии. В ответ на роспуск,

введенный фашизмом, USI сумел провести важную подпольную национальную конференцию в Генуе 28 и 29 июня 1925 года с участием делегаций со всей Италии и отраслевых профсоюзов.

В первые же годы фашистской диктатуры более 30 тысяч членов USI были вынуждены эмигрировать в различные страны мира. Многим другим пришлось

отправиться во "внутреннюю эмиграцию", оставив свой дом, чтобы избежать фашистских репрессий, и укрыться в других местах Аппенинского полуострова. 35 трудящихся из USI были приговорены муссолиниевским судом к пожизненному заключению.

Подпольная сеть профсоюза в Италии с достаточно эффективной структурой работала до 1934 года, когда по ней был нанесен тяжелый удар из-за подробного отчета о подпольной структуре, который попал в руки тайной полиции OVRA.

В 1936 году анархо-синдикалисты из USI героически сражались в Испании плечом к плечу с CNT-AIT против Франко и фашизма, который его поддерживал. Итальянцы из USI, находившиеся в изгнании во Франции, активно участвовали во французском Сопротивлении сороковых годов, когда страна была захвачена нацистами. Наконец, мы находим активистов USI и анархо-синдикалистскую рабочую молодежь в итальянском Сопротивлении и либертарных партизанских бригадах.

Неттлау Макс. Анархизм и национализм

1931, источник: [здесь](#).

Что такое национализм? С моей точки зрения, это именно то состояние, когда нечто хорошее превращается в нечто плохое. Например, когда употребление становится злоупотреблением, индивидуализм становится эгоизмом, собственность для личного потребления становится монополией, свобода — распущенностью или тиранией. Одним словом, это состояние, когда перейдена граница, допущена чрезмерность. Именно таким состоянием вырождения является национализм.

Национальность является общей характеристикой коллектива людей данной местности, вызывающей ощущение уюта и домашности, — такие чувства, каких эти люди не испытывают по отношению к чужакам. Если, однако, из этой дифференциации возникают надменность, вражда, чувство превосходства, презрение к чужакам, тогда национализм превращается в отрицательное, антисоциальное чувство. Это вырождение естественного и вполне социального чувства, чувства солидарности в пределах данной местности, без сомнения имеет очень старые и глубокие корни во всех многочисленных причинах, разделяющих людей. Но прогресс означает уничтожение этих причин и исчезновение всех форм вражды среди людей. Национализм также представляет собой, можно сказать, профессиональную болезнь авторитарного и социального общества и исчезнет, когда общество станет свободным и социальным.

Так как анархизм больше, чем какая-нибудь другая социальная теория, стремится привести к этой смене рабства свободой, монополии — солидарностью, то естественно, что замена национальной исключительности братством всех людей является одной из многих перемен, необходимых для освобождения человечества. Все эти переменны связаны и переплетены между собой в том понимании полного (интегрального) социализма, который в настоящее время представлен только анархизмом. Нам необходимо работать по всей линии прогресса, ибо социальная организация, претерпев лишь одну или несколько таких перемен, оказывается неспособной двигаться дальше, как это все мы знаем по опыту. Одни лишь социальные переменны, как в России, без свободы, политические переменны без справедливости, национальное освобождение без солидарности людей, все это и еще другое оставляет много важной работы не сделанною и не являются подлинным шагом вперед. Только анархизм остался свободным от этой односторонности и неполноты. Его роль в социалистическом развитии неизбежно принимает более широкие размеры по мере того, как неполные формы социализма остаются позади. Необходимо, поэтому, чтобы у нас были ясные представления о всех вопросах, извращенных или затемненных под влиянием энтузиазма, споров, эгоизма, фанатизма и т.д. Одним из таких вопросов является

национализм, в последние 30 лет встающий перед обществом во многих и разнообразных формах.

Исторически, в течение 10 или 12 тысяч лет, на протяжении которых можно установить связь в деятельности части человеческого рода, и в течение 2.500 лет этого периода, по отношению к которому имеется больше фактических материалов, а особенно за последние несколько сот лет, — мы видим много рас и наций, вступающих в поле зрения истории. Почти все они изменяются, сливаются с другими, разрушаются или вовсе исчезают, спустя несколько времени. Едва ли хоть одна из существующих европейских народностей может как следует доказать свое происхождение от какой-нибудь нации, существовавшей во времена расцвета древнего Египта, Греции или Рима. До этого исторического периода лежит неопределенно длинный период, когда человечество рождалось и развивалось. В течение этого периода возникали первоначальные деления племен, разбросанных на пространствах, отличавшихся различными свойствами и климатом. Позднее, путем разнообразных слияний и смешений, путем исчезновения более слабых промежуточных типов, образовались более широкие единицы, народы. Одни из них стали оседлыми, другие остались бродячими и пребывали в таком состоянии в течение периодов неизвестной продолжительности, прежде чем история, предшествуемая безымянным доисторическим периодом, оказалась в состоянии дать народам имена. Все это чрезвычайно походит на растление и дифференциацию некоторых родов животных, со всеми их местными типами и разновидностями.

Каждая из этих местных человеческих единиц развивала в себе более или менее специальные физические черты, местный язык, обычаи, религиозные взгляды, политические учреждения, формы собственности, законы против нарушителей и т.д., а также специальные местные способности к продуктивному труду, к нападению и защите, запас традиций, общие симпатии и антипатии по отношению к соседним единицам, особенно там, где возникали связи между семьями, где речь шла о престиже руководящих родов и о священных связях, установленных жрецами. Все это создавало национальность внутри малых единиц — идеал номинального родства и товарищества местных народностей. Это чувство, иногда дремавшее, но всегда бывшее налицо, иногда заглушает всякое иное чувство, делает народ недоступным рассуждениям и готовым на все для защиты того, что он считает правом и интересом своей нации, подобно тому, как люди часто приносят в жертву все для защиты семейных интересов, когда солидарность берет верх над разумом и убеждением.

Всевозможные страсти неизбежно оказывают свое действие в подобных проявлениях чувства, усиливаясь под влиянием семейных или национальных интересов, как и при всяких действиях, подсказанных интересом. А за правами национальности следуют ее требования, ее претензии и, где возможно, ее завоевания. В таких вопросах нет предела, и подобно тому, как употребление превращается в злоупотребление, так и претензии превращаются в несправедливые захваты. Старая пословица говорит: "Прав я или не прав, а это моя страна". В этой поговорке полностью сказывается не рассуждение, а настроение, возникающее из слепой страсти.

Чего здесь не хватает, так это знания или сознания: сознания, достаточно сильного для того, чтобы отвергнуть солидарность с несправедливым деянием, а зачастую и преступлением, и знания, которое показало бы границы между тем, что правильно и справедливо, и тем, что не является таковым. Мы знаем, что является такими границами в физических и технических вопросах, мы знаем, что является ядом для здоровья или что оказывается пределом устойчивости для данных материалов, но во многих других вопросах мы во власти страстей или неумения отличать добро от зла, что нам диктуют страсть и интерес.

Национальность, невинное и желательное накопление столь многих хороших вещей, позволяющих нам чувствовать себя дома в данной местности или территории, в то же время способна причинить бесконечный вред. Национальность может быть фактором социальным или антисоциальным, в зависимости от того, ограничивается ли она пользованием, или же употребление вещей переходит в злоупотребление ими. Национальность была и остается предметом безжалостного использования и злоупотребления на протяжении всей истории. Ею пользуются для целей братоубийства. Сильные нации поглощают и разоряют или рассеивают малые нации. Некоторые нации оказались всепожирающими и ненасытными. Азиатские монархии, Египет, деспоты Крита, Македония Александра, республиканский Рим и Рим цезарей, интеллектуально подчинившие себе народы, позднее — папский Рим, о котором мечтал Мадзини, а теперь — Рим империалистического фашизма наших дней, потом Испания времени кастильских завоевателей и американских конквистадоров, Англия времен нормандского завоевания и вплоть до нынешней империи, Франция Людовика XIV и Наполеона I, царская Россия, Византия и Константинополь, Германия средневековых императоров, Америка наших дней — страны политического и экономического империализма и т.д. Вся эта мировая масса тирании выросла из национальностей, которые, благоприятствуемые обстоятельствами, проявили больше умения и беззастенчивости, чем все другие, и подчинили других своему ярму.

Очевидно, таким образом, что национальность является сильнейшим фактором в процессе создания власти, ибо она ставит себе на службу всех людей и все ресурсы. Никакая прямая сила не могла бы это совершить, только добровольное подчинение призыву к патриотизму превращало на протяжении всей истории каждого человека в послушное орудие вождей своей страны и того, что они называли национальным интересом. Религия является другим фактором, но так как религии стремятся распространиться на все нации и при этом позднейшие кастовые религии, буддизм, христианство и т.д. занимают место более ранних местных культов, то их развитие совершается в противоположном направлении по сравнению с национализмом, который изолирует нации. Религии были бы даже гуманизирующим фактором, если бы они действительно придерживались этого принципа. Но когда дело доходит до войны, то мы все знаем, что местные культы немедленно возрождаются. "Бог" становится тогда на сторону каждой нации особо, помогает только ей и становится врагом ее врагов. Таким образом, религии никогда не умеряли местных страстей, а, наоборот, возбуждали их. Кроме того, религии сами вели много войн за свое собственное преобладание, за преобладание христиан или язычников, католиков или протестантов и т.д.

Гигантские страны всегда распадались на части или подвергались разрушению, как разрушены будут и ныне существующие империи. Однако, они оставляют после себя части империи, радующиеся своему освобождению. Эти освободившиеся части страны неизбежно заражены таким же духом господства, стремятся и сами стать большими державами. Теперешняя конфигурация политической Европы — все еще результат распада императорского Рима, отделения востока от запада. Рима от Византии, отчуждения севера от юга, итальянцев — от тех, кого римляне называли варварами, т.е. всех северных народов, вражда жителей средней Европы внутри и вне старых римских границ, влияние римских манер и обычаев, Франция и Германия, раздел внутри романских стран, где германское население, смешавшись с латинским и с первобытным населением, жило рядом с населением южных частей, где такой смешанности населения не было, но где возникла уже примесь африканских арабов. Я укажу здесь на Францию, Италию, Испанию, где север и юг очень различаются такою смесью рас.

В других странах позднейшие сильные расы наложили свой отпечаток: норманны из Скандинавии, заняв части северной Франции, делали набеги на северную Германию и на все другие берега до самой Сицилии, а позднее совершили завоевание Англии.

Все эти царства стремились стать могущественными государствами по образцу Рима, но так как они обязаны были своим возникновением военному завоеванию, то полководцы захватили большую часть земель и сами стали феодальными властителями. Церковь приобрела много других территорий, принесенных ей в дар или завещанных ей. Города часто имели возможность, благодаря своей экономической силе, добиваться некоторой независимости от королей и, в общем, местные власти с успехом защищали себя от государства, но сами становились не менее их авторитарными и угнетающими.

Эта система могла бы существовать до тех пор, пока производство и потребление сохраняли местный характер. Тем не менее торговля и финансы стали развиваться, стали возникать торговые центры, и дифференцированная местная жизнь превращалась постепенно в препятствие по мере того, как промышленность специализировалась и продукты ее распространялись путем торговли на обширные территории. Феодальные привилегии городов, рыночные монополии и т.д. препятствовали этому ходу развития. Неустранимый ход общественного развития создал обширные экономические территории последних столетий. Современное государство казалось сначала освобождением от местной мелкой тирании. Местным центрам мы обязаны развитием гражданской жизни, промышленности и науки, например, Флоренции, Нюрнбергу, Генту, торговым центрам, как Вена и Венеция, университетским городам, где сосредоточивалась научная жизнь, столицам, где все эти факторы сочетались с жизнью правительственных и придворных центров, вроде Парижа и Лондона. Ясно, что все эти цветущие центры требовали обширных территорий, откуда они могли бы черпать свои силы и куда они могли бы сбывать свои продукты и свою культуру. Таким образом, государства, какие мы знали до 1914 года, были созданы за время — от Карла Великого до века Карла V, а некоторые и позднее, соответственно с требованиями экономического прогресса, создавшего крупное и специализированное производство.

Это развитие, включая расцвет науки, техники, гражданской жизни и требования более значительной личной свободы, сделало возможной современную жизнь, интеллектуально

зародившуюся в XVI и XVII веках, очень многим обязанную XVIII веку и приобретающую силу и признание путем борьбы со старыми привилегированными классами и революций в Нидерландах, Англии, Америке, Франции на протяжении трех веков.

XIX век, — когда подлинная наука и точная могущественная техника начали свое триумфальное шествие, когда естественные науки, техническое умение, пар и электричество стали фактами, совершенно преобразившими жизнь, — сделал интеллектуальную жизнь возможной, благодаря относительной безопасности, достигнутой европейскими странами и Соединенными Штатами после уничтожения наполеоновского империализма и испанского влияния в Америке и путем утверждения независимости в Северной Америке после второй войны с Англией.

В течение ста лет, или около того, земной шар наслаждался относительным всеобщим миром, все войны были локализованы. Это сделало прогресс либеральных идей характерным для того счастливого века. И только этот всеобщий прогресс дал возможность социализму и рабочему движению развиваться, принес освобождение крестьян, рабов и крепостных, свободную мысль и некоторые формы свободной народной самодеятельности, вроде кооперации. Затем, всеобщее обучение, свободу женщин и т.д. Все это развилось и заложило фундамент, который уже никогда не будет разрушен.

Этот прогресс явственно был связан с расширением экономической жизни, свободно развивающейся на обширных территориях, при помощи железных дорог и пароходов, проникая в самые отдаленные места земного шара и распределяя естественные богатства, добытые в дальних странах, по всему промышленному аппарату или снабжая ими потребителей новейших европейских и американских стран. Под этим давлением последние видимые препятствия для развития экономической жизни на территории одной нации были устранены: маленькие полунезависимые и вполне независимые государства пришли в тесное соприкосновение между собой. Из независимых итальянских государств и присоединенных территорий была создана объединенная Италия путем войн 1859 и 1866 годов. Германские территории были соединены экономически посредством таможенного союза. Затем препятствия к более тесному политическому союзу были устранены после войн 1866 и 1870 годов. Кобден стал проповедовать свободу торговли во всех странах. Это не было достигнуто, но многое было сделано для устранения препятствий с пути развития торговли и путей сообщения. На много лет, вплоть до 1914 года, Европа, за исключением России и Балкан, представляла собой континент, где паспорта стали рассматриваться, как принадлежность древней истории, а проживание повсюду стало свободным. Такой период ~ существовал в Соединенных Штатах, где иммигранты могли свободно высаживаться в Новом Орлеане, переходить на речной пароход и устраиваться на берегах Миссури, где им было угодно, без всякого вмешательства властей.

Национализм благоприятствовал такому ходу событий в то время. Каждый мыслящий итальянец — за исключением некоторых федералистов — работал для создания объединенной Италии, каждый немец — для создания германского государства, республики или империи с общегосударственными учреждениями, способными устранить то дробление Германии, при котором через каждые несколько миль начиналось новое государство с особой монетой, законами и правилами. Это было до такой степени явно нелепым и так

давно отжило свое время в Англии и Франции. Наиболее передовые люди были против уничтожения такого бесполезного разнообразия, мешавшего свободе. В известной своей брошюре, написанной в 1870 году, Бакунин резко выступает в защиту политического федерализма в Швейцарии, так как он стоял за разумность экономического единства, т.е. за мероприятия, введенные в Швейцарии в 1848 году и устранившие внутренние препятствия к свободе экономической жизни.

Здесь я должен напомнить читателям, что национализм был неизвестен вплоть до эпохи наполеоновской империи. Причина этого очень проста: это было вмешательство больших и малых государств в так называемую национальную жизнь. Это объясняет, почему они так хорошо сохранились на протяжении всех этих веков войн и потрясений. Это делалось не из терпимости, а просто потому, что никто об этом не думал. Образование имело очень узкие границы, и литературный язык, вместе с языками латинским, греческим, французским, итальянским, испанским, английским, немецким, служил образованным классам для сношения между собой. Рядом с этим местный диалект был языком народа и удивительно сохранился. Только случаи жестокого преследования после местных бунтов или нетерпимая религиозная политика и другие причины авторитарного порядка вдохновляли и вызывали местный патриотизм и особую любовь народа к своему языку, что было неуютно властям и духовенству. Католическая контрреформация XVII века преследовала протестантские книги, напечатанные на славянском и литовском языках, нидерландский патриотизм преследовался испанцами, Швейцария укрепляла свой национальный патриотизм в борьбе с Германией и Бургундией. Все это были отдельные случаи, вызывавшие к себе всеобщую симпатию.

Только французские завоевания и оккупации, приведшие к созданию наполеоновской империи, напомнили европейским народам об их былой независимости. Прежде чем восстать с оружием в руках в 1815 году, они возродились духовно и стали усиленно заниматься своим национальным прошлым, стали разыскивать и собирать реликвии своего средневекового литературного наследия, народные песни и сказки, местную старинную мифологию и т.д. Наступила реакция против великого разочарования, вызванного французскими завоеваниями после того, как так недавно еще Франция была центром космополитизма и свободомыслия и оказала моральную и материальную поддержку Америке в ее борьбе за независимость и при провозглашении Прав Человека.

Начиная с 1815 года, идеология национализма сохранилась в общественном сознании Германии, где надежды на реформы после падения Наполеона не оправдались. Но это был либеральный и унитарный национализм студентов и части профессоров. Несколько лет спустя это направление получило поддержку со стороны промышленной буржуазии, и это придало вес экономическому унитаризму. В Италии национальный унитаризм был либеральным по тем же причинам и также получил существенную поддержку со стороны богатой ломбардской буржуазии; кроме того, он был укреплен пропагандой Мадзини, а позднее — сильным и честным мечом Гарибальди. Он имел за собой значительную тайную поддержку пьемонтской династии и государственных людей, которые таким путем приводили к неудаче всякое усиление республиканцев и народа и достигли того, что корона объединенного итальянского королевства досталась пьемонтскому королю, а с нею и вековые владения папы. В этих двух случаях национализм был только одним из факторов,

содействующих неизбежному и полезному объединению маленьких и слабых стран.

В 20 и 30-х годах два других национализма выдвинулись на первый план — национализм Польши, где он жил со времен Костюшко и был подогрет в дни Наполеона, стал воинствующим в дни ноябрьского восстания 1830 года, а после того его сторонники удалились в почетную ссылку во Францию, Англию и другие страны. Раньше того, в 20-х годах борьба Греции против Турции хотя и была высоко дипломатическим делом, в котором чувствовалась рука России, Англии и других стран, но все же эта борьба имела свою националистическую сторону, производившую сильное впечатление, вдохновлявшую поэтов, вплоть до лорда Байрона. Успешная испанско-американская борьба в дни Боливара, которой содействовали Англия (Каннинг) и Монро, стремившиеся открыть эти огромные территории для иностранной торговли, также привлекала к себе общественное внимание.

В 30 и 40-х годах славяне Австрии и Венгрии, чехи, словаки, хорваты, малороссы в России, а также сербы, все еще до некоторой степени связанные с Турцией, — все они подняли знамя национализма, который был настолько окрашен антигерманизмом, что скрытая рука России, ее агенты и рубли, панславизм, он же панруссизм, казалось, скрывались за каждым шагом этого движения. Начиная с 30-х годов и до 1914 года Германия относилась с недоверием к этому национализму, а это в свою очередь привлекло к нему симпатии Франции.

Хорошо известно, как глубоко Бакунин ушел в этот славянский национализм, которому он хотел придать федералистские формы и вызвать в нем социальные устремления. С 1846 до 1863 года он настойчиво работал в этом направлении, хотя в позднейшие годы он уже был менее настойчив и даже временами попадал под влияние тех, кто с недоверием относился ко всякому славянскому национализму по причине явных связей некоторых из его лидеров с интересами царизма. Это недоверие увеличилось и отравило атмосферу в Австрии и Венгрии и среди немцев вообще. Если верить всем разоблачениям, напечатанным чехами с октября 1918 года, тогда это недоверие, поскольку оно относилось к позднему периоду, было не лишено основания. Так произошло то, что этот национализм стал все усиливающимся фактором, к которому относились с безусловной враждой с германской стороны и безусловно дружески — с французской стороны, совершенно так же, как сам царизм со времен Гамбетты и Скобелева считался возможным спасителем и истинным другом Франции, тогда как Германия и Австро-Венгрия считали его постоянной угрозой для себя и заклятым врагом.

В годы до войны не только европейские державы разделялись на две враждебные группы, но и среди других союзников произошло деление и к каждой основной группе больших держав присоединилось несколько малых, которые обслуживали каждая свою группу великих держав и продолжали делать это до войны 1914-1918 г.г. Всем известно, до какой степени Гартвинг в Белграде держал в своих руках все нити тайных сербских организаций, до какой степени чехи считались важными персонами в Париже, а с другой стороны, как холодно относились в Париже и Лондоне к финнам, как врагам царизма, — как Пилсудскому льстили и помогали до войны австрийцы в Галиции, как немцы во время войны пытались помогать украинцам, грузинам, ирландцам, и другим антибританским националистам и т.д.

Общеизвестно, далее, что, к концу войны и после перемирия, новые национальные государства были образованы целиком под диктовку националистов, т.е. путем присоединения многих меньшинств другой национальности, которые в настоящее время живут под гнетом национальных государств, объявивших свой язык государственным языком и делают все возможное, чтобы заставить говорить на этом языке присоединенные меньшинства. Они действуют с несравненно большей суровостью, жестокостью и нетерпимостью, чем действовали в свое время против них самих. В сущности, с ними обращались более чем либерально. Они составляли даже правительственное большинство в Австрии почти все время с 1879 года. Тем не менее, после октября 1918 года они стали обращаться с германским населением этой страны с крайней жестокостью. Пилсудский теперь является чем-то вроде диктатора в Польше, короле Югославии — монарх без конституции. Литва имела диктатора в течение некоторого времени, Греция — также.

Куда бы мы ни взглянули, все национальные государства проявляют невероятную нетерпимость, жестокость и отсутствие прогрессивного духа, вместе с ярким милитаризмом и политическим честолюбием. Социализм подавлен национализмом, бессилён, и отчаяние гонит его в коммунистический лагерь. Беру на себя смелость сказать, что даже область культуры, столь дорогая каждой национальности, страдает при таких условиях. Прежде местная национальная жизнь, при её многостороннем разнообразии языка и обычаев, процветала. Теперь из правительственных центров городская жизнь заражает своей монотонностью всю страну. Местные диалекты ступшеваются и вытесняются однообразием официального языка, преподаваемого в школах и распространяемого газетами. Народные традиции исчезают под влиянием новейших веяний и т.д. Можно сказать, что политический национализм, национальное государство является могилой национальной культуры, этой высоко ценимой местным населением сокровищницы традиций. По моему мнению, она покупается слишком дорогой ценой. В результате получается полная изоляция от соседей на протяжении долгих веков. Это отчуждение и разрыв всех связей не вознаграждается, по моему мнению, связями с далекими политическими покровителями во Франции и Англии, считающими их полезными сторожевыми псами в настоящем, удобными союзниками во время войны в будущем, а во всем прочем мало интересующимися ими.

Анархисты во всем этом могут видеть пример того, к чему приводит антисоциальность. Прогресс ведет к расширению связей между людьми, к их мирному сожительству бок о бок, как духовно родственных друг другу единиц, устранивающих свои дела путем взаимных соглашений на федеральных началах. В больших странах это лучше всего можно делать путем свободных соглашений групп или объединения групп. Это не является более необычным, чем способ, с помощью которого на территории Соединенных Штатов, от океана до океана, устраиваются повседневные дела и совершаются миллионы деловых сделок, без всяких раздражающих ограничений и вмешательства со стороны, при чем лишь бесконечно малая часть этих дел дает повод для конфликтов и судебных процессов. Если бы эта территория Соединенных Штатов была разделена на 500 или 1000 национальных государств с таможенными перегородками и особыми в каждом учреждении, законами и враждебным друг, другу духом, то отсюда возникло бы бедствие, которое мне не приходится описывать здесь. Это было бы, конечно, нечто противоположное тому, что каждый прогрессивный и практический человек и каждый анархист должен пожелать. Тем

не менее, это именно и было бы торжество национализма, того образца, который господствовал в 1918 году и в довоенной Европе.

Если эгоизм, изоляция, взаимная вражда, растрата сил, путем усложнения политического и экономического аппарата, являются качествами, если бы все это было целью анархистов, то они могли бы сочувствовать этому современному национализму. Но так как они желают как раз обратного, бескорыстия, товарищества, взаимного доброжелательства, упрощения общественных служб вплоть до их полного исчезновения, до их превращения в обычную работу, выполняемую там, где она нужна, всеобщего доступа к богатствам земли, исчезновения различия между богатыми и бедными странами, — так как анархисты желают всего этого и вполне правы в этом своем желании, то что могут иметь они общего со всеми этими корыстными националистами? Анархисты являются полярною противоположностью по отношению к националистам.

* * *

Все мои симпатии принадлежат национальной культуре, охраняющей творческую работу далекого прошлого в этой области. Совершенно также мои симпатии принадлежат делу охраны долгой работы природы, являющейся нам в форме прекрасных пейзажей, гор, лесов, озер и рек, а также одушевленной природы, всех видов животных и растений, охране продуктов и искусства, ибо жизнь в здоровой обстановке всегда производит их, тогда как механизированная жизнь городов жестоко давит их, а жизнь в условиях нищеты никогда не позволяет им развиваться. При всем этом истинные анархисты должны будут признать, что механизированная городская жизнь наших дней является лишь мимолетным эпизодом. Человечество восстанет против этого образа жизни, прежде чем станет слишком поздно, прежде чем она наложит свой отпечаток на грядущие поколения и станет производить живых рабов, химически откармливаемых и, быть может, разводимых, в инкубаторах. Все это представляется нам кошмаром, рассеять который может естественная и национальная культура, владеющая средствами возрождения человека.

Я провел чудесное воскресенье 3 мая в Сан Кугат, за горной цепью, которая окружает Барселону. Там, в сосновом лесу, несколько сот товарищей и их семей собрались на пикник и провели день в полном согласии, варили пищу, играли в простые групповые игры, временами слушали ораторов, артистов, декламаторов революционных стихов, и все это, не употребляя напитков, почти не занимаясь куреньем, весело распевая и отдаваясь беспредельному веселью и оживленным разговорам. Это был день, проведенный в анархической Аркадии. И этот день дал мне новые надежды. Я сразу почувствовал себя перенесенным приблизительно в 1831 год, когда современная механизированная жизнь была неизвестна. Потом я перенесся в 2031 год, когда, я надеюсь, от современных оргий рационализованного машинизма останется лишь смутное воспоминание. Эти товарищи, среди которых было несколько самых крайних анархистов, — людей, которые до наступления нынешней перемены десять раз ставили на карту свою жизнь, являются истинным звеном между более терпимым прошлым и счастливым будущим. В этом духе согласия и постоянства мы можем и должны быть истинным авангардом прогресса, и тогда многие присоединятся к нам.

Эти каталонские рабочие также стоят перед резко поставленной национальной проблемой, но они разрешают ее в ином духе, чем националисты, победившие в 1918-1919 годах. Они принадлежат к школе Франциско П. Маргала, знаменитый труд которого "Национальности" был напечатан в Мадриде в 1877 году и представляет собой испанский учебник национального федерализма. Я не могу обсуждать здесь каталонскую проблему и только напомню тот факт, что каталонский язык, высоко развитый с давних времен, родствен народному языку юга Франции и совсем не принадлежит к испанской ветви ново-латинских языков. Каталонцы имели свое независимое государство с давних времен, и если бы это государство возродилось, как того желают многие каталонские националисты, то оно создало бы богатую и плодотворную страну, совершенно однородную в отношении языка и национальности, хотя и с очень клерикально настроенным большинством крестьян и части городского населения, а с другой стороны, здесь были бы самые передовые анархисты, синдикалисты и самые радикальные республиканские элементы в качестве сильного меньшинства.

Национальное Собрание испанских анархических синдикатов в Мадриде 23 апреля приняло следующую резолюцию, которая подробно объясняет и защищает идею против националистов-сепаратистов и их газеты "Nosaltres Sols" (что в переводе означает "Мы одни") в Барселонской ежедневной газете "Solidaridad Obrera" от 5 мая. Автор ее товарищ Ж. Пейро, один из самых выдающихся синдикалистов, каталонец из Маторо, около Барселоны. Он дает понять, что идеи этой резолюции принадлежат ему. Точный текст резолюции таков:

"В душе человека живет врожденное предрасположение быть свободным, независимым, но эта свобода, эта независимость должны быть гарантированы общей мыслью: жизнь обеспечивается путем солидарности и взаимопомощи. Разум и ясная мысль толкают народ с величайшей настойчивостью к завоеванию этой свободы.

"Каталония всегда шла во главе этого крестового похода. Другие области смотрели с симпатией на бунтарский жест Каталонии и всегда оказывались склонными помочь ей. В настоящее время проблема изменилась. Режим пал. Абсолютизм свергнут, появились зарядней новой свободы. Но эта свобода, это стремление к самому высокому, что должно быть гарантировано всеобщим союзом, может быть омрачено тенью — тенью каталонского сепаратизма.

"Национальная Конфедерация Труда не может признать сепаратизм, нарушающий единство и органическую жизнь пролетариата. Она пришла к этому заявлению не путем утверждения республики, как системы правительства, ибо юридические, экономические и гуманитарные проблемы, которые пролетариат должен разрешить, лежат далеко за пределами республики, как лежат они далеко за пределами всякой вообще системы, принижающей свободу человека. Для рабочих не существует ни режима, ни отечества, — существуют только люди, гармония, человечество. Внутри человечества существует только экономическая необходимость с ее обычаями и особенностями.

"То, что составляет подлинную сущность человека, должно уважаться при федералистической системе, которая началась в Испании, которая будет усвоена всеми другими странами Европы и охватит все человечество. Но эта система не столько разделяет,

сколько соединяет, не столько раскалывает, сколько укрепляет. Поэтому сегодня, перед лицом рождающегося нового режима, Национальная Конфедерация Труда заявляет, что всей своей энергией, всеми силами, вызванными на улицы, она будет противиться всякому сепаратистскому желанию, будет ли оно исходить от каталонского, галицианского или баскского района, применяя способы от генеральной стачки до вооруженного восстания. Начиная от пассивного сопротивления и вплоть до гражданского неповиновения, она будет применять все средства, чтобы обратить в ничто власть, которая вздумала бы нарушить это единство, ибо в истории пролетариата и Национальной Конфедерации Труда нет путей, ведущих вспять, а есть постоянное движение вперед и выше, в поисках абсолютного правового и экономического равенства. Поэтому федеративные армии, со всей силой, порожденной их историческими жертвами и их любовью к свободе, требуют сегодня, чтобы это необходимое единство было сохранено в интересах всех людей, а завтра, если это требование не будет услышано, армия осуществит его силой.

"Федеративная армия несет этот дух согласия во все области путем национальных митингов. Прологом к этой кампании послужит акт большого общественного значения в Барселоне, при котором должны будут присутствовать представители всех областей и который скажет душе всех рабов, чтобы они более твердым шагом шли вперед, объединенные стремлением к федерализму, заставляющим трепетать весь коллектив".

В этой статье от 5-го мая Ж. Пейро замечает: "Линия, отделяющая национализм от федерализма и свободы, основанных на всеобщей солидарности народов, представляет собой основу позиции Национальной Конфедерации Труда перед лицом каталонского сепаратизма. По внешности этот сепаратизм означает национальную свободу Каталонии, но в свете исторического опыта национализма не дает ни малейшей гарантии постоянной политической, экономической и социальной свободы для каталонцев"... "Н. К. Т. склонна восстать и воспротивиться всеми способами также и против испанского империализма и против каталонского сепаратизма... Н. К. Труда желает защищать, в качестве исходной точки в направлении к лучшему миру, чем нынешний, величайшую свободу для всех испанских народов внутри их солидарной федерации. И в качестве величайшей свободы, какой мы желаем для всех народов, мы считаем принцип иберийских (полуостровных) национальностей (Испании и Португалии), но без границ, с тем, чтобы ни один кастилец, галицианин или уроженец местности по ту сторону Эбро, никогда не считался бы иностранцем в Каталонии..."

Далее, Ж. Пейро замечает: "...Для анархистов и синдикалистов, свобода национальностей, целиком основанная на этических данных, не тождественна с ограждением части территории внутри границ. Язык, культура, а также различия рас не являются для нас причинами для разделения людей путем искусственных границ. Мы считаем имманентным, абсолютно неоспоримым право всех народов культивировать свой язык, развивать культуру и сохранять естественные традиции, коренящиеся в их душах. В последней глубине наших существ, как людей и идеалистов, хранится мысль, что не только области и муниципалитеты, не также индивиды, должны пользоваться величайшей автономией и свободой. И в качестве синдикалистов и анархистов, именно потому, что мы согласны с этой резолюцией, вызвавшей столько споров, мы будем бороться за то, чтобы Каталония получила максимум свободы, но мы также будем бороться и за то, чтобы право на такую же

свободу было признано за другими областями..." Н. К. Т. ... "заявляет, что она будет выступать против границ, которые, желают ли того люди или не желают, являются отрицанием принципов интернационализма, которые так интересуют пролетариат Каталонии и всего мира..."

Эти выдержки из замечаний уравновешенного и опытного активиста читатель должен признать вполне согласными с моими замечаниями в настоящей статье. Величайшая местная свобода для всех неагрессивных выступлений, для всей культурной жизни, но в пределах солидарности ныне существующих больших стран или внутри той бес-предельности, какую является человечество в целом, — и такая же свобода для всех других: вот то, что анархисты не только охотно признают за национализмом, но что они считают неотъемлемым его правом, ибо каждому виду и каждому индивиду человеческого рода принадлежит право жить полной жизнью. Большого они требовать не могут.

* * *

Страны, сложившиеся в Европе до 1914 года, обязаны были своим происхождением бесчисленным интригам и преступлениям государственных людей, жестоким войнам, жадности, угнетению и проч., но если бы только это составляло их базис, то они не могли бы существовать в течение целого века с 1815 до 1914 г., претерпев лишь сравнительно немного территориальных перемен и не испытав никаких действительных перемен в общем равновесии. Это доказывает, что в главном они отвечали экономическим, географическим, историческим и другим потребностям. Произвести все огромные перемены 1918-1919 годов, дав полный простор жадности и жажде мести националистов, это означало разрушить экономическую жизнь этой части земного шара преднамеренно, а это не замедлило бы оказать свое влияние на все страны земного шара. Эта работа национализма была преступна, и очень многие народы видят это теперь. Разрушить экономическое единство Испании, после более чем 4-х столетий связи между Каталонией и остальной частью современной Испании, означало бы повторение того, что было сделано в 1918-1919 годах в других странах. В это роковое время анархисты и в сущности все рабочие оставались безмолвными и дали возможность националистам восторжествовать.

На этот раз испанские рабочие, анархисты и синдикалисты, подняли тревогу и сказали, что они не допустят этого разрыва. Это показывает, что они обладают здравым смыслом и являются крупным поражением сепаратизма, если они победят. Очень характерно, что испанские коммунисты, малочисленные, но обзаведшиеся, конечно, своими собственными большими газетами, утверждают, что их 20.000 там, где на деле их всего двадцать, и такие люди слынут в Каталонии сепаратистами и патриотами. Троцкистская фракция именно так поступает. Но так как они, в то же самое время, настойчиво обращаются к исполкому своего интернационала с просьбой вновь принять их в основную партию, то можно предположить, что они уже теперь действуют в согласии с общими коммунистическими планами. Планы же эти для Испании состоят в том, чтобы создавать расколы, столкновения, беспорядки и разрушения всеми способами. Будем желать, чтобы сепаратисты оказались столь же рассудительными, как анархисты и синдикалисты, которые зорко следят за этими врагами, шляющимися вокруг них.

Анархисты всех стран сделали бы хорошо, если бы прониклись принципами и практикой федерализма. Известно, что эти принципы очень привлекали к себе Петра Кропоткина, когда, — к несчастью, слишком поздно — он заметил отсутствие их в русской революционной психологии и стал пытаться убедить товарищей, чтобы они изучали этот вопрос. Однако он был вынужден очень рано покинуть Москву в то время и удалиться в Дмитров. Очень мало вероятно, чтобы революция в близком будущем в какой-нибудь стране разделила бы ее на анархические группы или синдикаты, но будут перемены в структуре, которым должно быть дано федералистское направление. В Испании это хорошо было подготовлено П. Маргалом, но в других местах было сделано очень мало.

В своем журнале "Pensiero e Volonta," 1924-1926, Малатеста напечатал статьи о федерализме, который очень немногие, но замечательные авторы пытались ввести в итальянскую реконструкцию, но в этом воспрепятствовал им Мадзини со своими объединительными тенденциями.

Здесь, в федерализме, заключается настоящая задача для истинного, не-захватнического национализма. Анархическое применение этого принципа, о котором и помыслить нельзя в централизованном государстве, могло бы найти свое первое осуществление в автономных частях федеративного государства. Тем, кто заявляет "все или ничего" это не понравится, но те, кто говорит "все в свое время" и "начнем сначала," — не станут пренебрегать федерализмом.

Вот что я могу сказать теперь об анархизме и национализме. Если мне будут сделаны возражения, то я постараюсь обсудить их, ибо этот обширный вопрос не может быть здесь исчерпан.

Барселона, 1931.

Сутуга Алексей. Диалоги о Тюрьме

2020, источник: [здесь](#).

Предисловие

Алексей Сутуга родился в Иркутске, с 2007 года живет в Москве. Антифашист, гражданский активист, участник «Автономного действия», скинхед. Работал в медиа-издании «Русская планета», институте «Коллективное действие», ТЕАТРЕ.DOC. За уголовное дело о драке провел в Бутырской тюрьме два года (2012-2013), был амнистирован и освобожден; за второе дело о драке провел в тюрьмах и лагере три года (2014-2017).

Мы публикуем расшифровки аудиозаписей** бесед о тюрьме, в которых мы коснулись и судопроизводства, и бытовых вопросов, и вопросов коммуникации, а также поговорили на темы солидарности, политузников и адаптации в условиях несвободы.

Расшифровки представлены в виде неотредактированной и неолитературенной прозы с удаленными репликами и вопросами интервьюера/ов.

Интервью записывались в 2018 и 2019 году в кофейне «Кооператив Черный», кафе «Угол», кафе Fruits and Veges, кофейне WEST 4 Roasters, кафе музея «Гараж», в старой квартире Сократа.

Москва, 2020

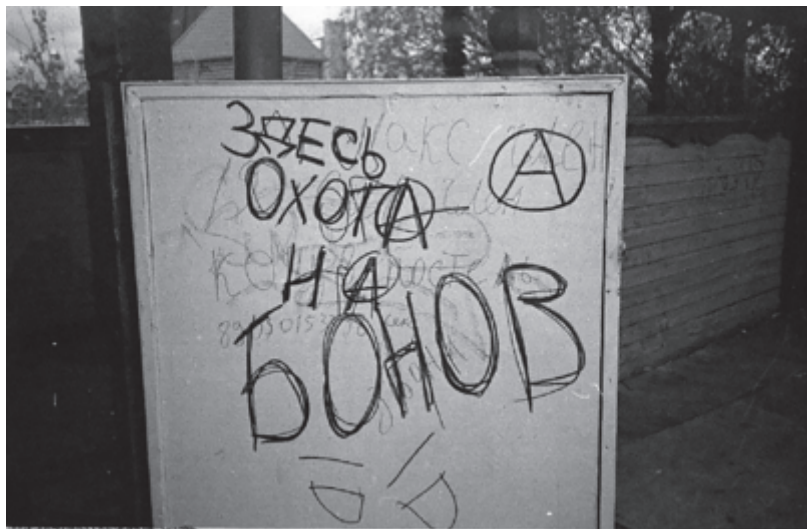
Тюрьма не за горами

Есть категории людей, которых конкретно их весь образ жизни приводит в тюрьму: слои людей, которые бухают-бухают, а потом берут нож и убивают тупо или работают-работают, а потом что-то крадут с работы и попадают, или те, кто крадут годами, у них все построено по жизни хорошо, они охуенно живут на воле, а потом у них бывает просчет, и они тоже попадают, и это все логично, и нормально они сидят в тюрьме тоже, как и жили на воле, правда, в тюрьме. Просчет — они не поделились вовремя, не успели или не захотели, пожадничали, или их сдал поделщик какой-то — разные вещи случаются. Тех, кто больше

крадет, меньше сидит в тюрьме на самом деле, им сидится лучше. И есть две темы, из-за которой в России люди ходят под дамокловым мечом, — это бизнес и политика. Всегда возможно, что ты перейдешь дорогу силовикам или чиновникам, или они позарятся на твой бизнес, который ты уже раскрутил. Это прописные уже истины в нашей стране, которые должны знать все молодые люди.

Это вопрос и к правосудию, к законодательству, и к отношению мусоров к людям, к тому, как они обделывают все эти дела, и вопрос вообще к обществу, как в нем живут: если бы человек не бухал или не кололся, может быть, в тюрьму бы и не попал. Сейчас законодательство чуть-чуть изменили, если человек колется, он может не попасть в тюрьму, декриминализация¹. Но все-таки если он наркоман и попался на этот крючок и ему надо для очередной дозы денег заработать, он берет вес и куда-то едет с ним, и его мусора берут за этот вес, они видят, что этот вес не для личного употребления, и по законодательству тоже оно идет так, его сразу закрывают, человек получает девять лет. Сама жизнь наркопотребителя в России подразумевает связь с криминалом и работу на него, поэтому рано или поздно наркоман попадает в лапы полиции.

Человек рано или поздно попадет в тюрьму в России, особенно при определенном образе жизни и делах, которыми он занимается. Чем я занимался, рано или поздно привело бы к таким последствиям. Не всех приводит: кто-то вовремя остановился, чем-то занимался, потом понял, что вечно везти на мутках не будет и перестал ездить бить бонов. На дураках же учатся умные люди. Да, и времена уже другие: не вижу смысла в этих мобах антифа, которые и умели только нападать на наци и больше ничего. Но наш моб был другим, мы не ограничивали себя драками и спортзалом, а охраняли концерты, ходили на политические уличные акции. И сейчас со старыми товарищами говорим друг другу: «Раньше было веселее».



Началось все в 2011 году, даже еще раньше, может быть, просто я сам наверное не знал, что это все раньше началось. У мусоров все раньше начинается, чем у тебя, твои приключения у них записываются: узнают о тебе через своих стукачей и осведомителей, заводят на тебя оперативное дело, ведут человека, в какой-то момент сверху приходит решение, что надо закрывать, человек совсем охуел. Человек преступил закон, они точно знают, что это именно он преступил его, есть улики против него какие-то, более-менее, или

какие-то терпилы появились, закрывают человека. Слухи идут постоянно, мне кажется, это достаточно быстро все происходит, может быть, в нашем случае все помедленнее было, политический случай немного другой. Но человек, который попадает в оперативное дело, это все уже. Я никогда не видел оперативное дело, я видел свое дело внутри системы, во ФСИН, дело, с которым я еду весь срок, туда подшивается все. Это другая папка для ФСИН, там записывают твою характеристику, психологический портрет, биографию. Все твои косяки перед системой тоже подшиваются. Например, красная полоса — это склонность к побегу, есть суицидник, потребитель алкоголя и наркотиков, игроман, и т. д.

В начале декабря 2011 года случилась драка в московском клубе «Воздух»2, казалось бы, рядовой случай, такая хуйня если не раз в неделю, то раз в несколько месяцев происходила, драки-то точно раз в неделю были, и мы не особо обратили внимание, что потерпевших из больницы показали на Life news в интернете. Ну сказали и сказали, стерпились, все нормально будет. А до этого мы делали семинар по Монсону3, где были опера центра Э, которые уже со мной здоровались, спрашивали, знаю ли я их, а я их вообще первый раз в жизни видел, может, просто не запомнил. Звончек такой, что они меня уже знали. Они знали, что я вернулся из Украины, отслеживали мои перемещения.

Случился «Воздух», к моему будущему подельнику, Алексею, пришли домой опера, дома его не застали и ушли. Алексей Федорович не дурак, сразу собрал вещи и уехал. Я тоже вместе с ним уехал, до тех пор всерьез не воспринимал, но раз он сказал, что надо уехать на некоторое время, значит надо уехать. Далекое мы не уехали, уехали в Питер. Там я понял, что в Питере делать нечего, хотя было, где жить, но это не мой город, чтобы там жить так долго — целый месяц, и уже под Новый год я вернулся обратно в Москву. Алексей Федорович там остался, я вернулся. Жил так же, как и жил. В конце января — феврале задержали Алексея Федоровича, привезли этапом из Питера в Москву оперативники. По дороге в поезде били и допрашивали. Закрыли на Медведково, завели уголовное дело по нему по статье 213-й ч. 24. Сейчас бы я уже понял, а тогда не понимал, что здесь бы я не находился, если бы такая ситуация была: задерживают Леху, и он через адвоката говорит, что такими-то людьми у меня интересовались опера, сразу понятно было, что к чему. Тогда я думал, всегда интересовались и сейчас интересуются, может, просто не надо ходить на концерты и на политические митинги, на которые я уже сам тогда не ходил. Но я продолжал ходить на концерты периодически, стоять на охране, участвовать в каких-то драках, но уже не таких массовых. Еще один звончек был, когда меня и Дмитрия Бученкова задерживают на тренировке в Битцевском парке, привозят в опорный пункт милиции на метрополитене, и туда заходит известный уже сотрудник центра Э или ФСБ (до сих непонятно, где он работает) с еще какими-то, смотрит на нас, что-то говорит и уходит. Через неделю меня задерживают.

Меня задержали на ст.м. Цветной бульвар, был сбор денег на адвоката Лехи, на передачи, я зачем-то туда поехал, хотя и без меня бы нормально все получилось. Задержал тот же самый оперативник, который неделю назад меня задерживал, с коллегами из ЦАО и наряд. Одного меня на этом сборе и задержали, заковали в наручники, в наручниках я поехал в УВД по ЦАО на Пролетарской. Привели в кабинет к следователю, а я весь скрученный из-за того, что запястья неудобно заковали, тот проявил заботу и попросил оперов снять наручники. В общем пытаются провести допрос, приводят адвоката по назначению. Адвокат мне сам

говорит, по 51-й или будешь давать показания? Говорю: по 51-й, он: тогда моя работа только в том, чтобы объяснить, что такое 51-я. Сажу у них до утра в отделении, и они меня везут на Бутырку, после того, как следователь мне предъявил обвинение. Я уже понял, что мне несколько месяцев придется посидеть, но я все-таки думал, что выйду скоро. Наивный был в этом плане еще.

Они меня привезли, какую-то хуйню поспрашивали, какие-то другие вещи спрашивали, взяли ватной палочкой мазок слюны. Предъявили 213-ю статью обвинения, часть 2. Приезжаю на Бутырку, двое оперативников меня привозят на своей машине, сдали меня во ФСИН, в систему. Я же был на сутках по административным до этого времени, для меня это не было новым. Даже когда на Бутырку привезли, воспринимал, что это на какие-то сутки, потому что это было похоже на то, как я раньше сидел по десять дней. И весело было, и страшно: неизвестность пугала, тебя вырывали из жизни вольной, все заканчивалось резко, все твои угарчики, планы, общение с людьми — все. Принял для себя, что это какое-то приключение очередное, связанное с моим образом жизни, с деятельностью моей, поэтому воспринимал это как должное, что рано или поздно я все равно заеду в тюрьму по тому или иному поводу, считал всегда, что анархист, революционер, который занимается прямым действием, рано или поздно заедет в тюрьму — это часть его жизни. Я старался держать себя в руках и относиться к этому как к приключению.

Было чувство, что наконец это произошло, и во второй раз тоже такое же. Я где-то читал, что у преступников, которые долго бегали от ментов, когда их брали и закрывали, появлялось чувство некоего успокоения из-за того, что не надо больше скрываться и бегать. Вот и у меня оно было, легкое такое. Еще я чувствовал, что я не досидел в первый раз. Просидел год и два месяца на Бутырке, там были тяжелые времена, но по большей части я воспринимал это как приключение, как должное — ну, блядь, жизнь такая, завтра будет лучше. Как на Бутырке рассказывали, дальше приговор, этап и лагеря. И вроде к этому готовишься морально, а потом бац — и ты выходишь. И думаешь, че блядь? Во второй раз когда заехал, подумал, ну все, на этот раз точно я уеду после приговора куда-нибудь. Конечно, дикие депрессняки начинаются в хате по первой, но от них не впадал в отчаяние, тюремная бытовуха заставляет забываться от тяжелых мыслей. Надо крепанутьсяб немного, и нормально все будет.

Когда я заезжал, знал, что в такой-то хате сидит мой старый знакомый — Игорь, которого те же опера посадили, знал, что еще какие-нибудь интересные люди будут, что вся эстетика, тюремный мир, который пугает тебя на воле, ты его в принципе знаешь. Я родился в Иркутске, жил на таком районе, где были взрослые люди отсидевшие, которые рассказывали, как жить и не пропасть. В общем морально не так страшно. Без этой житейской базы не так было бы. Мусора пугали. Боишься, что тебя начнут пиздить или хуйню творить, обычное дело. Страх надо держать под контролем, бояться можно, но нельзя руководствоваться своими страхами. Но ожидание физического насилия 24 часа в сутки, вторым сроком когда сидел — точно 24 часа в сутки — нескончаемое ожидание особенно в Сибири, когда мусора заточены под то, чтобы тебя сломать, если надо, если отдадут приказ, если появился оперативный интерес к тебе, а в моем случае он был всегда, в моем деле было что-то такое написано, из-за чего они постоянно держали меня под контролем. Посадили туда, где можно контролировать и наблюдать круглосуточно. Если на

барак, где живут, например, 70 человек, было пару стукачей, проверяющий инспектор и дежурная смена, то на наш барак, где ШИЗО и ПКТ7, и где сидят от 5 до 20 человек — своя смена инспекторов из трех-четырех человек, заглядывающий опер и БИОР8, инспекции хат прокурором и начальником лагеря. К тому же, в отличие от лагеря, мы были лишены передвижений и почти 24 часа находились в камере, выходили только на утреннюю и вечернюю проверки и на часовую прогулку. Сидели по одному или по два человека в хате. Супервнимание на нас было.

После приговора конкретных попыток повесить новые делюги на меня не было, но те козлы, с которыми я сидел на иркутском центральном, задавали такие вопросы, на которые ждали тех ответов, которые потом бы сдали операм, и опера начали бы раскручивать. Вопросы типа: вот вы воевали с нацистами, а с мусорами дрались? Я: конечно, дрались. Но это было в Украине тогда-то тогда-то. Тот сразу: а-а, в Украине. И интересовался уже чем-то другим. Как человек наивный, сначала думал, что интересно им лично. Типа, сидим, делать нехуй, можно и пообщаться. А потом понял. Ну, они сами дебилы. Сидело три козла, и только один из них умный был, двое других портили всю игру. Самой жести я с ними не хлебнул, но были пограничные ситуации, я старался все сглаживать, я и на воле так делаю, особо не конфликтую с людьми, а если конфликтую, знаю, что из этого конфликта выйду победителем, надо, чтобы за тобой был резерв какой-то. Надо быть хорошим психологом в тюрьме, самые хуевые люди даже они психологи. Но некоторым психология нужна, чтобы выпросить сигарет, конфет, на большее не хватает их, на какое-то развитие плановое. Знают, что человек тебе жертвует конфету, сигарету, заставляя быть обязанным, и взамен что-то попросит у тебя. Я этим тоже пользовался, у меня были сигареты, конфеты, я раздавал, зная, что будет взаимная помощь какая-то. Но это не факт, конечно.

Я еще сидел с малолетками, мало того, что глупые, еще и молодые, но пытались брать вот этими повадками волчьими тюремными, которых уже сами нахватились здесь. Им по 19–21 лет, без жизненного опыта, хотя у некоторых в 20 лет опыта больше было, потому что жили на улице. Это все местные сибиряки.

Через старые бутырские ворота проходят десятки людей ежедневно. Для ФСИН это работа, идет конвейер: принимают бумаги от оперов, осматривают тебя на наличие побоев, снимают отпечатки пальцев, фотографируют, с твоих слов (но проверяют по бумагам, которые приехали с тобой) записывают судим/несудим, фио, анкетные данные, выдают матрас, ложку, чашку, набор бритвенных принадлежностей (фсиновский маленький набор — маленькая зубная щетка из хуевой пластмассы, маленький тюбик зубной пасты, которым только раковины чистить, потому что хорошо очищает все, но зубы им лучше не чистить, бритвенные станки, как gillette, но ими вообще невозможно пользоваться, только скоблишь ими кожу, туалетная бумага — все производится внутри ФСИН, на лагерях), два полотенца (иногда не полотенце, а рваный кусок жесткого полотна, которым можно брить голову) — все это по фене называется чесовское (то, что производится во ФСИН). На СИЗО и по этапу ты в своей одежде, а на лагере выдают робу. Можно только спортивный черный костюм для занятий спортом и утренней зарядки. Все это прописано в УИК и ПВР.

Я еще начал выбирать себе потолще матрас, на что мусор сказал, ты че охуел, бери первый сверху. Я начал ворчать, жаловаться, что у вас такие матрасы хуевые, он на меня так

смотрит. Я взял матрас, в котором ваты практически не было. Человек 6–7 сидело на сборке, бывалые, чифир раздобыли, в бутылке сварили с помощью факела из выданных чесовских полотенец, наркоманы на отходнях сидели, которых тоже привезли на Бутырку из разных мест (и из других СИЗО, и которых только что арестовали). Человек по 10–15 в день привозят так. И всех сплавляют в одну сборку, кроме тех, кто с судов, только новоприбывшие.

Сидело трое пацанов подмосковных-московских, которых с малолетки на взросляк перевели, потому что им исполнилось 18 лет, все с перстнями набитыми, по АУЕ9, наркоман московский сидел, у которого квартира в центре, он уже не первоход. Сидим, начинаем общаться. Второходы, у которых по 10 лет отсижено, сразу выясняют, кто кем сидел, где, в какое время. Были люди, которых с другого централа перекинули, с ними быстро заканчивали, потому что бумаги ФСИНовские на них есть, распределили по хатам, подняли. Были те, которые молчали, сидели, было видно, что они очень подавлены и в шоке от того, что они в тюрьме. Про таких говорят — замороженные. Интересных не было персонажей по нашей теме.

Все стены исписаны зековским творчеством. Я тоже решил свое добавить, взял карандаш у одного, написал имя и даты приезда, потом какой-то молодой из наших рассказывал, что видел их.

Сборка — это огромное помещение на первом этаже, на Бутырке их штук шесть, появилась сборка для некурящих 10, есть досудебная сборка — разные. Сборка для первоприбывших в СИЗО всегда была где-то в самых ебнях, между первым корпусом и другими сборками, там, где много комнат, в которых фотографируют, снимают отпечатки пальцев — им удобно, комната с матрасами рядом. По фене сборка, в Челябинске слышал сборка — привратка.

Привезли кого-то из ИВС, кого-то из отделов, человек пять собралось, фамилии назвали, взяли матрасы, вывели и повели в корпус карантина через внутренний двор Бутырки. Там чистота, пол залит резиновым покрытием, все покрашено в цвета госучреждений, которые преследуют тебя всю жизнь. Быстро распределяют по хатам, меня заводят в двойку с одним. Есть карантин на четыре, шесть человек. Там нары двухэтажные железные, маленький дубок, туалет с закрывающейся нижней частью — дальняк, зеркало с умывальником рядом с нарами, подставка для телевизора рядом с решкой. Все чисто, свежепокрашено. Обычно так везде на карантине. Сюда проверки в первую очередь всегда заходят.

Познакомился с сокамерником, Игорь, мужик невысокого роста, лет 34, заехал по 228-й (героин)¹¹. На Белорусской взял героина, засунул в носок и пошел, говорит, чувствую, что за мной идут, а из носка достать не успеваю. Что-то затупил, обычно в рот кладу, а тут в носок положил, они его сразу взяли. Первоход. С запада Украины, работал на стройке, подсел на героин. По нему вообще не было видно, что ему хуево. Нас потом вместе в хату подняли, я вообще не слышал ни разу, чтобы он жаловался, что у него ломка. Он не особо общительный, и был в ахуе от всего происходящего. Тюрьма — не его место, его взяли тупо за употребление. Мы с ним три дня просидели, нас вызывали к оперу. Мы на прогулку три дня ходили, на прогулке кто-то мне перекинул конфеты-леденцы и сигареты — грев для

карантинщиков. Игорь говорит, наверное что-то чужое, давай брать не будем, а ему говорю — ты ж курить хочешь, сидишь без сигарет помираешь, а это грев. Нас в разное время поднимали на прогулку: до обеда — спецпродол, мы после. Забрали мы грев, я поинтересовался у кого-то что к чему, общение в карантине по минимуму. Сидим едим конфеты, и меня вытянули к оперу в кабинетик маленький, там сидит опер в форме, что-то мне говорит, а я с этой конфетой во рту. Конфеты — это запрет полный, откуда у меня в карантине конфеты? Неоткуда им взяться! Мент понимает, что это грев, что это воровское. Я сижу внаглую, потом он говорит, вставай, ты что расселся, ему это не понравилось. Он предлагал сотрудничество, классическую схему, на отъебись, по работе ему надо с каждым зеком пообщаться, это быстро все проходит, если ты не полный дебил, просто говоришь, мне это неинтересно. На Бутырке просто отъебываются, в других местах может полный пиздец происходить, на этапе. На моем примере агитации особой не было: он спросил, я отказался. Он сказал, ну ладно будет хуже. Он сказал, а-а, ты скинхед, сейчас мы тебя к чуркам посадим. Я говорю, ладно. Не знаю, о чем он с Игорем общался, угрозу свою исполнил. Через три дня поднимают нас двоих на выход, подмотали мы все шмотки, смотали матрасы, поднимаемся на третий этаж, длинный коридор, хата 93, расклацываются тормоза, куча народа подходит к двери. Я стоял сзади продольного как-то тупо, он мне говорит, че ты сзади меня стоишь, давай заходи. Мы заходим, закатываются тормоза. Куча народа, впереди пацан маленького роста, в хате 22 человека с нами было. Может быть, опер поговорил со смотрягой, сказал, что поднимет скинхеда. Не уверен, что они были в курсе: не заметил при первом разговоре наезда, что скинхед, там я сам говорил, что скинхед. Мужики все эти тупые, по ним видно сразу. С московским наркоманом я до этого на сборке разговаривал, когда только заехал, он сказал, в хату будешь заходить, ни на кого не обращай внимание, тупо ставь около дубка свернутый матрас и спрашивай, кто смотряга, никого не слушай. Я захожу смотрю, где дубок — посередине длинный. Подхожу к нему, они все расступились, мне какой-то мужик говорит, нет, здесь не ставь у дубка, поставь у нар. Ссмотряга оказался ингуш, и тот, который был у тормозов, тоже ингуш. Ссмотряга спал, я с этим вторым разговаривал. Он на татухи смотрит, еще что-то там, я начал расклад ему кидать, за драку заехал.

Всем интересно, что у тебя набито, что за татуировки. Многие старые сидельцы определяют по тюремным татуировкам многие вещи, у меня татуировки вольные. Давно есть понятие, определенное ворами: вольная татуировка не влияет на твой образ жизни (со своими нюансами). Если набита воровская символика, нужно обосновать. Не сможешь обосновать, к тебе будет подход определенный. Некоторые могут промолчать, а потом спросить между делом, некоторые напрямую спрашивают, все от человека зависит. Ты просто ничего не говоришь, пока они у тебя не поинтересуются. Но привыкаешь ко вниманию.

Я этому пацану расклад кидаю, говорю, знаешь Игоря такого-то. Да, а ты что с ним знаком? Да, знаком. Он сидит в 90, через две хаты. Как мне с ним связаться? Нормальнонормально, потом свяжешься. Пока я с ним говорю, мужики ходят, смотрят, когда заезжает новый человек в хату — это целое событие. Игорь на вокзале (пяточок возле тормозов) сидит, сигарету стрельнул, курит. Я когда заехал, положил матрас, развернулся на эту толпу мужиков, вижу, стоит один в алкашке с татуировками: коловрат, черное солнце и лимонка. А он смотрит на мои шмотки (кроссовки каппа, джинсы, куртка гант, футболка модная, бейсболка), улыбается. Я у ингуша спрашиваю, а что за чувак там сидит, он нацист? Тот: а

ты как узнал? По татуировкам. Пообщайся с ним, вроде нормальный, мы ему рассказали, что к чему, иди с ним пообщайся, если хочешь, а я пока с Игорем. Еще он меня про Игоря-сокамерника спрашивал, мол, ты с ним сидел, нормальный — нет. Я говорю, нормально все с ним. Я всем видом хотел показать, что знаю внутренние расклады, по итогу я никуды не знал, конечно. Он еще попросил снять футболку показать татухи. Я говорю да пожалуйста. С татухами всегда серьезно все в тюрьме. Я пошел с этим «нацистом» общаться. Здорово, че кого. Кирилл. Леха. Он говорит, ты откуда. Я говорю, я из Иркутска, я ему не сказал, что меня Сократ зовут, позже сказал, он говорит, слышал, Воронцов (бывший иркутский нацбол) рассказывал про тебя. Общаемся с ним, с мужиками какими-то, там всегда персонажи такие: какие-то молдаване-наркоманы, таджики, мошенники — в общем обычный контингент для московского централа.

Потом смотряга проснулся, я с ним пообщался. Решка большая двойная (бутырские окна), дубок длинный узкий посередине хаты, нары стоят вдоль стен. Смотряга рядом с двойными нарами справа, у него все занято, завешено простынями, типа личное пространство такое. К нему заходишь, там общее лежит (крупы, дошираки, сигареты, чай и т. д.), матрас у него нормальный хороший. Видно, что обжился, давно сидит. В хате больше никого из интересных персонажей не было, один узбек, таджика молодых 3-4, у одного хулиганка, у другого 228-я (героин), у третьего вымогательство.

У узбека такая делюга дурацкая: он тусовался в подземном переходе на площади трех вокзалов возле ТЦ, познакомился с двумя алкашами, бухал с ними, шел по этому переходу, там сидя типа спал чувак с пакетом, в котором новый купленный телефон просвечивался. Узбек подрезает этот телефон, поднимается вверх, там его опера сразу принимают. Два чувака, с которыми он бухал, идут свидетелями обвинения. Причем это такие свидетели, про которых говорят, что видели их в другой делюге такого же плана. Это палка. Засада в виде чувака-провокатора, который сидит с телефоном. Узбека обвиняли не в краже (158-я)¹², а в грабеже (161-я)¹³, а он хотел по 158-й, сидел до этого за убийство 10 лет. Он отказался давать показания, обычно по таким статьям судят за 3-4 месяца, и они уезжают на лагерь, а он судился полгода. Он просидел полгода, поехал на суд, ему переквалифицировали 161-ю на 158-ю, и он вышел. И он звонил потом пьяный с площади трех вокзалов, говорил, что у него проблемы с ингушами или чеченцами, чтобы смотряга их решил. До этого говорил, что завязывает с преступным миром. Хотя какой это преступный мир, мужик просто бухает и хуйню творит по пьяни, а сам на стройке работает, руки у него растут, откуда надо. Он мне сшил блокнот. Погоняло Дончик, зовут Данияр, ему за 40, шил блокноты, делал четки, починил чайник, имел слово в хате, мог сказать, и его послушаются.

К нам заехал один пацан, который метадоном кололся, брал шприц и варил его в общем чайнике. Чайников было два: один “элитный” у дубка (для смотряги и братвы) и чайник для мужиков. Шприц он варил в мужицком чайнике. Дончик сказал ему, зачем ты варишь шприц в (общем) чайнике. Целый сбор был, он у каждого спрашивал, можно так делать или нельзя. Я говорю, можно, но неприятно. Сутки у них были рамсы. Был моменты, когда они кричали, смотряга их успокаивал, были подъёбы, выкручивания. Ему не разрешили варить, появился третий (запасной) чайник. Чувак, который употреблял, то ли уехал по этапу, то ли его перевели в другую хату, целые разборки были по поводу власти, он имел неплохой вес, завел общение с нужными людьми на централе и прогибал других людей, но все равно не

смог и переехал.

В момент, когда я заехал, телефона на хате не было, потом три телефона было, которые отшмонали за месяц, вообще телефон достать проще простого, просто я не знал, как это делается: находишь нужного человека (ноги), приплачиваешь, и это дикое барыжничество, а на центральной всегда есть борьба против барыжничества, некоторые умудряются купить телефон за 40 тысяч. Мусора отшманывают телефоны, потом продают в другую хату. И потом ты думаешь, как так, значит, с этим связаны какие-то зеки. Стараются бороться с барыжничеством, чтобы телефон не покупали за овердохую денег. Покупаешь телефон за 20 тысяч, потому что надо за ноги заплатить и за сам телефон. И все равно 20 тысяч — много слишком. Когда ты сам покупаешь, ты поднимаешь цену, поддерживаешь рынок, который легавые контролируют по сути, потворствуешь барыжничеству. А на Бутырке дохуя бизнесменов сидит, им пофиг на цену. Мусор говорит 50 тысяч, и они спокойно покупают. Свободный рынок. Воровской мир против свободного рынка в этом смысле, когда нихуя нет, сидишь без ничего, знаешь, что есть доступ к связи, но он стоит нереально. В хате курка нормального не было, куда спрятать. Варианты: копать, пробивать камень, хитрые способы или просто мусорам платить, чтобы не лезли, куда не надо.

Видеорегистраторы есть в некоторых камерах, в общих камерах стоят, на спецу. На Бутырке все сломали, оставили только в образцово-показательных, сейчас не знаю, как там дела с этим обстоят. На Иркутске стоят в общих хатах, их не тронешь, если тронешь, отправят на перевоспитание к козлам на спецпродол, которые сделают за видеорегистратор с тобой такие вещи, что ты захочешь, чтобы вокруг одни видеорегистраторы были.

раторы были. В Иркутске, где я сидел с козлами, было два видеорегистратора, там хата, которая на две комнаты делится. На московских продолах есть видеорегистраторы в некоторых хатах, когда я заехал, не было. Может, денег не было, может, сломали, лучше пусть контролер по продолу ходит каждый час и смотрит в шнифт¹⁴.

Раньше охраной лагерей и тюрем занимались ВОХР, сейчас фсиновцы¹⁵. Отношения с продольными разные, зависит от того, как они себя поведут. На Бутырке при мне никто не жестил из продольных. По понятиям если ты видишь, что мусора пиздят зека, неважно кого, даже петуха, то можешь кровь пролить свою. В Сибири это делают, это солидарность, это делают из практических побуждений: сегодня петуха или порядочного бьют, а завтра будут всех зеков пиздить, не надо этого допускать. Но кровь не вода, попусту ее проливать нельзя. Если ты слышишь какие-то крики на продоле, что кого-то пиздят, выясняй сначала, кого пиздят, это может быть провокацией козлов, мусоров, а ты кровь пролил попусту зековскую. Выяснить это можно, крикнув, что случилось, что сейчас вскроюсь. По разному. Все тонко всегда, надо относиться к этому очень осторожно. Когда ты видишь, когда хуячат зека, попытайся остановить. Просто тупо молчать, смотреть, как пиздят зека другого, это пиздец, к тебе будут вопросы потом.

Через несколько дней я узнал, что адвоката нашли, что он придет скоро, от этого как-то веселее стало. Потому что сначала ничего не понимаешь, только знаешь, за что тебя приняли и то очень смутно. Опера постоянно говорят всякую херь, пытаются запутать тебя, развести на то, что еще наговоришь на какие-то новые обвинения. Расскажешь про свое

дело что-то новое для них, потому, если не умеешь разговаривать с полицией, лучше вообще с ними не разговаривать. Не надо считать себя умнее и хитрее, их несколько и они в более выгодной ситуации, чем ты, на их стороне твой страх и шок.

Некоторые люди живут инстинктами первое время в тюрьме, замороженные. Говорят ему, давай размораживайся, надо жить здесь начинать. Говорят бывалые люди, которые понимают, как жить в тюрьме. Живи, а не существуй. Есть те, кто в треугольнике таком существуют — дубок-дальняк-шконка, им похуй вообще на все, что вокруг них, а значит и на себя. Живи, как порядочный арестант должен жить, чтобы тебя не привело к пиздецу, системе, в которой ты будешь, как робот.

В тюрьме все порядочные должны жить общим, если что-то на одном скажется, скажется на всех: если будут пиздить одного, будут пиздить всех. Если будет один прогибаться, то и другие прогнутся. Все должны друг другу помогать, чтобы этого не произошло. Потому что ничего нет кроме солидарности, оружие одно. Хотя есть и личный героизм, такой, что ты сам должен понимать, что есть твоя совесть арестантская, и ты от нее двигаешься. Но эта совесть приводит к общему. Искренне живет так малый процент, но они тянут всех остальных. Можно их назвать блатными (блатные не любят, когда их называют блатными, их можно назвать бродяги, братва), люди, которые все это понимают, которые понимают, что нужно тянуть всех остальных к этому, иначе никто ничего иметь не будет.

Если ты будешь жить, как написано в правилах внутреннего распорядка, сойдешь с ума и станешь роботом. Я понимаю, что это нечеловеческое, нелюдское, так жить тупо, так человек не может жить: вставать в определенное время каждый день, завтракать в определенное время, ходить на прогулку в определенное время, постоянно как попугай кричать свои данные (срок-статья). Человек так не живет, это не вольные вещи. И каждый день все повторяется, ничего не меняется, и у тебя нет собственной воли никакой. Просто живешь, как у них написано.

Если на лагере начинаешь Жить и призываешь всех к этому, могут начать мотать тебя по ШИЗО, давать по 15 суток, потом еще 15, потом еще 15, лишить тебя вещей, которые позволены обычному зеку, потом могут дать полгода ПКТ (все по закону — ты нарушаешь внутренний распорядок), изолировать тебя от арестантской массы, чтобы ты не влиял на остальных осужденных. И вот ты уже живешь под «крышей»¹⁶. Но есть солидарность арестантская, когда зеки с лагеря поддерживают «крышу». Они знают, что там сидит десять человек, например, им дали ПКТ полгода, мы всех их знаем, мы должны их дальше поддерживать, помогать, они не должны зависеть полностью от режима, от системы. Мы должны общаться с ними, малявами, еще как-то, ведь они за нас страдают. Когда ломают лагерь, перекрашивают в красный, перво-наперво всегда под «крышу» приходят, потому что если под «крышей» по режиму живут, идут слухи, приезжают те, которые по пять суток отсидели, возвращаются и говорят, там доклады по утрам, там никто не спит, там общения нет между арестантами, нас там пиздели, они молчали. Слухи идут, и у всех падает боевой дух, падает дух арестантский. Если так происходит, «крышу» перекрасили, будут лагерь перекрашивать. Сначала буйных самых ломают. Нас тоже под «крышей» пытались. Это история про общее, а не про то, что ты в одиночестве можешь что-то сделать. Если у тебя совесть такая, что ты на первое место ставишь свою безопасность, чтобы у тебя баланда

была, передачи были (могут тупо разрубать твои передачи, причина — человек в СИЗО, ему передачи не положены, или пакости делать мусорские). Ты же понимаешь, что если будешь себя нормально вести, у тебя будут привилегии, даже под «крышей». Они постоянно на этом играют. Или наоборот — хуево делать, дают указание инспекторам-продольным, чтобы они тебя постоянно кошмарили, а могут не делать.

У меня всегда было выигрышное положение, потому что я «политический», на воле имею знакомства с правозащитниками, у меня есть родственники, друзья, адвокат, общественная поддержка, и легавые это понимают, они знают, если что, я подниму вой. И не от себя лично, придут просто пацаны скажут, братан, давай скажем правозащитникам, и мы им такое сейчас расскажем. Всегда есть, на что жаловаться зекам на администрацию.

а администрацию. Благодаря этой теме душ сделали нормальный под «крышей» в Ангарске. Душа не было, была струя и нагревающий бак на 10 литров на 20 человек. Поставили второй бак, сделали ремонт, но потом дали мне 15 суток, спиздили у меня шерстяные носки при обыске, мелкая такая месть. Я пользовался тем, что постоянно кошмарил мусоров правозащитниками. Смотрящий за «крышей» говорит, я сейчас пойду общаться с БиОром, давай я им скажу, если какая-то хуйня будет, ты начнешь звать правозащитников, писать заявления, чтобы они дальше проталкивали это в прокуратуру. БиОРу это вообще не надо, он общее пропускал, мне лично приносил письма и газеты. Все угорали: о, твой почтальон пришел.

Последние несколько месяцев, отсиженные под «крышей», это хорошее время. Самое тяжелое время — ЕПКТ17 — областной БУР18.

На Бутырке первые дни вообще тяжело было, постоянно спишь. Сон — это защитная реакция на стресс. Тяжелый такой сон, тревожный, со сновидениями о Воле, семье, друзьях. Потом просыпаешься, и видишь вокруг себя таких же, как ты, шконки, эти тюремные желтые прокуренные стены. Просыпаешься и думаешь, бля, я в тюрьме, не может быть, как так, не верится, короче. Там, кстати, еще сам потолок, стены от курева желтые уже, там такой налет многолетний. Плюс сама краска — желтый мерзкого вида, и когда просыпаешься с тяжелым липким чувством, стремно, на проверку в девять утра, в шесть утра завтрак. Первые дни живешь вот так: просыпаешься на эту проверку, потом опять спать заваливаешься и просто сидишь, тупишь, чай пьешь, ничего не делаешь. Потом прогулка перед обедом, обычно перед обедом. На прогулку надо ходить каждый день, чтобы дышать свежим воздухом. Там постоянно курят. Двадцать человек курят. Походишь в большом двореке (на централах они на крыше находятся), возвращаешься, обед. Хлеб в Бутырке тогда был еще в 2012-2013 году прямо как кирпич мокрый такой, его сжимаешь и капает с него, сырой, не пропеченный нормально. Там своя пекарня. Какой-нибудь борщ вонючий, просто вонючий, Бутырка вся пропахла этим борщом, щами, борщом мерзким, они постоянно туда добавляют комбижир, везде в баланде вообще комбижир этот. Комбижир — это просто смерть. Были любители наебнуть свою порцию, потом чужую. Сахар с утра выдают, два спичечных коробка на человека, получается. Я сахар не ел, на общей хате просто берется сахар, засыпается в подобие чашки из-под доширака, где побогаче хата — пластмассовая чашка заказывалась. Сахар всегда на дубке стоял для мужиков. Кто сколько сахара успел взять, столько и брал. Обычно в передаче затягивают сахар, я старался

побольше сахара затащить — 20 кг в месяц. Сахар, чтобы в чай кидать. Постоянно хуячишь чай, постоянно пьешь чай, с сахаром, без. Глюкозы постоянно не хватает. Глюкоза — одна из таких важных для зека вещей. Особенно я понял это, когда был под «крышей», где нет ни чая, ни глюкозы ни хера — ломает от нее. Конфету раз в неделю увидел и все, ништяк.

Обед. Потом полхаты, если не больше, не выдерживает тяжести обеда и засыпает. Обед — враг для расслабленного зека. Лучше просто тусить, книжку почитать, пообщаться с другими зеками. Телевизор у нас стоял такой плохенький, маленький. Неинтересно было его смотреть. К вечеру все просыпаются, движуха начинается: чай заваривают, начинают дымить на вокзале, полночи галдеж в хате стоит, вечером дорога открывается. Я сначала на нее издали смотрел, не шарил. Там дорожник был москвич, второход, лет за сорок, Леха его звали, у него хата на Тульской, наркоман старый, у него постоянно руки пухли, как перчатки красные огромные, заехал тоже по наркотикам, полжопы отстреляно у него, из «кедра»¹⁹ в девяностых шмальнули легавые, сидел за разбой. Он вообще предприимчивый такой чувак, на дороге стоял, дали ему года 4-5, по телефону договаривался насчет того, чтобы весь срок сдавать квартиру и на эти бабки жить в тюрьме, с матушкой своей договаривался, чтобы она квартиру сдала. Он был два или три месяца на Бутырке уже, проблемы со здоровьем начались, может у него гепатит был, еще что-то..., но я видел то, что у него пухли руки, ноги, у наркоманов постоянно какая-то херня, в тюрьме особенно. В тюрьме вообще здоровых людей не бывает. Но у этих особые проблемы, связанные с их хобби, страстями, предпочтениями к веществам.

Весь день проходит так: движуха начинается часов с семи вечера, телевизор кто-то смотрит, в нарды играет, общается, курит кто-то постоянно. Хоть сигарет в хате мало, все сигареты отдавали по большей части на общак, не все, но какие-то сигареты заходили с общего, старались растянуть, чтобы на все дни были сигареты по две-три штуки в день у зеков. Движуха вечером начиналась, писали малявы: тусани сигарет, чая и т. д.

Я там с Кириллом общался, еще с кем-нибудь, ходил по хате туда-сюда, читал. Была местная библиотека, там были какие-то книги, но книги вообще все убивают: большинство людей к книгам относятся как к папиросной бумаге, как к туалетной бумаге, просто к каким-то вещам, которыми можно что-то вытереть, сложить самолетик. Книги рвут, портят, не читают, им похуй, так процентов девяносто делают, десять процентов все-таки понимают, что такое книги в тюрьме и что их надо беречь, были такие бывалые, которые реально могли рамс молодежи устроить из-за книг, которая вообще не понимает, что делает, сидят на них, всякую хуйню творят с ними, всякие непотребства.

Братва говорила, что на ногах постоянно кто-то должен быть днем (не спать), чтобы если легавые будут начинать шмон на центральке, чтобы уши были на макушке. Обычно шмон устраивают или рано утром, или после проверки, после обеда, чтобы взять врасплох. Или тормоза откроются, никто не подойдет, а они увидят всю хату, где какие запреты, где заточка, где кустарка, самопал запрещенный (четки, стос²⁰, блокноты и т. д.). У одного сокамерника была лампа своя, он как-то затащил цоколь, лампочку с проводом и вилкой, чтобы читать. По 159-й²¹ заехал, знал, как жить в тюрьме — предприимчивые люди, они и в тюрьме такими же остаются. Он к тюрьме относился очень здраво, как мужик, без романтического напускного пафоса, а просто мужик заехал в тюрьму и знает, как жить, и

своего не упустит, и внимания воровскому миру уделит, кого-то чему-то научит, при этом у него всегда свое. Такой, на котором русь держится, на своей земле мужичок. Разные типажи людей в тюрьме сразу просекаешь, в тюрьме человек сразу весь какой-то выпуклый психологически становится, сразу видны все его качества, на воле ты сразу не увидишь в человеке, а в тюрьме ты с ним в сообществе, каждый день видишь его и быстро складывается образ. На воле так годами может быть, а там за месяц, за дни можно узнать человека.

Первое время обживался в хате, с мужиками общался, гнал по воле, конечно, немного. В час-два ночи мог лечь, первые дни я осматривался, не понимал, что происходит. Говорится обычно — живите тюрьмой, если первый раз заехали, не тупите, смотрите, что вокруг происходит, на общей хате весь поток происходит, можно нормально жить, все должны быть при деле, должны быть полезны хате как личность, а дальше хата должна быть полезна всему централу. На общей хате время быстрее летит, я там просидел 10 месяцев, они для меня прошли быстро. Через полгода я стоял на дороге. Сам вызвался быть дорожником, потому что там стояло человек пять, общалось, среди них был смотряга и сетовал, что скоро уедет Леха-дорожник и будем без дорожника, я говорю — ну я могу быть дорожником, он это запомнил и потом меня подтянул, и мы общались по поводу дороги. Дорожник на общей хате — такая профессия. Это был какой-то багаж, хорошее портфолио, которым я мог пользоваться. Можно быть слоником таким в хате, ничего не делать — ну понятно все с тобой. Через два дня, как в хату заехал, я уже на тормозах сидел, стриг поляну, кинул ухо на продол и слушал, что там происходит и орал по всей хате, что тормоза открываются. На продоле постоянно что-то происходит: если будний день, адвокаты, следаки приходят, постоянно тормоза открываются на общей хате, что-то говорят. И я уже через два дня сидел, но я знал, что если тормоза расклацываются, и ты слышишь, что кто-то подходит, надо просто встать и орать «тормоза!» и первым закрывать собой проход, это я уже уяснил за один день. А кто-то мне говорил, что я заорал «тормоза!», бля, я думал, что ты орешь тормоза, типа, тормоза, хватит спать, давайте просыпайтесь. Забыл, кто это говорил, какой-то молодой чувак к нам заехал в хату. Почему я сел на тормоза: я не обязан был сидеть, потому что я из новеньких, понятно, ни шарю ни в чем, доверять такие вещи, как тормоза, не надо новеньким, что-то отчебучу, забуду, буду сидеть курить, были такие у нас личности, которые прямо на тормозах в телефоне сидели, смотряга это увидел, орет, вы че творите. И просто я сижу на тормозах и крикнул тормоза, и все там собрались, смотряга проснулся, полдня он обычно спит, потому что всю ночь с кем-то общается, ходит, что-то делает. Он такой просыпается, видит, что я на тормозах, собрал всех, говорит, так, че за хуйня. Мне за это никаких претензий: человек никуды не соображает, первоход, претензии к тому человеку, который меня посадил на них, кто-то съебался, схитрил, сидеть не хочется, посажу-ка я этого молодого, пошел куда-то по своим делам. Че за хуйня, почему вы все знаете, что к чему, посадили его — предьява всей хате. Через два дня в итоге нормально, я так там и остался на движухе, ха. Я десять месяцев просидел в общей, в одной хате, меня никуда не переводили, не кидали никуда. Иногда кого-то переводят, а некоторые год сидят в хате.

Сложно готовиться к суду, к своей защите в нем в тюрьме. Потому что в принципе тяжело сосредоточиться на чем-то непростом для тебя и новом. Нервничать начинаешь, потому что не понимаешь, как себя можно защитить, доказать обратное своему обвинению. Ко мне

адвокат приходил, с ним готовился, он меня натаскивал, как себя вести в суде, что говорить. Я через него как-то изучал, выяснял, штудировал УК более-менее. Можно вообще прийти, и тебя будут судить, и ты вообще не понимаешь, за что тебя судят. Так и уедешь на этап обвиненный и осужденный непонятно в чем.

У нас было простое дело: драка, хулиганство в клубе. Томов в деле немного было. Помню, что когда второй раз заехал, было 7 томов всего. А я видел всяких обвиняемых по мошенничеству, где подельников целая футбольная команда еще, они с собой к адвокатам сумки китайские клетчатые с томами своего дела таскали. Следаки коробки приносили им на ознакомления тоже.

По-моему, я был на дороге до последнего своего дня в хате. Под конец я уже не был дорожником как таковым, но еще был на дороге, то есть я просыпался, когда мне надо, и занимался ею вместе с пацанами, которые конкретно ею рулили. Помню, с нами был такой Никита из Воронежа, мы с ним периодически общаемся до сих пор, он заехал по растрате. Он работал скорее всего менеджером в какой-то компании, и узнал, как можно деньги снять, он снял тысяч пятьсот, съебался на них в Европу, кутил, потом зачем-то он поехал в Киров, и в Кирове-то его и приняли бухого. Он с высшим образованием, друзей у него никаких не было, матушка одна в Воронеже, но при этом он с башкой своей дружил, не дебил. А я смотрю он заехал в нормальных шмотках: джинсах ливайс, ботинках хороших, в рубашке нормальной, куртке кожаной.

Потом еще одного подтянули, тоже Леху. Он был по какой-то растрате или по мошенничеству, нормальной такой. А потом мы цыгана молодого подтянули, за кражу какую-то он заехал, у него батя лет пятнадцать сидел и сидит до сих пор, звонил батя его с лагеря, узнавал. Ко мне подходит этот цыганенок и говорит слушай, мне батя говорит на дорогу идти стоять надо, я говорю ну давай посмотрим, если тупить не будешь, то нормально все будет, он реально суету наводил, маляв куча приходит, и он тащит, все эти малявы раскидывает по шконкам или просто помогает, записывает, то есть вообще охуенно было, потому что Леха-растратчик уже на другой централ уехал, в Медведково, а оттуда уже на этап через два или три месяца. Он меня попросил какую-то книгу потолще, чтобы почитать полгодика. Срок ему еще не дали, он думал, что года три дадут. У меня книг такая стопка стояла рядом со шконкой, штук тридцать наверное. Дай мне вот эту хотя бы — самую толстую — показывает на «Улисса» Джеймса Джойса, ну ладно бери, может, чего-нибудь поймешь. Взял он «Улисса» и уехал.

Помню, зимой к нам в хату заехал офицер Минобороны, его перекинули, видно было, что он военный, как он вел себя. На него было какое-то давление, потому что его не просто так в нашу хату перекинули на пару дней, он прихуел от количества узбеков с таджиками у нас (пять или шесть человек), а он сидел в хате, где одни русские были, он сидел в хате с нашим парнем, подельником Иры Шавочкиной²², когда офицера перекинули обратно, и мне писал этот парень, ни хуя вы его там прочистили, что он радостный вернулся. Он прихуел, там он сидел у него все было: хорошие сигареты, хорошая еда, еще что-то, а на нашей хате со всеми поделился. А там у него все нормально было, платил какую-то ренту. То ли в наказание, у него странная тема была, не просто так его к нам закинули, не под пресс, а под худшие условия.

Другой наш товарищ сидел в хате, где одни узбеки с таджиками, ему специально такую хуйню делали, но там были еще два грузина, с которыми ему вообще нормально было. Раза два или три с ним пересекался, он нормально себя чувствовал там. Долбила23 был некоторое время, сидел на спецу, а мы на общих хатах, и он был не на нашей стороне продола, дороги не было к нему прямой, малявы передавали через людей, которые ездили на суд и передавали их на хату и в другой корпус, поэтому было очень сложно поддерживать общение. Я с ним практически не общался, одну маляву от него поймал и по моему ответил, но ответа не получил от него. Наш общий знакомый, который тоже сидел в тюрьме, советовал мне с ним не общаться, так как он не по нашей жизни идет. Он какую-то хуйню свою мутит, во-первых, он оказался диким националистом, презирал всех узбеков, таджиков, Северный Кавказ, а во-вторых, воровское тоже презирал, считал, что это лицемерная хуйня, бля, да везде лицемерие может быть. Самые хитрые прорвутся в смотрящие там в тюрьме и будут творить хуйню свою, наживать свое, игры вести. Если ты за мусоров, то ты за мусоров, единственное реальное оружие против них — это общество, а он против него двигался, потому что ему не нравились узбеки и таджики. Это весь срок у него было. Его же на Брянск увезли, а на Брянске не очень хорошие тюрьмы и лагеря, в Брянске он с какими-то людьми был, я бы с такими людьми не сближался бы на лагерях.

Воровское на самом деле не сто процентов поддерживает, не все арестанты, но они подчиняются этому всему, потому что как по другому? Сами ворчат, конечно, ворчишь, я тоже ворчал. То есть ты поднимешь бучу, но мусорам сделаешь плюстик. Политика действительно в миниатюре, тюрьма — зеркало общества, то, что здесь происходит, то и там, также все. Раньше еще хуже было, сейчас либерализация большая прошла. Постоянно что-то происходит, меняется, кто-то вспоминает корни, кто-то наоборот тянет одеяло на себя, кто-то хочет, чтобы ему получше было, там постоянно что-то двигается, меняется. Тюрьмы тоже не одинаковые, лагеря тоже не одинаковые, везде все по разному, везде хорошо или плохо, но есть корень каких-то понятий. Если все херишь, готов идти на сотрудничество с легавыми, рано или поздно попадаешь в эту ловушку, когда они будут тебе диктовать, что делать, как жить и т. д. Им что главное — главное сделать план и все контролировать, через каких-то людей, они говорят тебе, давай будешь такого-то чувака прессовать. Я с ними на контакт не шел, на какие-то договоренности. Они мне ничего не делали, я сидел под «крышей» весь срок — вот, что мне сделали — посадили в четыре стены, изолировали от общества арестантского, убили мое здоровье. Ко мне ни разу следаки не приезжали, по 51-й пошел, и не пытались дальше потом меня раскручивать. Все понимали, что судья мне и так срок даст. Следаки не особо любители приезжать на централ, они обычно тебя вывозят. Меня вывозили на экспертизу на полиграф, один раз, я помню. Это мутили следаки, я отказался, потому что моего адвоката не было, они оформили отказ и повезли меня обратно в СИЗО. Мы пытались своего полиграфа достать, но дело в том, что всего несколько человек в стране имеют лицензию мвдшную, на то, что ты эксперт полиграфа должна быть лицензия, таких экспертов очень мало.

В марте 2013 года нам предъявили второе обвинения по статье 111-й ч. 324 — нанесение тяжких телесных, эпизод тоже рядом с «Воздухом» территориально был, но на три дня раньше, когда ебанули малолеток каких-то правых. Нам двоим с Лехой предъявили обвинение, нас там не было. Адвокаты заранее знали, когда будет опознание потерпевших, очная ставка. Сначала у Лехи, потом у меня. Адвокат говорит, все, что ты говоришь на этом

опознании, вносится в протокол. Мне адвокат говорит, просто спровоцируй этих долбоебов на то, что они правые, что они тебя знали до этого, и никакое это не опознание, потому что они узнали тебя среди статистов.

Я прихожу, там какой-то хуй в футболке Динамо с мамой, я ему говорю, ну че ты за мусоров топишь, что-то такое сказал ему. Тот пытался огрызнуться, его мама дернула за рукав.

Самый прикол, как меня опознавали: меня подняли в один из кабинетов, где была встреча с адвокатом и следаком, стоял я, и привели двух красных в тюремной робе, в арестантской, в тапочках, один кепку снял и все, они там стояли, видно же — тюремная роба. Вот это опознание! А я во всем вольном. Естественно, он меня опознал. И помню еще, следак приходил, другой уже, там же у меня два или три раза следаки менялись, сначала был какой-то мужик, потом женщина, потом какой-то парень, я не понял, зачем он приезжал, подписать какую-то экспертизу очередную я должен был. Он тоже приезжал по весне или по зиме уже 13-го года, он меня спрашивал про зин Made in Moscow²⁵, там написано, что ты его делал. Я: докажите. Я сразу подумал, что он хочет 282-ю²⁶ мне, а еще он меня спросил, участвовал ли Алексей Федорович в издании этого зина, и говорит, что читал номера, интересно, расскажи. Я говорю, ничего не знаю. Я думаю, не просто так же он спрашивает: опера и следаки просто так ничего не спрашивают, явно хочет к чему-то подвести, явно к 282-й, понятно все. Потом Алена в Бутырку привезли, я с ним сидел. Когда через десять месяцев меня перевели, тоже было интересно: перевели на спецпродол, в трехместную. С 2014 года камеры стали четырехместными, наварили шконку четвертую. Приехала Каретникова²⁷ и еще какие-то правозащитники, она пришла и еще кто-то, меня завели в кабинет к зам.начальника Бутырки вроде, спрашивают, как дела. Говорю с легкими проблема, курят очень много в хате. Через два дня меня перевели в хату типа некурящую. Очень прикольно было: я как раз передачу поймал, на следующий день меня переводят со всей передачей. Часть передачи в хате оставил, поехал с этой передачей, полблока сигарет было с собой. Заезжаю в хату, че мол, некурящая. Там полный голяк в хате, два чувака сидело, и просто голяк вообще, у них ничего нет. И я как раз с передачей, и они довольные такие. Один узбек, сидевший за угон, был, помню, второй из Украины за кражу телефона из кармана в метро. Там разные люди совершенно. Меня с общего туда перевели. Я не знаю, почему меня перевели, и никто не говорит никогда почему. Я десять месяцев сидел, я там просидел бы весь срок. Уже все «болотники» сидели на Бутырке²⁸: Полихович сидел, Барабанов сидел, и я с ними общался уже по малявам постоянно. И они: как ты там сидишь-то, это ж пиздец. Я говорю, ну а что, все наши сидят. Четыре товарища сидели на моем корпусе, на нашей стороне, где дорога: я, Игорь, Любер и подельник Иры Шавочкиной. Вчетвером мы сидели на одном продоле, и на этом же продоле сидел чувак из Юнион, который всех сдал (у них делюга была: в метро с конями дрались²⁹). Там их трое или четверо заехало, он их всех сдал и вышел на полгода раньше, долбоеб. Эти все трое себя вели достойно, причем у меня кто-то интересовался из грузинов, уже не помню точно, какие-то люди из воровского мира, правые ли они. Я говорю, конечно, правые. Ну а как там: этот и этот нормально сидит, выделяет на общее, все выделяют на общее. И я общался с этим стукачом. Я от него узнал про писателя Сергея Довлатова, он прислал мне книжку, я прочитал ее, и мне понравился Довлатов.

С хулиганом из Юнион я как познакомился: стоял на продоле, и стоит чувак здоровый в поло, с татуировками, ни одной правой татуировки. Стоит в шлепанцах на голую ногу и видно, что выключатель советский набит. Я его спрашиваю: слышь, что у тебя выключатель значит. Он говорит: я выключаю людей этой ногой. Я поржал, говорю, нормально. Он говорит: здорово, Сократ. Я: О, ты меня знаешь? Он: Да, а я из Юнион. А я вообще не слышал про эту историю. Я — ему: за что заехал? Он: Подрались с конями, махались. (Им 212-ю шили30). Я говорю, понятно. Он тоже на общем сидел, а его подельники, не знаю, где-то на спецах сидели, не видел.

Потом в нашу хату заехал угарный чувак Граф, лет 35–40. Я уже на дороге стоял, и он заезжает в нашу хату, и до этого один, который с нами сидел и имел вес в воровском мире, сказал, сейчас заедет чувак такой, Граф, будешь с ним общаться. Я говорю ладно. А с этим я нормально общался, он заехал со своим телефоном, причем в носке, угарно выворачивает носок — телефон. Я с этого телефона периодически в интернете сидел, он еще постоянно ворчал, что я бабки его трачу.

Я сначала не понял, почему я с ним должен общаться. А потом он приходит и говорит здорово, Сократ. А у нас с ним общие знакомые или что, он весь на моде. Взрослый мужик, в татухах. Заехал тоже по мошенничеству, работал мелким чиновником, махинации с жильем какие-то мелкие устраивали. Я так и не понял, зачем я должен был общаться с ним, смотреть за ним. Видимо тот человек свои игры какие-то вел. Единственное, на что его разводили — сигареты каптэн блэк, которые Граф курил. Он говорил, мне здесь не нравится сидеть, я хочу обратно на спец. Рассказывал, как охуенно на спецу, как он «болотников» видел там. На спецу вообще другая жизнь, по сравнению с общей хатой — небо и земля. С одной стороны там комфорта больше, спокойнее, но экстремального веселья нет. Сидишь телевизор смотришь, книжки читаешь. У меня, когда переехал на спец, повысилась быстрота чтения книг, потому что делать вообще нечего.

Когда я заехал на спец, там сидел чувак из Украины, Лысый погоняло у него было, я сразу понял, что он не очень, уже сидевший, в этот раз сидел за кражу телефона в метро, и этот узбек угонщик, тоже сидел второй раз за угон. Пьяный залез в тачку и сидел там, его и взяли. Тачка открытая причем была. А Лысый мутный. Хата голая, там сидели не бродяги, не крутые чуваки, не бизнесмены, просто два преступника, которые на общей хате — масса. На дороге Лысый был. Первая же ночь, мы спали, Лысый что-то пробубнил: заебала эта дорога, спать лег. Мы с узбеком уснули, он всю ночь один на дороге сидел, трасса не очень проходная через нашу хату, но некоторые вещи с общих хат идут через нас. Я тогда не особо понимал, что это очень важно, поэтому забил и спал. Мы просыпаемся с узбеком утром чай пить, килограмма халвы нет. Я понимаю, можно съесть килограмм халвы, но если ты не думаешь о других людях. А мужик в тюрьме сидит, и с ним еще два арестанта. А я говорил, пользуйтесь всем, все общее. Узбек говорит, зря ты сказал, что это общая халва, надо было сказать, что это твое. Потом он что-то еще сожрал, я ему сказал, на этой полке общее, на этой — мое личное. Я начал интересоваться, как он сидел. Он сидел за разбой в Архангельске 9 лет. Я говорю, что делал. В коптерке сидел. До меня дошло потом, что коптерка — не очень хорошо. Я потом начал убираться на дубке, нашел восемь или десять листов прогонов про то, кто в хату заехал. Он уже прогнал их по всему централу, все хаты просмотрели дорогу, прогоны надо уничтожить, а он оставил. Я давай просматривать даты.

Смотрю, заехал по 159-й, просидел там неделю, уехал, еще один по 159-й, еще один, еще, они сидят неделю — две недели и уезжают, а он остается в хате, он дорожник, вообще нечистая хуйня. Естественно, я ему предъявил за то, почему он не уничтожил бумаги, при первом же шмоне все это будет на руках, нахуй это надо. Он: да, все равно, это все знают. Я ему говорю: ну ты же знаешь, как дорожники делают: уничтожают все бумаги, нахуй им видеть все. А если комиссия какая-то зайдет из прокуратуры, из управы, еще кто-нибудь, достанут все это. Ты весь централ подставляешь, что есть дорога, что мы пишем курсовые, кто заехал. Я взял все уничтожил.

Я ему говорю, сколько в хате сидишь. Он: столько-то столько-то. А в хате ни чайника, ни телевизора, а эти заезжают по 159-й, выезжают, заезжают сюда, как на заморозку (нет телефонов, нет бытовых условий, которые были на общей хате). Пиздить нельзя людей, насиловать нельзя, но можно им сделать такие условия, где нет нихуя ничего.

Если ты в таких вещах открыт, что тебе нечего скрывать такого, то тем лучше, любой порядочный арестант про себя рассказывает. И смотрю, и этот периодически раз в неделю ходит куда-то, один раз он вообще круто отмазался. Он ушел, узбек сразу говорит, ну ты понимаешь, что он стукач ебанный. Почему он тогда на дороге стоит, все малявы знает? Он говорит, все в курсе, соседи в курсе, приходится отправлять. В соседней хате сидели порядочные. Потом с соседями порешали, что он не будет стоять на дороге.

Мы его легко сбили, потому что он косячил. Вторую или третью ночь я смотрю, с соседней хаты малява идет, он ловит маляву, открывает. Как здраво делают на дороге: видит маляву, записывает ее (такая-то малява), по суперкрутому он должен записать время, в которое она зашла, и сразу же отправляет ее дальше. А этот берет маляву, кладет ее на стол, сидит дальше смотрит в потолок, смотрит телек дальше сидит. И вот он собирает пять маляв и потом только отправляет, а это полночи. Нельзя так делать. И чувак только ответ получает только под утро или на следующую ночь, а мог бы получить через два часа и сразу написать. Надо поддерживать переписку, общение, а это препятствие общению, жесткий косяк, препятствие общению между другими арестантами, ты должен все делать, чтобы ходил, общение между зеками, это благое дело. А его лень не оправдывает его, мне кажется, он специально это делал, тормозил общение.

Я ему сказал, зачем ты так делаешь? Он: неохота туда-сюда гонять, коня портить, я соберу пять маляв за полночи и отправлю. Я не знал, может, так принято на спецу, а потом мы с соседями пересекаемся в бане (соседние хаты могут случайно в бане пересечься: одни выходят, другие заходят), и сосед начинает предъявлять этому хохлу и мне говорит, ты из такой-то хаты, я выяснил, ты дорожником был, что за хуйня. Я говорю, почему ты мне говоришь, я третий день только в хате, сейчас все нормально будет. Потом я Лысому говорю, почему нам, всей хате за тебя предъявляют. Почему ты косячишь, не я, не узбек. Один косячит — всей хате предъявляют, естественно, типа, что вы за ним не смотрите. И все, он просто сошел с дороги, я встал на дорогу, мне узбек помогал. Лысый ходил раз в неделю к оперу, рассказывал. Я его один раз подколот: что, где был? Он: да вот правозащитники приходили, из Яблока. Я говорю: да, и что говорили? Он: у меня такое сложное дело. Дали ему то ли уголовный кодекс, то ли уголовно-процессуальный, я уже не помню. Дает мне кодекс и говорит, ты знаешь, такой-то такой-то приходил. Назвал мне кого-

то, да, я знаю такого, слышал, говорю. И я смотрю — реально УК или УПК, но не 2013 года, а 2009 года. Я представил картину, как опер достает из ящика, так, на тебе, чтобы не было подозрений.

Позже узбека переводят, заезжает дагестанец в охуенном твидовом пиджаке. Самый шик в тюрьме — ходить в спорткостюме вельветовом, который не для спорта. Вот у него тоже такой был, но прожженный. Заур его звали, охренный пацан, заехал по 213-й, подрались, из травмата пострелял в каком-то кафе на Нагатинской. На этом же районе жил, его там все знают, говорил, что его давно хотели закрыть опера местные. С общей хаты его перевели, он дико негодовал, что его перевели.

Как-то отдыхаю утром, Лысый вижу сидит за дубком. Сплю, но одним глазом вижу, что что-то пишет, конверты попросил у узбека. Думаю, ну, письмо пишет, хуй знает кому, кому он может писать. Дописал свое письмо. Сложил в конверт и положил на дубок. Потом я встал чаю выпить, смотрю, кто адресат на конверте, а там прямо в Кремль, Владимиру Владимировичу. Ну, думаю, дальше оперчасти это письмо не уйдет. Знаем мы этих Владимировичей. Через два дня после этого письма открывается шнифт, говорят, все на выход с вещами. Кто на выход с вещами? Все на выход с вещами. Мы все начинаем собираться, кричим соседям, что перекидка из хаты с вещами, все трое собрались, выходим на продол, Лысому говорят, ты оставайся. Мы такие, ясно, ну, пока. Нас раскидывают: переводят этого сокамерника через три хаты на продоле и меня дальше на конец продола, рядом с Аленом хата. Захожу туда, там никого, куча газет каких-то грязных, весь вечер убирался там, телевизор по-моему был. Я один просидел в этой хате сутки, начинал уже с ума сходить. В хате надо мной через этаж Полихович, я там дорогу сплел, нашел кусок дороги, доплел, ставить-то просто было, спускали руками, и Алэн рядом. Вроде бы и один сидишь, а вроде бы и рядом все.

Переводят в другую хату, как будто в другой мир попадаешь, а тут никого нет. Потом к вечеру или на следующий день завели другого человека, с таким фингалом под глазом — калмыка.

А Лысый остался в той же, дальше наблюдать и докладывать. Он потом имел наглость сигарет у меня просить, я, конечно, ему отправил несколько. Человек все-таки.

Шмоны не особо часто, местные шмоны вообще фигня, они дороги не отшманывают, просто им даешь пачку сигарет. Я когда сидел, была пачка парламента всегда. Когда в хату заходили со шмоном, ничего не трогали. Даже заточку оставляли иногда, чтобы порезать хлеб, например, но не человека: тебя блядиной объявят, если поднимешь заточку на человека. Конечно, режут периодически зеки друг друга, но очень редко и по весоному поводу своему личному какому-то. Дальнейшая судьба нападавшего потом долго разбирается на арестантских сходках.

Когда я последний месяц сидел на лагере, новость пришла, что на шестерке, в лагере прямо рядом с моим домом, где я раньше жил в Иркутске (там больница и строгий режим для вторыходов), петух заточкой насмерть попырял, потому что узнал того, кто его по беспределу опустил. Гади́на раскручивал на централье людей. Это очень редко бывает, но

бывает.

Делюга 12-го года очень долго шла, затягивали, как могли, сначала они, потом мы: мы узнали с Воли, что в 14-м году будет амнистия, туда наши статьи как раз попадали (213-я).

С Полиховичем мы в Бутырке познакомились, он был в футболке или толстовке с Дуррути, наш человек. Барабанов крутой, но какой-то не от мира сего что ли для меня, уж очень внутри себя, сейчас я уже так не думаю, после того, как мы с ним на Воле пообщались и потусили вместе. Больше с Полиховичем общался, с Аленом плотно, с Любером общался, он так и остался на общей хате сидеть, пока его не перевели в Подмоскovie, в Егорьевск что ли. По моему совету он стал дорожником еще раньше, Алексей Федорович тоже на дороге стоял, самая для мужика тема на общей хате и вообще — быть дорожником, если тебе интересна эта движуха, кто, что, куда на централе, сразу все ясно становится, и время летит быстро. Если ты дорожник, например, всю ночь стоишь на дороге, дорога на Бутырке открывается после отбоя и до утра. Ты всю ночь стоишь, естественно ты весь день спишь, движуха идет нормальная.

Облавы на дороги не делали сразу по всему централу. Зависит от времени, бывают, что они устраивают пиздец, бывает, что отъебываются от этой дороги и не трогают ее вообще. Просто режут сами дороги, сверху, снизу, могут даже не сами резать, а козлов заставлять это делать, врываются в хаты. Можно на распор ставить хату, чтобы не было незваных гостей. На Бутырке не было у нас таких случаев, а там, где я сидел потом (на ПКТ, на ЕПКТ) постоянно врвались. Там редко когда дают жизнь спокойно, выматывают психологически. Постоянные обыски, шмоны, личные досмотры, перевод из одной хаты в другую каждый день³¹. Инспекторам, которые работают под «крышей», тоже неохота всем этим заниматься, они бы сидели бы у себя в кабинетике, радио слушали бы и телевизор смотрели, им тоже неохота особо участвовать в этих мероприятиях.

Видеорегистраторы они включают, когда проводят действия с заключенными. Включают регистратор, говорят время, фио, открывают хату.

Там робот стоит, он состоит из двух частей: общей и решетчатой, между ними можно домино и ложку вставить, получается клин, они ключ не могут повернуть почему-то. На спецах робот один, нет решетчатой двери, второй, там вбивается домино вверх или вбок, надо туда грамотно вбить, чтобы они не смогли открыть ее. Это делается, чтобы они не открыли, пока достаешь, запреты поднимаешь, курок делаешь. Если знают, что мусора могут ворваться на дорогу, а у тебя там груза идут, важные малявы. Терять неохота, потому что тебя спросят за это, поэтому лучше поставить на распорку, он долго будут открывать эту дверь, ты успеешь за это время все убрать, отправить дальше, убрать дорогу. Дорогу чуть дергаешь, и этот простой, но хитрый узел, одни раз дернул, он отвязался, и дорогу забрали соседи, но бывает, что они сразу в две-три хаты врываются, тогда надо хитрить: топить, убирать, съесть, бывает, я ел малявы, рвал сопроводы и курсовые. Они следят, что идет какой-то груз, они знают, что груз идет особый, контроль, контрольный груз.

Например, когда я на ЕПКТ сидел, там распорку почему-то нельзя поставить, не знаю почему, или мы криворукие были, в итоге просто сделали из простыней дорогу, просто привязывали, там тоже решетчатая дверь и обычный робот. Простыню привязывали к роботу, не помню, был какой-то крюк, пока они все развязывали, мы успевали все сделать. В ЕПКТ они постоянно врывались, с ножичком бегали, резали, у них еще собака была, огромный кавказец, обученная ловить груза, малявы. Идет груз, она сразу бежит и ест его, давила крыс под окнами, огромная псина, хитрая, прямо под окнами ловит этот груз, держит в зубах, а там сало или конфеты какие-нибудь идут или сгущенка, и на тебя смотрит, и ты ее уговариваешь, нормально все, отпусти типа, или нет, малявы какие-то идут, ты ей говоришь, малявы просто, нет ничего пожрать. Она на тебя смотрит, держит это в зубах, карман это да, ты думаешь, бля, отпустит — не отпустит, иногда отпускала, но обычно просто рвала, смотрит на тебя, секунд пять подразнит тебя и рвет. Некоторые в одной части корпуса на ЕПКТ отвлекали эту собаку, кормили, звали ее, она под окнами стояла, а другая часть как раз тянула, откатывались сигареты, еще что-то. На ЕПКТ дорога — это пиздец всегда запара.

В БУР были кабуры: дырки в стенах прямо пробиваются, через них все передается. На новом продоле некоторые стены были железобетонными, мы даже уголками из шконок выломанных не могли их пробить. Пластмассовая кружка давалась, ты вырезаешь дно, получается пяточок, кабуры были сделаны как раз под этот пяточок, его ставишь, мылом под цвет стены замазываешь и все. Видно, что там дыра, но нормально все, на проверках не обращают внимание, а если комиссия — просто прикрываешь.

В ПКТ, ЕПКТ разрешается держать полотенце и все, мыльнорыльное, и то мыльно-рыльное забиралось до вечера, и две книги. В УПК непонятно было прописано, две книги на каждого или на всю хату, мы постоянно ругались за это с инспекторами, качали за эти вещи, я периодически прятал книги всячески: под пол, если был курок, по разному, чтобы почитать перед сном. Бля, вспомнишь — страшно. Чай тоже под запретом, чай постоянно в трусах почти два года проносил. Чай на все хаты, не только на свою. Можешь держать продукты питания, на которые отовариться там можешь. До 2015 года отоварка была 500 рублей в месяц (с 90-х годов), на них ничего нельзя было купить. В 2015 году сделали 500032, правозащитники или кто-то продавил реформу, сразу разгул пошел. Цены там чуть выше, там еще монополия, какие-то сотрудники определенные продукты своих фирм пихают в магазин. На воле я уже потом спалил, есть фирма в Нижнем Тагиле, которая делает сладости, конфеты, которые были в магазинах ангарских колоний. Оказалось, что легавые нижнетагильские держат эту фирму. То же самое с продуктами в московских СИЗО, это вообще такой бизнес. Есть три или четыре бизнесмена, которые работают с московскими СИЗО (сизомаг), там продукты отличались чуть-чуть, но всегда один и тот же набор, и все не особо качественные, дешевые.

Успел потестить ФСИН-письмо33 на Бутырке, в Иркутской области нет ее. Надо настраивать, надо перестраивать ФСИН, надо добавлять всего электронного. Нужны реформы, чтобы электронные письма были хотя бы в каждом СИЗО страны, нужно делать переквалификацию всех людей цензурного отдела, которые начали бы работать с компьютерами, с электронными письмами.

Все мои счета были на бумажке, как в советское время, приходят бланки старые советские. Вся наша система гулаговская, не развивается совсем, это сложно на самом деле, фсиновская машина очень громоздкая, старая. Любое новшество — это бабки, но все равно нужно настроить все. Не видел ни одного умного чиновника или работника во ФСИНе, с какой-то смекалкой видел, были, а умных, которые бы знали, как реформировать, — нет, до пенсии будут думать. Им бы не сесть. При мне садились некоторые за пронос наркоты, много заехало по 3-й части, прямо туда же заезжают, на Бутырку. Есть хаты специальные, БС34 хаты, с ними можно пересечься на общем продоле, когда идешь к адвокату, еще как-то, в бане нет, между хатами можно пересечься. Лагеря у них отдельные, общий режим в Нижнем Тагиле находится у бсников, под Ангарском тройка для БС, строгий режим, есть особый режим для БС, туда все входят (и военные, и кадровые военные, и МЧС и т. д.). У них мужицкие понятия, воровских понятий нет, естественно. Что-то отличается, тоже должен быть смотрящий, с воровским миром могут быть связаны, но понимание другое совсем.

Заезжаю в хату, убрался, телек посмотрел, спать лег. На следующий день ко мне заводят арестанта-калмыка, у него такой фингал под глазом, и он мне говорит, я вот с воли типа. Я ему говорю, че-то ты пиздишь, я тебя видел на продоле три или четыре месяца назад, мне лицо твое знакомо. Говорит, так я тут сидел, но меня отпустили под подписку до суда, отсидел какое-то время. Я говорю ладно. На суде ему срок дали, и он заехал опять, все, со сроком, я говорю, надо апелляцию писать. Где сидел, спрашиваю. На спецу сидел. Я бумагу написал за него и отправил курсовую. На следующий день заводят еще одного арестанта, он тоже только с воли. Беларус из Слонима, на Калужской трассе работал в автомастерской слесарем, занимались тем, что привозили бэхи, дорогие тачки и на части резали, разбирали. Взяли краденые тачки. Он заехал, и заехали армяне — владельцы этой автомастерской. У него 158-я ч. 3, а калмык заехал по мошенничеству, они к банкоматам ставили фальшивые штуки, считывающие данные, он и какая-то баба заехала, я думаю, если покопать, там пиздец. Он шарил во всех этих темах, я его поспрашивал, в хакерских, он чуть-чуть шарит, но больше в хакерстве таком прикладном, где бабок побольше, и связанном с устройствами. У него 159-я ч. 4, по-моему. Мы так и сидели, я заехал в марте-апреле, мне осталось два месяца сидеть, с Аленом переписывался, он за стенкой, с Полиховичем, с Алексеем Федоровичем, он так и остался сидеть на общем режиме. Он сидел на Медведе, а в какой-то момент его перевели на Бутырку, он сразу в тот же день мне отписался, узнал, в какой я хате сижу, начал писать.

Людей могут переводить между СИЗО, потому что делюга уходит в суд какой-то, чтобы возить проще было, и подельников чтобы было удобно возить, у нас один суд же. Когда принимает ЦАО, то обычно в Бутырку, хотя были варианты в Матроску, если бы на севере Москвы мы судились, то отправили бы в Медведково. Я не знаю, как они там распределяют. «Болотники» по разным сидели (Акименков с Бученковым на Воднике, Гаскаров на Воднике, потом на Бутырку переехал).

Потом следак понял, что 111 ч. 3 не про нас, Ален дал показания, что он там был, пришел Гукасян с воли, сказал, что Сутуги не было, что он там был, он так на воле и остался с

подпиской о невыезде, его осудили, но не посадили. Всех осудили, все попали под амнистию по 213-й. Ален дал показания все эти, его накрыли в Троицке, хотя он должен был в это время находиться в Украине или Европе, он почему-то находился в Троицке. Алексей Федорович сидит с января, я сижу с апреля, проходит почти год, Алена в декабре берут (мы думаем с Алексеем Федоровичем, что он еще в Европе, и тут его берут). В итоге получилось так, что благодаря его показаниям с нас сняли 111-ю ч. 3, адвокат снимает ее, ходатайствует в Мосгорсуде (мы уже больше года сидим), что 111-ю ч. 3 с нас снимают, у нас остается 213-я и 116-я35 статьи, по этим статьям больше года в СИЗО не держат, все, типа, адвокат просит, чтобы нас освободили под подписку о невыезде. Алексея Федоровича сразу из зала суда выпускают, потому что у него московская прописка, он подписывает следаку подписку о невыезде, а меня не выпускают, потому что у меня нет московской прописки, и регистрация у меня кончилась на тот момент, меня только за денежный залог. Я уехал обратно на Бутырку из суда, ждать, когда залог внесут, я просто прихуел, думал, соберут или не соберут эти деньги, пять дней, а у меня телефона не было еще. За пять дней собрали деньги, перевели. Шнифт открывается, все, на свободу. В хате, как в американских фильмах, ты со всеми прощаешься, тебе желают больше не попадаться, не заезжать, кричишь на воздух, что выходишь. Можешь не кричать, я кричал. Алену стуканул в стенку, все, говорю, выхожу, Ален в ахуе, я говорю, ничего, скоро и ты выйдешь. Мы чифирнуть успели, я по быстрому собрался, вышел на продол, на продоле крикнул. Я понимал, что выйду, но не знал, когда. Понимал, что деньги соберут все-таки.

Вышел, встретили меня. Дело было еще не закрыто следаком, на следующий день поехали с Алексеем Федоровичем подписывать документы. Дело отдали прокурору, ждали, пока уйдет в суд. Одними из требований суда были регистрация в Москве и официальное трудоустройство, я устроился на работу в «Русскую планету».

Суд начался летом, пришли наши потерпевшие (охранники «Воздуха»), эти двое, предъявили корочки: один сотрудник ППС, а другой сотрудник ГНК со своими друзьями на стоун айлэнд, мы угорели, конечно. Они не были на тот момент, потом стали сотрудниками. Начали судиться, Ален за решеткой (у него было два эпизода), начали его возить с Бутырки, потом перевели куда-то, на Медведково он переехал, на Медведково намного лучше, чем на Бутырке, он потом рассказывал, я ему говорю, все от хаты зависит и вообще от режима, как там режим напирает или нет, ну и от хаты. Начали судиться и думаем, что если не дотянем до амнистии, до 2014-го года, нас опять закроют, и там срок давности по 116-й в январе заканчивается. Мы думаем, надо как-то тянуть, а как тянуть, непонятно. И тут я на регби рву связки, еду в больницу с лонгеткой, сразу справку от врача, что ходить не могу, потому что на костылях, полтора или два месяца с палочкой ходил и на суд с палочкой тоже ходил. Когда суд подходил к концу, амнистия. 1 января — амнистия, 2 января — новая история, 10 января у нас заседание, закрытие дела, Алена выпустили из зала суда. Артур его встречал, эшники там его фотографировали, потом мне показывали.

Потом я заехал, потом Артур — одни выходят, другие еще раз садятся. Гаскаров уже сидел, Бученков еще нет, разминулись с Гаскаровым на месяц, по-моему. Мы с Бученковым созванивались по телефону, я из БУРа ему звонил, у нас еще была трубка, я пару раз ему звонил, мы списывались с ним, и тут я узнаю из «Новой газеты» недельной давности36, что Бученкова задержали, охуенно, то-то, думаю, письма от него не получаю.

14 января день рождения у сына, я уже в Киеве, там Майдан вовсю. Я там особо не веселился, ходил, смотрел, что на баррикадах, на этих бонов всех, на украинцев. Пытались мы там сделать анархистскую «Черную сотню», боны нам не дали это сделать, сами на нас выебывались и через общий совет Майдана сказали, что не будет места левакам на Майдане, всех нас обозвали леваками, Майдан выдавил всех леваков в общем.

Вернулся, рассказал в Project V37 про то, как съездил на Майдан, через два дня MLM38, и на MLM меня второй раз закрывают. Сначала не понял, за что, думал за то, что на Майдан съездил, думал, ничего страшного, хули они мне предъявят. А тут они мне бац фотки с Артуром, где мы у суда, че ты не понял, второго января че делал? Я про себя думаю, бля, понятно. А там, думаю, что там, там вообще ничего, никакой поножовщины не было, телесных особых нет, мы просто их забили в угол, их было человек шесть, подносами, тарелками закидали и все, они такие перепуганные, все эти St. George skins 39, уебки, я бы мимо них прошел точно в тот день, но та тема, что они Алексею Федоровичу ножом и травматом угрожали, когда он девушку ждал в метро, и что они сфотографировались с флагом красно-черным, стояли на нем, и тут на следующий день мы их встречаем.

Терпила вообще пиздец, просто терпила, хуже, чем те уебки, которые на видео не постеснялись просить, чтобы их защитила полиция, просто перепуганные. В «Сбарро» приехали мусора, пару человек дали свои данные, кому-то досталось по голове, им оказали помощь, но никого не госпитализировали, это есть в бумагах у Скорой помощи, которая приезжала на выезд, они просто пиздели в интернете, что на них антифа прыгнула, что я там был, эшники за это зацепились. Там был азер этот, он профессиональный терпила, Олю хотел засадить, заявление на нее писал, еще на кого-то заявление писал, раза два или три точно это делал. Не только по нашей теме такие есть, везде: подсадные утки, провокаторы — обычная мусорская практика, и боны всегда рады прислуживать.

Мы приехали в отдел или на допросе на следующий день, они пристали к Артуру, что он тоже там был 2 января. Они хотели Артура к моей делюге сначала приписать, сначала меня опознали, потом Артура привозят. А я им говорю, они не узнают его, если вы им специально не сказали сказать, что он там был. И они его не узнают, естественно, но я удивился, что они его не узнали, думал, что уже было оговорено между ментами и бонами. И все, он выходит. И тут через несколько дней его дома берут по другой драке. Я бы съебался, конечно, после таких звоночков. Мусора не хотят себя чувствовать неправыми, бьет по их чести, достоинству.

Меня увезли на Петровку, я там сутки пробыл, на следующий день суд. На суде мера пресечения — два месяца ареста. Обрато туда и на следующий день на допрос к следаку, он мне предъявляет обвинение — 213-я ч. 2, 116-я, те же самые статьи, молотком бил кого-то, никаким молотком я никого не бил. Они спрашивали, кто еще там был, следак спросил, эти спросили, не знаю, говорю, меня вообще не было, я до последнего, а потом просто дал показания, что шел, гулял, встретил молодых людей, они меня узнали, мы пошли в кафе, у этих молодых людей случилась ссора с теми молодыми людьми, я вообще не при делах. Меня не пытали, не пиздели, это не терроризм же, там зеленый свет пытаться, как и по 228-й, практика пыток по 205-й40, может, по 282-й. Есть показания потерпевших, больше нахуй ничего не надо, на них все строится. Мы не смогли доказать, что потерпевшие сами были

под стрессом и прессом мусорским с политической подоплекой, на это суду вообще похуй было. После следака или после суда они мне говорят, сейчас ты поедешь в ИВС на Петровку, до десяти дней тебя там могут содержать, там мы с тобой поговорим, там уже все расскажешь, были такие намеки на пытки. Я думаю, ну все пиздец мне, надо вскрываться прямо там. И конвой: где документы с Петровки, куда везти его, непонятно. Суд меру пресечения дал, надо везти. Бумаги из суда есть, а от эшников нет. И повезли меня на Бутырку, не знаю, может, они передо мной театр устроили, чтобы я был на нервах. В итоге я поехал на Бутырку, такой, ну бля, заебись, домой вернулся. На Бутырке: Гаскаров сидит, Полихович сидит — все свои, нормально все. В тот же вечер я установил со всеми тюремную межкамерную связь. Приезжаю, там какие-то первоходы, я им рассказываю, чуть ли не экскурсию провожу по Бутырке, пока мы идем, я думал, они меня сейчас опять на карантин, а они меня сразу поднимают не на общий, а смотрю, на спец идем, думаю, заебись, поближе к «болотникам», они все тоже на спецу сидят. Заводят в хату, я смотрю, на спецу три шконки было, они четвертую наварили, уплотнение. Я им говорю, мужики, че это у вас шконка лишняя, новую шконку наварили — всем видом даю понять, что я тут недавно был. Какой-то хер начал на меня выебываться, что я людей отпиздил. Я думаю, че блять. А там сидел, когда я заехал, Саня из Серпухова, мужик вот этот, который полковником оказался бывшим или чиновником, хуй пойми кем, мошенник, третий — туркмен с палочкой, ему за 40–50. Этот военный начинает выебываться, я не знал, что он военный, просто мужик с залысиной. Я ему говорю, за что заехал: подрался, отпиздели, занимаюсь тем-этим, он говорит, че, тебе прямо здесь уебать, я говорю, сейчас за вольный образ жизни спроса нет в тюрьме, он сразу — чик, Саня — да-да-да — такой, он на дороге, смотрю, дорога у них открывается, все рассказал, с Саней быстренько сразу нашли общий язык, с крадуном. Потом выяснилось, что тот полковник, я подумал, все понятно, до свидания. В итоге я его начал тюремной жизни учить, потому что он вообще никуя не понимал, он приехал с Матроски, у него 105-я41 и 159-я, естественно, он продавал какие-то должности по делюге, я потом через адвоката пробил, кто он такой, что есть такая делюга. Полковник вел себя по-дурацки, неправильно. Будь проще, и люди к тебе потянутся. Чем ты проще, тем люди к тебе лучше относятся, в тюрьме так. Он один раз сказал что-то вроде надо всем строем ходить, я ему говорю, ты что, попутал, мы в тюрьме сидим, каким строем, ты чего говоришь. Саня поддерживал меня.

Саня — хороший человек, ВИЧ, гепатит. У него было пять судимостей, пять раз была условка по 158-й, он судился в своем серпуховском суде, это не Москва, это Серпухов, ты можешь хоть десять раз быть судим по 158-й и ходить под условкой, десять условок может быть, живя где-нибудь в Иваново, в Екатеринбурге каком-нибудь, он крадун, там не сажают таких. Если ты уже всех заебал, опера, мусора говорят, да посадите вы уже его, он заебал. Последний раз он сел за спизженное в супермаркете сливочное масло (в совокупности с пяти условками вышло четыре года). Судья говорит, ты уже заебал (тот же судья его судил). Он понимает все, что наркоман, хули с него взять, но заебал просто. Тюрьма его точно не исправит, тюрьма еще больше асоциализирует, еще больше матерый будет, потому что это тюрьма.

Военный спортом занимался, показывал, какие вещи можно делать в тюрьме без спортзала. Есть тюремная программа, свою программу потом писал Долбила. Котовский занимался силовой гимнастикой в тюрьме, тоже крутая тема.

Саня курил как паровоз с туркменом, военный не курил, мы с ним постоянно на прогулку ходили. Туркмен всего один раз по-моему вышел на прогулку с палочкой, у него с тазобедренным суставом проблемы, забыл, что за болезнь, у него все это ухудшалось, естественно. У него 228-я (героин). Говорил, что героин употреблял, чтобы боли исчезли, потом просто привык. Какие-то другие туркмены его научили героином колоться, какой-то хуйней занимался в Москве, у него баба русская была, пошляк, пиздец. Говорил, героином колешься и нормально, а тут он не мог спать 2-3 дня, ему хуевей и хуевей, бывало, отпускало его, тюрьма здоровья не прибавляет, потом он на этап уехал.

В этой хате, в которой я сидел, 302, большая дорога была с соседним корпусом, конь был 25 метров прямо через один из внутренних дворов Бутырки, каждое утро нужно ее убирать, парашютиком славливались, или застреливаешься, делаешь трубку углом и стреляешь, и ее поймают арестанты, у которых выступ по твоему продолу, и контрольку дальше ведут до той хаты поперек, чтобы быстрее было. Там еще какой-то бродяга сидел, которому нужен телефон, который хранится на общей хате на общем корпусе через три-четыре продола. В итоге у нас большая дорога была между корпусами, мы ее держали. Чтобы не славливаться каждый раз, у нас были контрольки, такие веревочки тонкие маленькие, которые не очень видно и чтобы они держались днем. Мусора периодически врывались и эти контрольки рвали. Как-то этот опер вытянул кого-то на продол и говорит, заебали со своими контролками, придет проверка, увидит контрольку, увидит дороги, мозг мне выебут весь, убирайте, если не уберете, я у вас телек заберу, и реально забирает телек. Саня про себя его нахуй послал, ему лень настраиваться каждый день, он тупо на контрольных стоял. Телек забирают, полковник загрустил, он без телевизора вообще не мог, вообще загрустил ужасно, у него депрессия началась без телевизора. В итоге через нас он двинулся так, что попросил этого опера, чтобы его перевели, и его переводят в соседнюю хату, где телевизор есть. Там сидит тоже старый мошенник, лет за 60, тоже по мошенничеству сидит, очень хитрый типок, делец из Минобороны, и они знакомы по воле даже. И этот мошенник старый о полковнике хуево отзывается, писал Сане маляву, что хуевый он какой-то, у них там нормально подбилось: еще сидел из Алании Адам, нормальный мужик, и еще кто-то — все мошенники, все при бабках, у них хата заряжена нормально, и этого четвертого переводят, а им нахуй четвертый не нужен был, в итоге они полковника сплывили на общую хату, а он все время на спецу сидел, тюрьму не чувствовал. Хочешь почувствовать тюрьму, сиди на общей хате, на спецу ты тюрьму не увидишь. Его отправили на общую хату, такую, где сидят одни узбеки с таджиками, он там прихуел вообще, говорят. Адам угорал, что тот хуйню нес, жаловался, что курят в хате, еще что-то, в итоге старый мошенник решил сплавить его на общую хату, эти люди могут порешать.

К нам заехал потом нищий армянин, крадун, только-только с гор Армении спустился, какую-то хуйню натворил, он по русски даже не говорил, мы его русскому языку учили в хате, он писать по русски научился даже. Мы втроем сидели, туркмен уехал.

В итоге с воли Алексей Федорович с Алиной и Димой купили телевизор, чайник. А это надо как-то все пропустить. Мусор этот не пропустит ни хуя, опер этот пиздец злой на меня. Он хотел сотрудничать, хуйню какую-то от меня хотел, я такой — почитай мое личное дело, там все написано, какое может быть сотрудничество. Опер по общим хатам помнит меня с прошлого года, орал на меня, чтобы я покаялся наконец, я говорю нет, он говорит в Сибири

сгниешь (не знал, что я из Иркутска). Приходит ОНК, я им говорю, у меня телевизора нет, чайника нет. Онкшникам говорю, можете договориться с начальником СИЗО? Два дня проходит, они проверяют чайник и проверяют телевизор, телевизор они так проверили, что даже оставили usb-вход, куда можно флешки вставлять, охуенно, и тут мы зажили, конечно. Я говорю Сане, давай без контролек, я буду тебе помогать. Мы сделали рогатку, пристреливались из нее. Потом Саня на этап уехал.

Саня знал, что гепатитом болеет, в тюрьме узнал, что у него ВИЧ. Он так же жил, так же курил. Есть спецпак — диета (кусочек масла, молока пакет, яйцо — это все чередовалось) плюс баланда, жить можно, при обострениях можно добиться, чтобы давали химиотерапию. Я уже сидел на буровской больничке с таким чуваком, у которого была химиотерапия. Тубики отдельно сидят, ВИЧ похуй.

Как-то встал с утра, умываюсь, решил воду из-под крана попить, он просыпается, смотрит на меня и говорит, ты бы не пил воду, вредно ж для здоровья.

Я думаю, у тебя гепатит, ВИЧ, ты десять лет колешься героином, гниешь, когда поцарапаешься, куришь как паровоз, говоришь мне, что воду вредно пить из-под крана.

Пытки во ФСИН — это просто повседневность, пытки в тюрьмах — это всегда было и будет, может, будет принимать разные формы. Но если взять Россию, в царское время пытки применялись, в советское время, естественно, применялись, хотя их уже не было официально, российская система ФСИН — гулаговское наследие. Я сижу в хате, ко мне приходят легавые и вешают мне правила распорядка дня⁴², которые с 50-х годов установлены в РСФСР еще.

Естественно, начинают пытаться уже при задержании, но меня особо не пытали. Операм и следаку, конечно, выгодно, чем быстрее ты дашь показания, тем лучше для них, меня начинают раскручивать уже прямо в машине. Всегда, когда задерживают, начинают расспрашивать, задавать наводящие вопросы, ты сидишь между двумя мужиками на заднем сиденье в наручниках и чувствуешь себя не очень приятно. Естественно, первое задержание — шок, этим всегда пользуются, ты потерянный такой, можешь сказать что-то такое, что ты не скажешь с адвокатом. Когда согласишься с чем-то, и дальше от всего этого они будут отталкиваться на допросах. В первый раз на меня давили психологически, наручники застегнули специально так неудобно, чтобы у меня рука аж вывернулась, второй раз с одной стороны оперативник ехал, с другой — ОМОНовец, который был на концерте MLM, он достал свой ПМ, ткнул мне его в бочину, говорит, че держишься, щас шамальну, давай рассказывай, что натворил. Опер с другой стороны: ну что, Алексей, я же говорил, что ты опять попадешься, на этот раз надолго, не ушел ты от нас, зря ты вернулся из Украины — все стандартные вещи. Давай рассказывай, что ты натворил. Я говорю, ничего не натворил, десять месяцев на свободе, что вы ко мне пристали. Они: да ладно, что ты делал 2 января? Я думал, меня вообще за другое, за то, что какие-то лекции по Украине, про Майдан рассказывал, еще что-то, встречи какие-то были, оказывается, нифига. Все стандартно:

драка с какими-то малолетними нацистами без каких-то последствий для них оказалась с большими последствиями для меня. Началась вся эта раскрутка: давай рассказывай, с кем был, все расскажешь на этот раз, с кем дрался, чем били. На этот раз вообще ничего не удалось от меня ничего выяснить, я сразу начал все отрицать, вплоть до того, что меня там вообще не было. Я говорю, что вы думаете, что я без адвоката сейчас скажу что-то, что за бред, давайте прекращайте свои трюки.

Если тебя первый раз взяли, ты никак не настроишься, ты можешь настроиться чисто интуитивно: ты знаешь свои права, знаешь, что можешь не давать показания против себя, но если они тебя начнут лицом в печку пихать или бить постоянно или еще хуже, как бывает с подозреваемыми по терроризму, сразу в микроавтобусе подключают динамо-машину к тебе, уже рассказываешь то, что от тебя хотят услышать, естественно, рассказываешь без протокола, без ничего. Они сразу тебя корректируют, к следаку везут, ты уже там под протокол рассказываешь все то же самое, что они хотели.

Я сталкивался в Челябинске и Ангарске с 3-4 людьми по терроризму, всех пытали, 208-я43, 205-я, все прошли через пытки, через ток, в тюрьме они тоже это проходят, уже как судимые, но уже потому, что они дальше продолжают гнуть свою линию, жить, как они хотят. Отношение других арестантов в тюрьме к ним такое же, как и ко всем остальным: как себя покажешь, если ты нормальный человек, нормально жить будешь, независимо от того, какая у тебя статья, конечно, кроме безумных статей типа педофилии и изнасилований, хотя статьи по изнасилованиям тоже бывают разными, по статьям вообще не смотрят, как говорится, смотрят по понятиям, смотрят на человека, там могут и без всяких статей знать, делал ты или не делал, ты же живешь с этим человеком, все понятно становятся, хотя бывают такие устрицы, фиг расколешь.

Поэтому ничего удивительного, что пытали товарищей по делу «Сети»44, националистов по делу «АБТО»45 и будут пытаться, по другому они не умеют и не хотят: эффективно, быстро и без особого труда. У них, по-моему, в ФСБ целая профессия пыточная есть46. Осужденных пытаются в основном за отрицание режима, в московских СИЗО полегче: посещение ОНК, особое внимание к зекам с общественным статусом дают положительный эффект. В Бутырке не слышал про это, там может быть психологическое давление хитрое, в Лефортово тоже, мне кажется, нет, на Медведково были прецеденты: целые пыточные хаты, пресс-хаты были, целая команда зеков подбилась, которые с мусорами, с операми занимались раскруткой и выбиванием денег47. За деньги пытаются, денег поиметь хотят. В лагерях тоже за деньги пытаются. Еще давление — более хуевые условия, например, людей сажают в общую хату, где из двадцати человек одни узбеки с таджиками, с которыми сложно сидеть из-за языка, разного воспитания, культуры, среды, в которой человек на воле всю жизнь крутился.

Есть Дадин48 — просто герой-одиночка, который нашел в себе силы не сломаться и донести до общественности свою ситуацию с пытками, если бы не это, у него бы вряд ли бы все получилось.

Есть отработанная тема (в результате сотрудничества с ОНК), опять же отрицалово и лагерное понятие: если ты слышишь, что пытаются зека и ты точно знаешь, что это не

провокация мусорская, что не какой-то козел орет, что его пытаются, а на самом деле его нифига не пытаются, он просто провоцирует массы, ты видишь или слышишь, что пытаются, ты должен заступиться за этого зека, потому что, если мы будем друг за друга заступаться, будет нормально все у зеков, мусора не будут так жестить, а если мы будем попустительством заниматься, начнут всех пиздить, вымогать деньги. Это общее людское понятие, ты должен заступиться вплоть до того, чтобы вскрыться, вскрыть вены, чтобы остановить насилие. Если ты этого не сделаешь, и об этом узнает братва, другие зеки, тебе скажут, ты что охуел так поступать, ты поступил как непорядочный, каждый порядочный должен заступиться за другого зека, даже если он петух, даже если он красный. За другого зека ты должен заступиться, остановить насилие.

Меня быстренько осудили, за три или четыре месяца 49. Я иду по делу один, остальные — неизвестные лица, которых не задержали. Быстренько всех опросили, все понятно, дали срок. Ничего такого — обычная драка, дали обычный срок. Если бы я признал, дали бы чуть поменьше, на полгода, например. Сколько дали, столько дали. Я сразу на апелляцию подал, на всякий случай, реально думал до последнего момента, что меня могут отправить поближе к Москве, явно не на родину. Я даже выписался из Иркутска (находясь в СИЗО), чтобы квартиру продать иркутскую. Пришел опер и предложил мне остаться на Бутырке и уйти работать в хозбанду, на что я сказал, что мне это неинтересно и я хочу в лагерь. Он говорит, тогда поедешь на родину, по месту последней прописки. Апелляция долго идет, месяц-два сидел ждал этапа, наверное решали, что со мной делать.

Я сталкивался с людьми, которые сидели в Сибири. Иркутяне, которые мне попадались на центральной, по переписке говорили, что в Иркутске нормально на лагерях, главное, крепануться на центральной иркутском (там режим), и дальше все нормально будет. На лагерях более-менее спокойно можно жить без марширования и пения гимна.

Перед тем, как отправиться на этап, если ты занимаешься какими-то общими делами, ты должен цинкануть 50 смотрящему за корпусом, что ты уезжаешь, чтобы он в курсе был, что надо быстренько все решить, чтобы за тобой никаких долгов не осталось, никаких нерешенных дел. Лучше это все на центральной оставить, чтобы не продолжать на лагере издали решать дела. Игровых долгов у меня не было, ставок никаких я не делал, общие дела быстренько сдал в хату, потому что я ими не один занимался. Быстренько собрали, кто меня знал на центральной, и со стороны смотряги отправили чай, сигареты, сахар, у меня с собой что-то свое было, собрался, попрощался и поехал. Этап заказали в ночь, поздно было, февраль, темно.

Этап идет очень долго, можно по центральным путешествовать. Но если они захотят, то быстро отправят в лагерь, как меня, например, — я за полмесяца доехал до Иркутска, хотя некоторые едут три месяца, могут на центральной стопануться на месяц, на два. Могут целенаправленно тебя застопорить, вообще логистика ФСИН непонятна, несистемна для зека.

Вагоны прицепляются к гражданским поездам РЖД, плацкартный вагон, решетки вместо двери в купейном отсеке, три яруса, последний ярус может сплошняком закрываться нарами, у нас максимум был — 12 человек.

Мы ехали с Ярославского вокзала, автозак подъехал прямо к двери вагона, положили мостик, по которому мы сразу в вагон зашли. Я ничего не видел, потому что слева и справа собаки. Некоторые идут через весь перрон в самый конец, их сажают на корты, они ждут, пока их запустят в вагон. Когда Уфу проезжали, видел памятник Салавату Юлаеву. После Челябинска я сильно заболел, два дня последних больной в поту валялся с температурой на последних нарах, мне хуево было.

Тебе дают один сухпак в день, едешь на своих. Видел чувака с девятью сухпайками, он ехал до Якутии. Постоянно кто-то высаживается, кто-то подсаживается — как в поезде. В Красноярске зашли какие-то мужики в валенках, ехали сидеть в Иркутскую область на Тайшетский централ. Мужики сибирские, угарные, один на рыбалке что-то натворил, его бабка посадила. Были два или три женских купе, ехали с нами, там такие хулиганки, драки бывали у них между собой, они пели, верещали, плакали, целый спектр эмоций, общались с нами, заводили знакомства, шутки-прибаутки.

Есть легенда про Вологодский конвой, самый жесткий, всех, кто попадал на них, пиздили, приемка была жесткая, начиная с централа и до того, что ты выходишь из столыпина с пиздюлями. Сейчас говорят, что нет такого.

В вагоне запрещено курить, шли войны с конвоем, чтобы открыли окошко покурить, выходить же нельзя, открывать окна тоже, мол, сбеем. Курили прямо там. Очень тяжело пережить этап, не видел и врача обходящего, который должен быть на этапе. Драки бывают редко на этапе, понятия те же, хотя на этапе ты можешь прирезать какого-нибудь гада, блядь (не порядочного зека) и тебе за это не будет никаких предъяв, никакого спроса, это этап, и там нет отражения на общем. Этап — самое временное, что бывает у зека, все по разным лагерям едут. Можешь всякую хуйню против мусоров творить, которая не имеет отражения на общем.

Мы ехали с одним армянином, он с Матроски ехал в Новосибирск, еще с нами был один бродяга, который с рождения в воровской семье, он лет с 19-ти сидел. Его перевозили с Брянского лагеря в Кемерово на лагерь (там жесткие лагеря), у него были вскрытые руки, шрамы на руках, его перевозили, потому что он ударил козла, и в купе ехал чувак, вроде бы дагестанец, его вроде бы на тот же лагерь с бродягой везли, в Кемерово. Тот бродяга по воровским понятиям живет, а этот дагестанец на лагере в джамаате⁵¹, мусульманской общине, его переводили, потому что у них случилась поножовщина с братвой, джамаат с братвой что-то не поделили. И как-то ехали они в одном купе, понятно, кто на чьей стороне был бы, если бы они были в одном конфликте. Они знали, что едут на один лагерь, красный лагерь, где приемка жесткая, козлы с дрынами стоят, пиздят зеков после этапа, что мусора им говорят, то козлы и делают. Бродяга уже был готов вскрываться, а дагестанец говорит, а мнето что, я не ауешник, сразу в баландеры пойду, если будут бить.

Джамаат — сильная вещь, противопоставляет себя не только мусорскому, но и воровскому, они, конечно, подчиняются общим понятиям, но живут по исламским законам, которые во многом противоречат воровским: все остальные неверные, не будут трогать воровское, потому что это нечестным путем добыто, петухов тоже могут называть братьями, потому что они мусульмане, не геев (которых они забивают камнями), а тех, которые петухи по масти воровской, они к ним будут относиться как к братьям. Джамаат — сплоченный коллектив, достаточно агрессивный в тюрьме, у которого может пересекаться интерес с воровским миром, и это доходит до серьезных вещей: поножовщина, бунты, драки, беспорядки. В джамаат идут в первую очередь те, кто осужден по террористическим, экстремистским статьям, связанным с радикальным исламом. При этом им нужна обязательно молельная комната, джамаат без этого не может существовать в тюрьме, поэтому они как-то все-таки пытаются договориться с администрацией о молельной комнате, чтобы все нормально было. Они напирают на то, что мы сейчас вам устроим джихад всем исламским сообществом, если не будет молельной комнаты, она по закону им предоставляется в принципе. И легавые тоже понимают, что через молельную комнату проще контролировать мусульман, что мусора будут знать, кто туда ходит, они не будут скрытно молиться где-нибудь и проповедовать экстремистские статьи, все будет на виду. Джамаат — одно из самых организованных массовых сообществ в тюрьмах, лагерях.

Единственный способ развлечься на этапе — это общение, книги сложно читать, когда ты вдвоем в купе едешь сутками. Карты сложно было пронести, потому что на этапе их отшмонают (выходишь с хаты на этап — шмонают, на централье — шмонают, могут шмонать в столыпинском вагоне и после столыпина опять шмонают на другом централье). Сейчас все в видеорегистраторах: у них они висят, стоят на продоле в столыпине, все в регистраторах, мимо них сложно что-то пронести, в некоторых купе стоят регистраторы. На Бутырке регистраторы не носят, впервые увидел регистратор у столыпинского конвоя и в лагере. Они сами говорят, раньше было проще договориться, сделать поблажки какие-то, а теперь за ними тоже следят. Они сами не прочь забить на нас, обход каждые полчаса не делать, не стоять, туда-сюда не ходить на продоле мимо этих купе, а сидеть у себя в коптерке фигней страдать.

При одном из лагерей есть специальный барак для этапников (ПФРСИ52), из него развозят по лагерям. В Иркутское СИЗО не отвозят обычно, мы туда вдвоем поехали, я и пацан, к которому были вопросы у иркутских оперов (может, в розыске был у местных). Приемка нормальная была, у Ромы четки забрали, которые сделали на централье. Я не брился, не стригся полгода, меня сразу побрили, в душ холодный, горячая вода не работала, на корпусе выдали миску, ложку, матрас. Продольный спрашивает, че у тебя по жизни как, я говорю все ровно у меня по жизни, там по ходу он дает миски для ровных и для неровных, не было килишеванной посуды. Я почему удивился, знал, что иркутский централ красный. Я приехал ночью, тишина полная, все спят (на Бутырке ночью гомон, там ночью никто не спит), думаю, ну все понятно. Белая плиточка мерзкая на приемке централа, идешь, краснотой воняет из этого централа, все выделено, чистота идеальная — понятно все. Подняли меня на корпус, смотрю по роботам, видно, что много дверей на корпусе, не общие хаты, потому что близко к друг друг робот. Подумал, на спец подняли.

Захожу в хату, там чистота, ботинки стоят около входа, коврик, чисто все, думаю, что за херь. Я прямо с порога: жизнь вора. Молчание. Там две комнаты: прихожая, дубок, кухня, раковина, туалет, во второй спальня, четыре кровати. Слышу, вскакивают с нар, сразу: кто по жизни. Думаю, что за прием, что за встреча какая-то нелюдская. Сразу подозрение такое, я привык общаться свободно на Бутырке, слышу, эти с осторожностью разговаривают. Я говорю, че, мужики, чая выпьем. Они как-то... Я понял, что это не мужики обычные, а люди, которые работают на мусоров. Прямого конфликта с ними никакого не было, там все сидят с козлами, такая управа. Сидел там месяц. Быт совсем другой, чем в Бутырке, все по режиму (и на лагере так же): встаешь в шесть утра, радио включается. Два видеорегистратора стоят — два сучьих глаза, оператор сидит, постоянно смотрит, есть громкоговоритель, осужденный такой-то, встаньте с кровати. Нельзя садиться, спать днем, только ходить, сидеть на скамейке, узкой, маленькой, неудобной. Зарядка, завтрак, прогулка, обед, просмотр телевизора (в 10 часов выключаешь, не выключишь — в первый раз мусора отпиздят, во второй — отправят в ШИЗО). Если бы я нормально себя повел, сидел бы в ШИЗО весь месяц, и было бы охуенно. На втором этаже на спецу сидят пожизненники, которые на пожизненное едут, и ШИЗО там, их с собаками выводят на прогулку, и тех, и других. Это все по режиму. Там я реально понял, что такое тюрьма. Ни дорог, ни телефонов там нет.

Меня перевели на общий, потом обратно на спец. На общем попроще, я уже выебывался, сказал, что у вас за хуйня здесь происходит. Меня же там хотели петухом объявить козлы эти. Когда я сидел с этими тремя козлами, один из них постоянно куда-то ходил, я потом уже понял, что к операм ходил, вот он пошел, потом говорит, ходил я к своему адвокату и мне сказали, что есть фотки, где ты с мужиком целуешься. Я говорю, и где фотки-то? Говорю, ты же понимаешь, что это хуйня полная, что твой адвокат сказал. Он: смотри, если мы будем с тобой за одним столом есть, ты под вопросом, понял, пиши маляву смотряге централа. Я говорю, ты же мне сам говорил, что положенец централа — это гражданин начальник. Он, ну у нас есть такой-то такой-то, пиши маляву. Я говорю, ладно похуй, написал маляву, что у меня по жизни все норм.

Потом меня переводят с этим козлом на общую хату, у меня книжки мусора забрали. Думаю, какая-то хуйня происходит. Оказывается, этот козел — смотрящий хаты, красный директор, все мусорам сдает, его мусора ставят смотрягой в хате. Еще один был такой же, сидел по хуйне, с наркотиками связанной. Я говорю, давай хату всю соберем, че за хуйня, где фотографии, никаких фоток они не принесли. Там нас 14 человек сидело, они не могли понять, что за хуйня происходит, они про меня ничего не знали, но видели, что ко мне письма приходят, передачи мне делают, на счету у меня бабки были, адвокат и правозащитники ко мне ходили.

Я говорю, раз вы пытаетесь подвести меня под какую-то хуйню, объявляю голодовку. Не то, что вы со мной есть не хотите за одним столом, я вообще есть не буду, раз такая хуйня. Написал заявление на начальника тюрьмы, что объявляю голодовку, потому что ко мне не приходит адвокат, у меня забрали десять книг и не предоставили квиток о том, что изъяли у меня книги, просто спиздели, пока я ходил на свиданку с дядей, не говорят, куда у меня этап, я непонятно что вообще делаю на их централе.

Они ж меня хотели там оставить, со мной фсбшники общались, сказали, мы из отдела по борьбе с организованной преступностью и экстремизму в рядах заключенных во ФСИН. Не знаю, существует он или нет. Со мной сначала зам.начальника поговорил, я ему сказал, есть претензии к вам. Он говорит, ладно, но ты же понимаешь, мы можем договориться с тобой, но если ты не пойдешь на наши уступки, объявишь голодовку, мы тебя будем насильно кормить, я говорю, ну как хотите.

А этот козел говорит с другой стороны, что тебя выебут, если будешь себя так вести. А я говорю давай-давай, посмотрим, меня твое мнение вообще не интересует, я могу только людей слушать. Там были мужики обычные, один мне молодой там говорит, что поделатать, видишь, такой режим, такая хуйня. Я вот, говорит, вообще анархист. Я — ему: в смысле? Он: я не занимаюсь политикой, как у вас, я не за черных, не за красных. Я говорю, ясно все.

Сидели и из братвы нормальные пацаны, которые на воле там благовали и в системе, они все сидели в ШИЗО, их особо не задерживают на централе, они сразу в ШИЗО уезжали. Вообще на иркутском централе все печально, там мало кто благовал нормально, в Иркутской области самые такие — это братские чуваки.

В итоге я голодал дней пять, в эти пять дней еще одного голодающего привели. Один раз был осмотр врачей, говорили, все нормально, один раз кровь у меня брали, смотрели, есть ли какие-то изменения в организме из-за голодовки. Три дня воду не пил, на четвертый день начал пить, потому что хуево стало. Если врачи увидят изменения в крови, начинают тебя насильно кормить, пристегивают наручниками и трубку засовывают. Мне говорили, что потом вообще выебут. Я говорю, я тогда вскроюсь, все затоплю кровью.

Местный адвокат пришел, какой-то мудака, мне нашли местного адвоката пацаны, потом он от меня отказался, на него надавили фсбшники, два или три адвоката у меня там было. Я начал ходить на прогулки. Ко мне отношение сразу изменилось, спал днем, начал ходить на прогулки, когда хочу, — не слушал козлов, которые мне там что-то говорили. Директор писал что-то в тетрадочку. Сейчас бы я себя по другому повел, тогда дал слабинку. Вывела меня вся эта хуйня, это не людское. Если бы я дальше продолжал себя так вести, я мог бы сломаться, сказать, да ладно, я останусь тут, уйду в баландеры — нахуй это надо. У меня четкая была цель — попасть на лагерь, а они не хотели, чтобы я туда попал, до крайней степени могли довести — чтобы человек вскрылся или до голодовки. Неделю с козлами сидел, они меня уговаривали, чтобы я остался («на лагере хуже, ты что не знаешь, что у нас мужики платят блатным за телефон, за шконку»), а на самом деле хотели меня сломать. Через два дня они меня привели к двум мусорам из отдела по борьбе с экстремизмом, они говорят, давай останешься, нахуй тебе на лагерь, оставайся здесь на централе, будешь работать, выйдешь по УДО. Я говорю, я подумаю. Они такие, о отлично, посиди, подумай, а пока можешь нам на камеру сказать, что ты против антифы, воровского, чтобы молодежь не дралась на улицах, я отказался. Посиди подумай, через несколько дней мы придем.

Напрямую мне не угрожали, типа отправишься на лагерь, там вплотную с тобой разберутся реально. Я думаю, побыстрее это бы уже произошло, давайте, блядь. От меня реально хотели видео, что я отрекаюсь от всего, и от воровского, и от анархистского. Не знаю, как они хотели, чтобы я это сказал, но для меня это бы был тотальный зашквар, я говорю, нет, я

на лагерь.

Когда они второй раз пришли, пока я с ними разговаривал, у меня как раз спиздили книги. А я хвастался козлам, посмотрите, что у меня книги есть, они настучали, книги забрали.

Нас 12-14 человек было, сижу голодаю, книжку читаю, заводят в хату нового зека, мужичок усатый, Жуков, выяснилось, что он бывший мэр Ангарска 53, тоже на голодовке, нас уже двое сидит голодает, он один раз сознание потерял. Судили его за коррупцию.

Этот козел говорит, мне другие козлы говорят, что у тебя в хате происходит, два зека голодают. Я сижу голодаю, все херово, мне объявляют, что этап, думаю, о-о, наконец-то, потом этап отменяют, и на следующий день все-таки этап. Перед этапом говорю, ну что, мужики, все, уезжаю я, давайте супа мне, голодовка отменяется. Мужики попрощались со мной нормально, дали мне палку колбасы, сыра, еды, сигарет. Говорят, фиг знает, куда тебя везут с твоими этими заморочками.

Мне этот козел говорит, короче, Лех, такая тема, не было никакого адвоката, мне опера сказали так сказать. Я говорю, понятно все. Ты, говорит, не обессудь. Могут выебать и сказать, не обессудь, мусора сказали.

Я поехал на этап, на этапе дают квиток, что мои книжки изъяты и проверены, что приедут на лагерь. На лагере начался новый виток борьбы. Думал, поеду на автозаке со всеми зеками, а у меня был спецэтап, я один ехал в маленькой мусорской газели, там спереди сидело два чувака с калашами. До лагеря в Ангарске ехали часа два. Приезжаю, меня встречает целая делегация администрации лагеря, один из них биором представляется, я спрашиваю, кто такой БИОР, он говорит, ну потом узнаешь. У них были видеорегистраторы и камеры висели под потолком на стене, где приемка этапная, я один зек и их человек 15-20, одни шмонают мою сумку с вещами, другие меня самого шмонают, принесли мне робу огромную, другую не дали, все снимают, и берут мою шапку и бац! достают заточку — маленький ножичек, с ручкой, с заточенным лезвием, достали из подворота шапки, говорят, ваше? Я говорю: вы че? Вы сами мне здесь подкинули! Нет, мы тебе ничего не подкидывали, все, статья такая-то, административное нарушение. Берут меня по запретке ведут в ШИЗО, там оформляют мне 5 или 10 суток, уже не помню, заводят в хату под «крышей», там нет света, темно. Это было после шести вечера, на столе стоит баланда — гороховая каша. Маленькое окошечко под потолком, матрас уже лежал, был отбой. Я поел, встал на лавочку смотрю в решку, а там видна верхняя часть запретки и вдалеке виден Ангарский нефтеперерабатывающий завод «АНХК», там такое пламя огня из трубы в-ш-ш. Помню это пламя, в детстве, когда ездил куда-то на поезде мимо, постоянно видел это пламя. Ну все, думаю, Мордор. Снег еще лежал, пасмурная погода, промышленный массив (как и адрес лагеря), там четыре лагеря (для бывших сотрудников, шестерка — строгий лагерь с ЕПКТ, куда меня потом увезли через месяц, двойка, семерка особого режима, если не путаю) и СИЗО Ангарска, несколько заводов химических, нефтеперерабатывающих, какие-то дачные поселки на берегу Ангары, виден высокий склон другого берега, тайга.

По наркотическим статьям, по экстремистским статьям там сидят люди из других регионов в том числе, не только местные. На ЕПКТ сидели люди с лагерей Дальнего Востока,

например.

Просыпаюсь в пять утра, сильно удивился, что подъем в пять утра, хотя уже и привык за месяц на иркутском СИЗО, что тебя в шесть утра заставляют подняться с койки, а не как на Бутырке завтрак в шесть часов, в девять проверка, и ты можешь до нее валяться на кровати, а в иркутском СИЗО ни хуя, запрещено, могут выебать за то, что нарушаешь режим.

По режиму ты должен в пять встать, сделать зарядку, умыться, в шесть завтрак. Зарядку тоже заставляют делать, если не будешь — отобьют почки. Ты должен тащить на коптерку матрас с одеялом, нары поднимают и пристегивают к стене, первый раз в жизни такое видел, первый раз в СИЗО сидел, прихуел с этого. Целый час ходишь по хате ждешь завтрака, март, холодно. В хате один был, а так они двухместные, еще одна хата под «крышей» была четырехместная, я недели две один сидел, потом уже ко мне посадили второго претендента поехать на ЕПКТ, мы с ним вдвоем на ЕПКТ и поехали. Он тоже злостный нарушитель режима, в лагерь первый раз поехал, это был лагерь для первоходов, а в тюрьме он второй раз, как и я, был. Нас отправили в ЕПКТ на строгий режим, где находятся все ЕПКТ (для строгого, для первоходов, для второходов), в лагере особого режима нет ЕПКТ, им сразу полгода одиночки дают и все (за нарушение режима внутреннего распорядка).

Когда месяц прожил там, начал вкуривать в тюремную жизнь из самого стрема, в который можно попасть при моих условиях. Я мог бы спокойно жить в лагере на бараке, у меня была бы куча общения (70-100 человек на бараке, 1300 человек в лагере), есть работа, библиотека, телефоны, телевизор, холодильник, жратва, можешь пойти в магазин, если есть деньги, есть футбольное поле, турник. Я всего этого не видел, потому что я сидел в хате под «крышей», они меня специально туда запихали. Иркутские мусора сразу определили меня под «крышу», чтобы сидел и не вылазил оттуда два года — московская точковка⁵⁴, вся документация из Москвы пришла, они сами же не знали, кто я такой, еще и гуглить начали, и, понятное дело, им радости не доставляло, что я буду сидеть на общем лагере с кучей народа антисистемного всякого и пропагандировать анархизм. Они изолировали меня от людской массы, так я два года и сидел с теми людьми, которые могли бы расшатать людскую массу зеков в лагере и устроить что-нибудь, начать качать права, делишки свои проворачивать, спокойной жизни администрации точно не давать.

Они толпой привели меня под «крышу», там кабинетик есть, где они с зеками общаются, стол, два стула, окно выходит на барак сусовский⁵⁵ залокаленный. На лагере два барака залокаленных обычно — СИЗО, где камеры (у нас было 14 хат), и сусовский барак, где не в СИЗО и ЕПКТ сидят, а в СУС: они изолированы, но там человек 20-30 сидит, им дают по полгода за какие-то систематические нарушения, у них есть телевизор, они вместе едят, есть маленький дворик (где можно белье сушить, например), сидят по четверо в хате. Днем продол, где хаты, закрывается, им открывается телевизионка, подпиткакухня, иногда им открывается дворик (если администрацию расшатали) и полпродола открыто, они туда-сюда ходят.

Когда я после двух лет в ПКТ, ЕПКТ последний месяц там сидел в СУС, просто прихуел от такого количества свободы. Там 14 человек, ты можешь с людьми пообщаться. Когда

вчетвером, сидишь как дурак в хате просто.

Всем давно известно, что там нифига не лечат в тюрьмах, лагерях 56. Нужна продуманная реформа ФСИН, что делать с врачами, с какими-то непонятными людьми, которые называют себя врачами, на обходах смотрят тебя. Их прикольчики: у тебя болит голова и нога, вот тебе две таблетки парацетамола, левая от головы, правая от ноги, смотри не перепутай. Дают парацетамол, давай разворачивайся обратно в хату. Очень редко, где хорошие стоматологи бывают, единственное, что они могут сделать — вырвать тебе больной зуб, лечить тебя никто не будет. Надо деньги на все это собирать, договариваться с администрацией, чтобы лекарство и инструменты для врача запустили в лагерь, а так ни хуя нет ничего, разворовывают все, если там что-то и доходит, то очень мало, разворовывают в лагере, вообще непонятно, что туда дают, непрозрачность всей ФСИН позволяет разворовывать все хозяйство, что не разворовали до лагеря, то спиздят в самом лагере, администрация, вплоть до низовых сотрудников ФСИН, пиздят все, до зека вообще ничего не доходит, что ему полагается.

Раз попадал в больницу в лагере на двойке: строгий режим, где я сидел в ЕПКТ 13 месяцев, год мне дали ЕПКТ плюс месяц еще за ШИЗО в самом ЕПКТ. В какой-то момент мы вышли на прогулку, начали в хате с утра ругаться с сокамерником, так получилось, что он мне ногой под колено попал, у меня раз попадал в больницу в лагере на двойке: строгий режим, где я сидел в ЕПКТ 13 месяцев, год мне дали ЕПКТ плюс месяц еще за ШИЗО в самом ЕПКТ. В какой-то момент мы вышли на прогулку, начали в хате с утра ругаться с сокамерником, так получилось, что он мне ногой под колено попал, у меня распухло колено, видно, что кровь собралась, колено не сгибалось, сокамерник, который меня ударил, начинает стучать в дверь, вы че охуели, давайте вывозите его на больничку, он даже ходить не может, вставать. Мусора сначала начинают выебываться, ты что охуел лежать днем на полу, давай вставай, я говорю я вообще сейчас голодовку объявлю, жрать ничего не буду, давайте лечите меня. Так два дня пролежал, все это скопилось, все болит, я ничего не ем. Приходит врач, смотрит, щупает колено, говорит, все, на больничку. Привозят меня на тюремную больничку. Есть обычная больничка лагерная, а мы так как в ЕПКТ сидим, у нас отдельная закрытая, там четыре хаты больничные, барак тоже залокаленный, одно отделение — четыре хаты для ЕПКТ и ШИЗО, а второе отделение женское общее, женщин туда привозят с других лагерей или этапом. Сначала меня запустили в одиночку, я кричу чувакам, которые с ЕПКТ сидят втроем, я к вам хочу, что я тут в одиночке делать буду, они договариваются с мусорами, с начальником ЕПКТ, чтобы меня перевели к ним, все, меня переводят, с общего режима первоход я один, там был строгий режим и общий режим второходы: кража, разбой, один был пж, сначала ему дали пж, потом перебили на 24 года, все вместе на больничке лежат, а на ЕПКТ все сидят по своим режимам. У одного стебанул ВИЧ, у второго проблемы с желудком, я с коленом. Мусорам я говорил, что упал со шконки, коленом ударился и все. У меня обычная бытовуха, мы побазарили с этим сокамерником, потом полгода еще вместе сидели, продолжали конфликтовать периодически. На больничке валяешься весь день на кровати, там книги разрешены, журналы. Они сделали мне рентген, выкачали кровь, по закону я там 28 дней могу лежать. Адвокат Сидоркина ко мне приезжала как раз, тогда она

всем и рассказала, что у меня с коленом проблемы. Она не знала, что я на больничке: приехала, ей говорят, его нет, он на больничке, она в смысле его увезли куда-то? Говорят, нет он здесь в лагере, на больничке, она так ведите его. Валялся там 28 дней, кайфовал, нормально отдохнул. Мусора еще угарные, начальник мне говорит, скажи, что ты подрался с кем-то, я говорю никуды, он пытался развести меня на то, что подрался, что конфликт у меня, чтобы меня изолировать вообще от всех или отправить в хозбанду. У них прямо цель была отправить меня в хозбанду. Я говорю, ни с кем не дрался, вообще ничего не было, упал со шконки, че ты меня тут разводишь, давай прекращай этот развод, что вы мне можете дать — вообще никуды, выведите меня в ту же хату, откуда привели.

Тюрьма построена очень интересно: продолы вот эти, ты если не разбираешься, ты не поймешь, где что, естественно, если ты сидишь в хате, очень сложно понять, откуда какие звуки идут, что они вообще означают для новичка, но очень важно их выучить все, потому что ты же там в постоянном напряжении находишься, постоянно то менты ворвутся, то сокамерники, 24 часа в сутки у тебя напруги с головой твоей. Я понял, как можно научиться слушать в тюрьме. Вообще самое главное правило в тюрьме — меньше говорить, больше слушать, именно звуки, шум — вообще. Надо просто сесть на тормоза (двери, роботы) и слушать, что происходит на продоле, чтобы хата была в безопасности от мусоров. И начинаешь, конечно, понимать, где какая хата открывается, сколько мусоров идет, когда баланда приезжает, когда какие-то гости незваные приходят — очень разные шумы бывают. Когда хата открывается, кого вывели, он должен сам курсовать, что его выводят (особенно это на крытой действует), кричать, что такого такого-то вывели. Если мусора сказали, они говорят меня ведут туда-то. Ты же точно не знаешь, они скажут одно, приведут в другое, скажут к адвокату, приведут к следаку. И ты в блуд вогнал весь продол, не очень тема, поэтому от слов мусоров не отталкиваешься, говоришь, они говорят, что ведут туда-то, теперь в баню пошли, например. Кстати, тоже слух: всю хату выводят в баню, значит, надо сидеть дальше слушать, может, у них там шмон начнется, пока они все в бане. И ты курсуешь. Ты должен по ходовой звуки расшифровывать, выучить и знать. Продолы глухие такие, звуки странные. Ты не видишь кого-то, со многими арестантами (особенно на крытой) ты общаешься посредством голоса, кодовых фраз, звуков даже, они все, кстати, идут с районов. Мне чувак говорил, давай так и так общаться, я ему откуда ты это взял, он мне ты что не в курсе, что мы с районов так общались, так и в тюрьме будем общаться, с улицы приходит все в тюрьму, они все уличные пацаны. Какую-то хуйню мутят на районе, мелкий криминал, тоже посредством звуков общаются, все это в тюрьму приходит, а из тюрьмы на улицу опять приходит, тюрьма и улица рядом всегда. Коды передаются из лагеря в лагерь и на улицу возвращаются обратно, а потом возвращаются в лагерь. Это как выражение oi! у скинхедов — это от кокни⁵⁷. Ты кричишь oi!, откликаешься, это тоже самое, у нас в Сибири есть такой (звук), очень громко делается, на шухере кто стоит, должны среагировать.

Там целые спектакли обыгрываются через продол, они же тоже слушают, и видеоканал в некоторых камерах нет, в некоторых хатах. Мы же обыгрывали тоже сценки с моим сокамерником чеченцем. Нас посадили с игиловцем в БУР, на четверке (ИК-14). Мы сидим, врубились, почему нас посадили вместе: друг другу нервы помотать, я анархист, он игиловец, типа сейчас друг друга сожрем. Он отказывался брать с воровского что-то, типа разгоны брать, потому что добыто нечестным путем воровским, ему нельзя есть по шариату, он не пил, не курил, не чифирил. Мы с ним сжились нормально, в общей сложности

просидели месяцев пять-шесть вдвоем, нормально себя чувствовали, я даже курить бросил, не курил уже, сигарет нам не надо особо-то, «Новую газету» постоянно читал. Думали, сейчас раскидают нас, неохота так раскидываться, в любой момент могут же раскидать по разным хатам, и мы начали делать вид, что ругаемся с ним по утрам, за всякую хуйню, за бытовуху, типа орем друг на друга, мы знаем, что они слушают, они докладывают биору, что типа мы ругаемся. Приезжал фсбшник, говорил, я в курсе, что вы с ним вместе не сживаетесь, приезжал поговорить перед моим выходом приезжал насчет того, как мне сидится с игиловцем, что я буду делать, когда освобожусь, расскажи, как он сидит со мной, что рассказывает. Ему 2,5 года дали по 30-й58, у него незавершенное, попытка, он не доехал до Сирии, его собственный дядя сдал Центру Э в Грозном, его пытали током тоже, в спортзале привязали каком-то в Грозном. И мы такие сценки им устраивали, даже переругивались на проверках утром, типа стоим на продоле, за зубную щетку ругались что ли. Они стоят, а мы потом с ним ржали без палева. Нас потом все равно раскидали, когда фейс понял, что мы какую-то хуйню устраиваем, что от меня ничего не добиться, хотя этот фейс мне пообещал, что мне не дадут надзор на три года, а когда мне его дали, говорю вот пиздабол-то, он слово офицера типа давал. Он хотел меня завербовать, сказал, тебя встретят мои коллеги в Москве. Я догадывался, что так и будет, особенно, когда меня вывели на волю не в двенадцать часов, как обычно выводят, а в шесть утра или в семь. Мы как раз только телефоны успели спрятать, дорожку убрать, все убрали, спать лечь, сидим, раз, тормоза открываются, мы такие ебать, только-только все убрали. Мы такие: вы че приперлись-то, они собирайся на волю, на свободу. Вы че охуели, закрывайте двери, в двенадцать часов выпускайте, у меня еще дела. Мы сделали торт, должны были его на завтраке съесть, а они до завтрака меня выводят, я говорю, не пойду никуда, я ни с кем не попрощался. Это уже в СУС было, месяц отдыха.

Пацаны сибирские нормально себя чувствуют, все худые, привыкли, ну холодно пиздец там, ходишь вот так реально, как дебил, так весь день. Надо заниматься, отжиматься, чифирить, кровь разгонять. В пять утра тебя поднимают, холодрыга пиздец, отдаешь ты этот матрас, всю ночь под ним греешься, ни носа не показываешь, потому что холодно, крутишь эту простынь на себе, заворачиваешься, когда дышишь, у тебя идет пар изо рта, под батарею забиваешься под утро или просто ходишь-ходишь ждешь завтрак. Я весил 79 кг, тело такое... Когда приносят завтрак, чай еле теплый, кашу с хлебом, иногда у тебя сгущенка бывает, иногда не бывает, ты съедаешь, чувствуешь, что организм начинает разогреваться от еды, прямо чувствуешь, у меня такого больше никогда не было, только в тюрьме, что организм насыщается и разогревается, тебе тепло становится. Потом чувствуешь, что холодно, начинаешь отжиматься, ходить туда-сюда. Если у тебя есть в запасе чифир, лёза (на лагере вываривают чифир и замораживают, шайба такая получается — концентрат — вкус специфический, конечно), варишь кипяток и размачиваешь эту шайбу. Если у тебя нет кипятильника или бульбулятора с собой, ты под язык просто кладешь, рассасываешь, но это пиздец тошниловка под язык. Крепанешь, уже намного лучше становится, чувствуешь, как у тебя кровь разгоняется, в башку ударяет. Днем там относительно тепло еще, а в некоторых батарея нормально так ебашила, даже жарко. Они знают, где-то батарея не очень хорошо работает, где-то хорошо, где-то морозилка, где-то нет. Такая дисциплинарная мера. И свет какой, и какая решка: большая, небольшая, под потолком она или посередине.

ЕПКТ — самый жесткий период, который был во всей моей командировке, те 13 месяцев, что я там просидел. Я не жалею, опыт миллиардный для меня. В ЕПКТ ко мне фсбшники приезжали из Москвы специально, женщина, причем она меня обманула, сказала, от моей матушки, от правозащитников. Меня с хаты дергают, заводят к начальнику ЕПКТ в кабинет, она там стоит, такая женщина, а я давно женщин не видел, я сначала не понял, чего они хотят от меня, у нее такой чемоданчик с собой. Почему недоверие вызвало: ее пиджак висел на кресле начальника ЕПКТ, я подумал, нет, это не наш человек. Она смотрит, что я прямо уставился на него, берет пиджак на себя надевает, вплотную садится ко мне, начинает тереться коленом, рассказывает, что на мотоцикле ездит, слушает рок, я как дурачок начинаю вестись. И говорит, ну давай, я хочу взять у тебя тест, чтобы возможно в Москву увезти, полечиться там в больничке насчет психологических проблем. Я думаю, да пиздишь ты все, мне бы сообщили заранее, адвокат бы пришел или в письме написали бы, ну давай посмотрим, что я буду сейчас отказываться?

Мы что-то тихонько сидим, она мне тихо так говорит, и тут чик, дверь открывается, там мужик такой, ну что у вас все нормально? Та такая: да-да, все нормально. Фейс ей говорит, что-то вы тихо слишком сидите. Я не в наручниках был, мусора стояли за дверью, я бы так не стал говорить, если бы сидел в наручниках. Зачем-то им понадобился мой психологический портрет. Надо было кружки какие-то, не Роршаха, но что-то типа этого было, очень много вопросов про суицид было, мне кажется, основная цель была, суицидален я или нет выяснить. Я чушь нес полную, не то, что я думаю на самом деле. Они еще двоих вызвали, которые проходили по делам о терроризме. Сокамерник говорит, что за хуйня, почему тебя вызывают, а-а-а ты ж «политический». После этого ничего не поменялось, подшили наверно в фсбшное дело, им нужен был психологический портрет, по-моему.

Первым делом нужно наладить контакт: она давай рассказывать, как она приехала из Москвы, как там все хорошо, как она устроилась в гостинице в Иркутске, что типа она неместная, но у меня было подозрение, что она из иркутского ФСБ местного скорее всего. Они пришли в то время, когда у нас были очень напряженные отношения с руководством: мы на голодовке были пять дней всем ЕПКТ, расшатали их, потому что они начали крепить режим, мы начали с ними воевать всем ЕПКТ. Они как раз в это время приехали, мы сидели в хате напротив хаты начальника, меня выводят — сразу заводят, прямо напротив, на отшибе находилась эта хата, считалась как карантинная, когда в ЕПКТ заводят, туда сначала, мы там втроем сидели, потом нас обратно перевели на большой продол, на общий продол. Мы там сидели без нихуя, нас изолировали еще больше, мы там просидели где-то месяц, может, три недели. Мы когда вернулись на большой продол, такие: дома, наконец-то! Очень жестко. Там потом вор с севера сидел в этой хате отдельно.

Я как-то через очень хитрую схему затащил книгу Ходорковского: прочитал в каком-то старом журнале про то, что вышла его книжка «Тюрьма и воля», мы сидим с татаринком, который по пж, на больничке, он говорит, меня сейчас повезут на больничку в шестерку, там будет связь, что надо передать? Я говорю, хочу эту книгу прочитать и говорю, давай так сделаем: тебе два экземпляра мои товарищи из Иркутска передадут, ты ж по любому к нам сюда вернешься, или один хотя бы, моих корешей наберешь, они тебе сделают передачу на шестерку, туда на больничку на общую передадут тебе, а ты привезешь сюда мне отдашь. Так и сделали: иркутские товарищи купили эту книгу, привезли на шестерку, сделали ему

передачу с этой книгой, он ее привез мне уже, потом я отдал ее бродяге одному, он кричит этому вору, есть такая-то такая-то книга Ходорковского, будешь читать? А он кричит: я предателей не читаю. По ходу они как-то пересекались на воле или в тюрьме.

Тот, который пж, начинал сидеть с 89 года, с малолетки, он родом из Казани. Есть такая мода тюремная у зеков в Сибири — анзёбки, как бриджи, носятся как трусы на голое тело, шьются из простыней, желательно цветных, зеку же нельзя цветные вещи носить, вроде как трусы, а вроде и шорты. Ему осталось сидеть 14 лет, он такой: вот выйду скоро, пошью себе охуенные анзёбки, буду ходить. Он угарный чувак, научил меня более-менее в нарды играть, всякие угарные вещи рассказывал. По разбою последний раз сидел, получил лет девять за разбой, отсидел какой-то год под «крышей» там где-то у себя в Татарстане, по телефону сидит один разговаривает с каким-то своим корешем и слышит какой-то мат в телефоне. Говорит, что у вас происходит, ему — да у нас там стрелка, общаемся. Он говорит, а что они так матом общаются на стрелке, что за хуйня, давайте в чувство их приведите, чтобы они нормально разговаривали. Потом слышит какие-то выстрелы, кидает телефон, ломает его, все спускает в унитаз, симку ломает, сидит. Через несколько дней к нему приходят и предъявляют обвинение в организации убийства двух полицейских. Это оказались на стрелке полицейские под прикрытием, которых завалили. Ему как организатору дают пожизненное. Он начинает все это качать, его увозят в Мордовию, он там сидит, оттуда пишет, что за хуйня, почему мне пж дали, непонятно за что, я сидел в заключении, мне пж дают. Он в Мордовии сидит полгода на пж, ему перебивают на 24 года, добавляют там сколько-то. Когда я с ним встретился, его увезли потом в Ульяновскую область, он там сидел тоже на «крытке», он уже все тюрьмы прошел, таких людей по всей России катают, с такими сроками, смотрят дело: он с 89-го года сидит, разбои, грабежи, очень опасный человек. Его закрывали везде, все равно везде какую-то хуйню творил, он говорит устал потом, в итоге у нас в Иркутской области оказался, отправили его на строгий, оттуда под «крышу» и уже к нам на ЕПКТ. Последнее, что я о нем слышал, у него все нормально, работает на промке, живет на бараке — даже после всех этих крыток, ПКТ, ЕПКТ, если ты не газуешь против администрации, то, как вариант, жить обычной мужицкой жизнью лагерной.

Есть семь общероссийских «крыток»⁵⁹, туда свозят независимо от того, в каком регионе ты был: две «крытки» в Красноярском крае (Минусинск, Енисейск), в Ульяновской области (Димитровград), в Саратовской области (Балашов), во Владимирской области (Покров) — самая стремная, в Липецкой области (Елец), в Челябинской области (Верхнеуральск).

Видел чувака из Сахалина, которому дали расстрел в советское время, он попал под мораторий, ему заменили на 26 или 25 лет, в итоге он отсидел 27, он должен был выйти в том же году, что и я, в 2017.

Борьба с ощущением несвободы

Тебя сковывает всего и психологически, и физически. Думаешь о воле постоянно, теряешь связь с реальностью, начинаешь тупить, косячить. Помогает переписка. У людей, у которых

нет поддержки, между собой общаются. Я тоже общался. Мне очень сильно помогало общение с воли, а со стороны других была, конечно, такая особая тюремная зависть, что мне пишет столько людей. В тюрьме пассивная агрессия везде проявляется, ты живешь ею, она рулит отношениями между зеками, надо стараться контролировать ее, взаимовыручка важнее, чем твоя агрессия, которая приводит к непониманию и к открытой агрессии, но она, конечно, рулит в тюрьме, в закрытом помещении, когда люди постоянно друг с другом. Поэтому тут и сложились годами накопленные понятия общежития и отношений между людьми.

Что там еще делать? Только про себя рассказывать, про то, что делал на воле, как жил, постоянно об этом говоришь.

В тюрьме приходится приспособливаться к условиям, адаптироваться, я тоже тупил, не знал, как действовать с мусорами, как вести себя с зеками, какие-то косяки мелкие, но которые нельзя допускать, так как все сказывается на людях, живущих рядом с тобой. Ты постоянно разговариваешь об этом с другими зеками, которые знают, как себя вести, они тебе обязаны рассказать. К маленьким косякам поэтому и относятся по человечески, потому что понимают, что человеку неоткуда больше это узнать. Тебе сто раз скажут, как надо делать, ты сто раз споткнешься, тебя сто раз поднимут. Например, когда сидишь под «крышей», не спалиться с чаем, запретом. Расклацываются тормоза перед мусорами, а ты стоишь с кружкой, из которой пар поднимается, — палево. Или с запретом идиотским спалишься, ты должен его спрятать, думать каждую секунду о том, что может быть шмон. Или разговариваешь с ними, всегда нужно разговаривать с мусорами, чтобы они тебя уважали, немного боялись, понимали, что ты серьезный человек, а не какой-то дурак, что хуй спалишься, даже как-то определенно доверяли каким-то вещам, не начинать с ними сюсюкаться, шутки шутить. Можешь шутить с ними, когда тебе выгодно, но просто так — нет, или ляпнуть при них то, что они не должны знать (это уже косяк).

Физический страх надо контролировать. Тебе страшно, но ты должен контролировать этот страх. Ты попал в эту ситуацию, ты понимаешь, что надо выжить. Выжить, но не упасть достоинством арестантским, теряешь достоинство — теряешь человеческий облик. Выбор очень сильно влияет на твою дальнейшую судьбу, иногда выбора нет. Опытный человек сразу видит, что человек не врубается, как он живет, в хате с ним сидишь, ты ему сразу доводишь, вот братан, ты так и так делаешь, а так не надо делать, ты правильно тут сделал, а тут неправильно, все это может к тому-то тому-то привести, повлияет на всю хату, на всю «крышу». Все действия, которые ты делаешь в тюрьме, влияют не только на тебя, но и на тех, с кем ты вместе в хате сидишь, а, может, и вообще на весь лагерь влияют.

С первоходов может и не быть спроса с вещей, которые не влияют на судьбу, дальше — больше: с него спросят как с порядочного, если он порядочный, на его образ жизни это не повлияет (распределение по кастам).

Есть понятие такое, что с первохода спроса нет по образу жизни, если это не связано с хуем, грубо говоря. Тут уж как бы все: от всего можно отмазаться, кроме хуя.

Солидарность

Признанных политических узников в России⁶⁰ с каждым годом все больше становится и будет становиться еще больше. Я считаю, всплеск политических заключенных был с 2011 или с 2012 года («Болотное дело»), они появляются после массовых демонстраций каких-то, по уголовным, по административным статьям. Судьба политических заключенных в России в тюрьмах сейчас лучше, чем в царское и в советское время. Меньше стало после распада СССР, но и сейчас они есть и будут массово оставаться. Я считаю политическими узниками тех, кто осужден по политическим статьям, связанным с социальной, политической активностью, ненасильственным, хотя, может, и насильственным, и необязательно активностью, направленной против власти, — например, против другой политической группы, или если ты занимаешься экоактивизмом и борешься с бюрократизмом, если ты убил полицейского при самозащите, например. «Болотников» тоже посадили за сопротивление сотрудникам полиции и за организацию и участие в беспорядках, но они признаны политическими, хотя статья 318-я⁶¹ не политическая.

Солидарность и кампания поддержки политузников — это очень большая вещь и требует большой организации и большого количества людей, с которыми нужно связываться, как сеть помощи, не террористическая сеть. Есть люди, которые занимаются информационной поддержкой, это очень важно, потому что если нет информации о человеке, об этом никто не узнает, что с ним случилось, как ему помочь, что за дело, поэтому нужны люди, которые занимаются именно информационной поддержкой, это и сейчас трудоемкая работа, работа через интернет в первую очередь, с целевыми аудиториями, правозащитниками, творческими людьми, людьми, которые занимаются политическими акциями, другими политическими группами, в разных политических группах есть разные люди, которые сидят, с ними надо вместе работать и солидаризироваться. Я уж не говорю о правых, непонятная история с ними для нас, вроде они и «политические», а вроде совершают жестокие насильственные преступления, которые связаны с их политической деятельностью, но в наше время и правых закрывают по каким-то надуманным вещам. По факту их закрывают за их политическую деятельность, например, можно вспомнить каких-то нацболов. Можно с натяжкой взять таких долбоебов как Зухель с Антицыганом, которых закрыли за кражу мраморной говядины⁶², понятно, что это был повод, на самом деле они были слишком активны в интернете и еще как-то, за ними присматривали сотрудники центра Э, в первую очередь в интернете отслеживали всю их деятельность, они там постоянно хвастались, как выносят из магазинов мраморную говядину, продукты дорогие, на этом их и подловили, прочитали переписку, узнали, когда они пойдут в очередной раз, взяли их с поличным практически, грамотная операция. Поэтому следует быть аккуратными с такими вещами, с таким родом деятельности. Я уж и не говорю про наркотики, мало того, что их могут подкинуть, но и являясь наркопотребителем, ты увеличиваешь риски попасть под уголовную статью, так как за тобой может вестись наблюдение и контроль.

У анархистов в России долгий путь борьбы, узникианархисты, о которых я знаю, в постсоветской России связаны с редколлегией «Автонома»⁶³, когда одного из первых редакторов журнала Диму Кабаноса закрыли фсбшники в Краснодаре, якобы за

насильственное преступление, фейсы вытребовали заявление потерпевшего, Диму на год посадили (начало 2000-х). После него к другому активному человеку Алексею Черепанову фсбшники пришли в квартиру с обыском, изъяли «Автономы», которые у него лежали, закрыли его формально за траву, у него нашли марихуану, тоже дали год поселка, но человек занимался журналом «Автоном»⁶⁴. Надо помнить все эти случаи, потому что они могут произойти в любой момент даже сейчас⁶⁵. Используется уголовная статья (например, о хранении наркотиков), чтобы закрыть активиста, при этом пропадает какая-то часть тиража «Автонома». После того, как закрыли двух главных активных анархистов в Краснодаре, движуха активистская и антифашистская там спала на нет. Надо помнить, что это были времена губернаторства Ткачева, который позволял рнешникам маршировать по студенческим общагам и университетам, патрулировать, поэтому ничего удивительного, что все так вот. Юг России всегда очень реакционный по сравнению с севером, это классика, более консервативный, нетерпимый к левым идеям. Уже тогда автономны начали с кампании поддержки Кабаноса, потом Черепанова, начали писать, работать с журналистами, делать уличные акции поддержки, вешать растяжки, раздавать листовки — все это шло по цепочке, благодаря интернету, шло общение, были договоренности делать все вместе, разом, сообща (это 2004 год — середина нулевых). Автономное Действие было, все-таки, федерацией, был сайт, соц.сетей еще не было, информация через внутренние e-mail рассылки в основном, закрытые, лишних людей не было, всех добавляли только по знакомству. Обязанности координатора — довести до участников своей группы, что происходит с другими группами АДбб, обсуждать все это на повестке собраний. Ячейки, группы были в Москве, Питере, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Тюмени, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Иркутске, в маленьких городах, Лесосибирске⁶⁷, там была группа АД, потом там все стали сталинистами. В то время так солидарность проявлялась, именно активистская, мы еще не задумывались над тем, что человек сядет, его надо весь срок поддерживать, нужен адвокат, передачи, подписки на журналы и газеты, письма, вечера солидарности — все это АЧК⁶⁸ начал развивать, пришло постепенное понимание, что весь срок надо поддерживать человека нашего.

Появились адвокаты, которые с нами начали работать, и мы начали обращаться с деньгами, которые получали от организации вечеров солидарности разных форматов (от концертов с коробкой сбора от АЧК до написания открыток, писем сидельцам, прямая солидарность, воспитывали в людях, что надо писать человеку в тюрьму, потому что общение — это жизнь, общение — это важная вещь, которая оставляет человека личностью, сохраняет его личностью, потому что личность в тюрьме распадается постепенно).

Первые разы адвокаты не были в курсе политического случая. Такие люди быстро входят в понимание, они параллельно общаются с тобой-заключенным, родственниками, товарищами и самое главное, если они находят доступ к общению со следователем. Если адвокат общается со следом, то он понимает, что происходит, что хотят от твоего подзащитного, это очень хорошая практика. Если твой адвокат говорит, что сейчас пойдет общаться со следом, то ты понимаешь, что не зря ему бабки платишь. Следок может не захотеть общаться.

Если адвокат добивается встречи с ним, следок может пойти на контакт, это шанс понять, чего хотят от подзащитного, шанс добиться каких-то договоренностей, послаблений. Те же

самые свидания только через адвоката делаются, потерпевшие тоже пытаются с адвокатом договориться, это реальная работа. Конечно, это могут и товарищи делать, но какой следак будет слушать какого-то анархиста, он может прислушаться к какому-то известному анархисту, публичной личности в среде антифашистской. Пару раз я общался с операми, решил вытащить своего человека. Приехать общаться с ппсниками, решать выяснить, почему держат человека, ппсникам дать денег и все, за кражу в магазине, за драку его отпустят, если ничего серьезного, тяжелого, криминала нет, то можно отмазаться. Или приехать в отделение, ничего не оформили на него, просто забрать его. При этом нужен человек, который умеет с ними общаться.

Один раз мы попизделись с бонами в Иркутске, разъехались, в итоге выяснилось, что троих из наших взяли, я на следующее утро поехал за ними, прихожу, там стоял опера в отделе, я прихожу, говорю, такие-то такие-то у вас, они ваша фамилия, я говорю фамилию, они такие о-о-о, мы-то тебя тут и ждали, пойдём поговорим. Они ну давай рассказывай, что там, ты-то у них главный, да. Я понял, что можно выбраться, они меня принимают за их главаря и жестить не будут, как с ними, я говорю, отпустите их, что вообще такого, там обычная драка была. Они даже не смогли факт драки доказать, потом выяснилось, что их пиздели всю ночь, добивались узнать, кого они отпиздели, потому что их взяли с сумкой с арматурой, битами, они знали, где-то драка была, фа-антифа, потерпевших нет никого, заявления о хулиганстве тоже нет со стороны свидетелей, но они слышали что-то, непонятно что, попиздели, пытались добиться от них каких-то протоколов, что они сами все расскажут, никто ничего не рассказал, приехали чуваки из УБОП, которые занимаются антифой, экстремизмом политическим, они прознали, что я — это я, ну и все, всех отпустили. Я же не один туда пришел, я пришел со своей мамой, они меня уводят, она начинает устраивать там скандал, до этого вытаскивала меня сама не раз тоже. Опытная правозащитница.

Если ты даешь грамотную информацию, за что человек сидит, кто он такой, почему надо на него денег скидывать, если человек сидит, много денег надо, сборы денег постоянно. Сейчас деньги на все подряд собирают, но когда товарищи сидят, их поддержка должна быть в приоритете.

У RAF были свои красные адвокаты, в России нет коммунистов-адвокатов, анархистов-адвокатов, даже Эмма Гольдман рассказывала⁶⁹, что были анархисты-адвокаты, которые ее постоянно защищали, что бы она там не творила, вытаскивали, имели опыт общения с государством, властями, могли за Красную Эмму сказать слово, заступиться, то есть у Эммы был, кроме того, что она такая вся крутая, экстремистка, хороший тыл, чтобы государство ее не прикрыло навсегда. У нас этого нет, почему мы такие все боязливые, я хочу, чтобы у меня была общественная поддержка, она у меня есть более-менее, адвокаты какие-то, правозащитники чтобы за меня стояли, меня просто так бы не трогали по всякой хуйне. Сейчас выяснилось, что у журналистов есть такое благодаря делу Голунова, было видно, что ребята смогли своего отстоять у государства, забрать его. Если какое-то насильственное преступление, от него реально сложно отмазаться, со всем остальным, мне кажется, пора российскому государству перестать играть в ГУЛАГ, жить по современному, не кошмарить народ хуйней всякой. С фейсами сложнее всего договориться, если бы Голунова фейсы закрывали, а не какие-то тупые мусора, он бы просто так не выскочил нежданчиком.

Людам из движухи нужно общаться, контакты настраивать, находить общий язык с правозащитниками, находить адвокатов, почему-то нет у нас такой базы, наши люди не хотят становиться адвокатами, хотя с юридическим образованием хватает людей. Я разных видел адвокатов, есть полные мрази, которые бабки только стригут и в движухе такие адвокаты были, а толку никакого. Я видел каких-то людей, которые не были никогда адвокатами, при этом рвали жопу свою за человека, и у них все получалось.

Проеб с людьми из среды в воспитании, в самой культуре активистской, которая как появилась, так она и идет. Проеб наш наверное, Автономного действия, надо помаленьку все это менять, конечно. А чем мы занимались: ФНБ, антифой, футболом.

Заводится уголовное дело по факту драки, например, или по факту участия в массовых беспорядках, всегда появляются свидетели из тусовки какие-то, их вызывают по повестке или они заранее звонят без повестки, они обязаны оповестить своих товарищей, они обязаны оповестить тех людей, которые занимаются этим делом, поддержкой, солидарностью. Сидит товарищ, вызывают другого товарища с воли дать показания свидетельские по уголовному делу, за которое сидит этот товарищ. Понятное дело, что он из свидетеля может превратиться в подозреваемого. Если он не знает, как себя вести на показаниях, ему надо разъяснить, что говорить, что не говорить, какие последствия могут быть из-за того, что он туда пойдет, может, проще вообще уехать из страны, чтобы не сидеть, если он чувствует что-то такое, за что его можно закрыть. Иногда человек не понимает, что он под колпаком, что его скоро закроют. Со мной так было, например. Когда мой подельник мне говорил, про тебя спрашивают, тебя ищут, были звоночки такие, что надо съезживать, я уже был готов съезживать, но просто не успел.

В нашей стране все думают, ничего не изменишь, дадут ему десятку, смысл так сильно бороться. Смысл бороться есть всегда, где бы ты не находился, и тут поддержка с воли придает тебе силы для своей борьбы в самом ядре системы. Я так считаю, что тюрьма — это основа системы, ее ядро, то совершенство государства, к которому оно стремится. Государство хочет превратить наши жизни в жизни узников, наше общество в тюремный дворик, а весь мир в паноптикон.

Нужно знать адрес заключенного, его публикуем мы, группа поддержки, кампания поддержки, такие группы, как АЧК, которые организуют вечера поддержки политзаключенных, там пишутся письма, открытки, готовятся документы, где написано, куда можно писать, за что человек сидит. Приходит человек, хочет поддержать анархистов в заключении, но он может не знать, сколько их сидит вообще, он приходит на этот вечер, видит портрет человека, за что сидит, по какому уголовному делу, что ему предъявляют, сколько сидеть, уже есть базовая информация, вся фурнитура уже есть, организуется группой поддержки: листы, ручки, бумага, конверты, марки, открытки. Выставки, концерты — везде можно организовать все это. Письма поддержки — это очень важно, ты сидишь в тюрьме, ты отрезан от своего сообщества, от друзей, товарищей, очень мало общения вольного, оно очень требуется. Мне весь срок приходили письма, у меня целый ящик писем, но у меня маленький срок. С другой стороны, завязывается переписка, можешь сам писать, продолжать переписку. Мусора могут эту переписку зарубить тебе, не передавать письма,

типа они потерялись, не прошли цензуру, еще что-то. Они постоянно делают так, обрубают переписку, она идет-идет-идет, бац — нет, ты можешь ее возобновить, конечно. Ты можешь писать жалобы на то, что писем нет, тебе официально могут ответить: письма не доходят, и на самом деле не доходят, они могут найти лазейки и потерять письмо. Можно по цепочке искать, где твое письмо, в Почту России писать, такое-то такое-то письмо дошло до лагеря? Дошло — пишешь дальше лагерю. Мусора могут таким образом тебя изолировать, говорить, что ты сидишь-сидишь, тебя уже забывать начали. Я вообще не особо видел, чтобы зекам писали письма, кроме родных, на день рождения, на праздники какие-то, родные, близкие друзья.

Примечания

1 Федеральный закон от 01.03.2012 N18-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126740/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100028

2 Сковорода Е. «От сердца к солнцу» с последствиями [Русская планета]. URL: https://rusplt.ru/society/society_5240.html

3 Джеф Монсон провел семинар для московских антифашистов и автономов, а центр «Э» пытался этому помешать [Автономное Действие]. URL: <https://avtonom.org/news/dzhef-monson-provel-seminar-dlya-moskovskikh-antifashistov-i-avtonomov-tsentra-e-pytalsyaetomu>

4 УК РФ Статья 213. Хулиганство [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/9d692997b8cddf26782684f489987701b0daacf3/

5 Статья 51 Конституции РФ [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/83e04083255cc765ad2af577efd8db4607b207d5/

6 продержаться

7 помещение камерного типа

8 зам. начальника по безопасности и оперативной работе

9 АУЕ [Википедия]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/АУЕ>

10 Статья 12. Запрет курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах. Федеральный закон от 23.02.2013 N15-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2019) [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/1e069557f3bc904d8b3f6a62d5ccbe3ddae6edfd/

11 УК РФ Статья 228. Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a109722731a0509e104278d1b2d2f589beee330f/

12 УК РФ Статья 158. Кража [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/57b5c7b83fcd2cf40cabe2042f2d8f04ed6875ad/

13 УК РФ Статья 161. Грабеж [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8727611b42df79f2b3ef8d2f3b68fea711ed0c7a/

14 УИК РФ Статья 83. Технические средства надзора и контроля [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/7d7b1f3257db3209d80bbea0ff1563b4273982db/

15 ВОХР (охрана) [Википедия]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ВОХР_\(охрана\)#Военизированная_охрана_стран_постсоветского_пространства_\(1991_—_н.в.\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/ВОХР_(охрана)#Военизированная_охрана_стран_постсоветского_пространства_(1991_—_н.в.))

16 тюрьма в тюрьме

17 единое помещение камерного типа

18 барак усиленного режима

19 ПП-91 или «Кедр» — пистолет-пулемет

20 колода

21 УК РФ Статья 159. Мошенничество [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012ecdf64b7c9cfd62e90d7f55f9b5b7b72b755/

22 Никулин П. «В меня уже стреляли до этого» [Русская планета]. URL: https://rusplt.ru/society/society_4653.html

23 Долбила — Антон Фатулаев — погиб в Донбассе в 2014 году: https://vk.com/wall-74807146_632 Антифашист Антон Фатулаев осужден на четыре года за драку с фанатами, работающими в «Единой России» [Автономное Действие]. URL: <https://avtonom.org/news/antifashist-antonfatulaev-osuzhden-na-chetyre-goda-za-draku-s-fanatami-rabotayushchimi-v-edino>

24 УК РФ Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e7204e825c8e87b5c7be210b06a0cde61cd60a3c/

25 антирасистский скинхед-зин, выпускавшийся в 2009–2012 гг

26 УК РФ Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/

27 Анна Каретникова — правозащитница и бывший член ОНК, в настоящее время сейчас работает в УФСИН России по г. Москве

28 Берг Е. Пять лет «болотному делу». Десять историй его участников [Meduza]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/05/06/pyat-let-bolotnomu-delu-desyat-istoriy-ego-uchastnikov>

29 Солопов М. Околофутбол: дело против хулиганов ЦСКА и «Спартака» и конкуренция подразделений МВД за право бороться с фанатами [Медиазона]. URL: <https://zona.media/article/2016/31/03/union-yaroslavka>

30 УК РФ Статья 212. Массовые беспорядки [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/cdfbaa9aeaf8b47695af18e41433e4e3f5f4be5f/

31 схема «кинуть на колесо» — это перевод из хаты в хату, раз в два дня, каждый день, это и в СИЗО, и под «крышей» тоже практикуется, чтобы измотать тебя, в лагере — нет — можешь жить на бараке весь срок, в лагере это не работает

32 Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в части увеличения ежемесячных денежных сумм, предусмотренных для приобретения осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости» от 13.07.2015 N260-ФЗ (последняя редакция) [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182644/#dst100008

33 служба отправки электронных сообщений в системе ФСИН России

34 бывшие сотрудники правоохранительных органов

35 УК РФ Статья 116. Побои [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6dba187564f6295ba160042bed507b2a62939c22/

36 Полухина Ю. «Болотное дело» вышло из берегов. Накопленный следователями опыт может быть использован даже против тех, кто не был на площади 6 мая 2012 года [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/12/07/66677-171-bolotnoedelo-187-vyshlo-iz-beregov>

37 социально-культурное горизонтальное пространство в Москве, работавшее в 2013– 2014 гг.

38 MLM — ежегодный московский скинхед-фестиваль памяти Федора Филатова (организуется одноименным скинхед-лейблом)

39 наци-скины

40 УК РФ Статья 205. Террористический акт [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43942021d9206af7a0c78b6f65ba3665db940264/

41 УК РФ Статья 105. Убийство [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5b3e04338020a09b25fe98ea83bc9362c8bc5a76/

42 Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовноисполнительной системы [ГАРАНТ]. URL: <http://ivo.garant.ru/#%2Fdocument%2F12142931%2Fparagraph%2F49599%3A0>

43 УК РФ Статья 208. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e15b4807e0a41503c8101b28cb338b6938e5021b/

44 Лиханова Т. Из кого и как сплели дело «Сети». «Новая» рассказывает биографию подозреваемых в террористическом заговоре [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/08/80135-povar-slesar-alpinist-inzener>

45 Козлов В. «Так и осталось неясным, почему именно терроризм». Мосгорсуд вынес приговор националистам из «Автономной боевой террористической организации» [Газета.Ру]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2012/04/12/4343865.shtml>

46 Мы постарались собрать все сообщения о пытках в 2018 году. Посмотрите таблицу — там больше ста случаев [Meduza]. URL: <https://meduza.io/feature/2018/08/09/vse-soobscheniya-o-pytkah-etogo-goda-v-odnoy-tablitse-ih-uzhe-bolshe-polusotni>

47 Масюк Е. Не СИЗО, а малина. Что происходит в «одном из лучших следственных изоляторов России» под названием «Медведь» [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/02/02/67270-ne-sizo-a-malina>

48 Все материалы с тегом «Ильдар Дадин» [РБК]. URL: <https://www.rbc.ru/tags/?tag=Ильдар%20Дадин>

49 Прусенкова Н. Охота на Сократа. Дело против антифашиста все больше похоже на провокацию центра «Э» [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/04/14/59203-ohota-na-sokrata>

50 сообщить

51 Мальцев В. «Мусульмане молчали только на Пасху». Бывший заключенный о том, как радикальный ислам закрепляется в лагерях и тюрьмах [Лента.Ру]. URL: https://lenta.ru/articles/2016/04/27/djamaaty_v_turme/ Солопов М. «Был имам, который 11 лет отсидел и врубался как в воровское, так и в джамаат» [Медиазона]. URL: <https://zona.media/article/2016/11/02/jamia> Туманов Г. Зеленая зона. ФСИН усиливает борьбу с тюремными исламистами [Коммерсантъ]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2901612>

52 помещения, функционирующие в режиме следственного изолятора

53 Экс-мэр Ангарска и его зам получили условные сроки за растрату бюджетных средств [ИТАР-ТАСС]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/2381258>

54 определенное предписание, что делать с заключенным

55 СУС — строгие условия содержания

56 См., например, ст. Брицкой Т. Пожаловался — отобрали костыли. Осужденные колонии под Мурманском заявили о пытках [Новая газета]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/07/81520-pozhalovalsya-otobrali-kostyli> ст. Ксении Руновой «“Неуместная” гуманность: как работают врачи в пенитенциарной системе России» // Журнал исследований социальной политики, том 17 № 3 2019, электронная версия: <https://jsps.hse.ru/article/view/10627/11018?fbclid=IwAR1pdLfcSoUrnz243WYbMTfnYJrq1xmy8pzAICFbKQDI0NGJOxdgD2Xcwhg>

57 <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cockney?q=cockney>

58 УК РФ Статья 30 Приготовление к преступлению и покушение на преступление [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/da2816304405597f50919c18f77906b4bf4594c3/

59 «крытые» тюрьмы

60 Программа «Поддержка политзаключенных и других жертв политических репрессий» [Правозащитный центр «Мемориал»]. URL: <https://memohrc.org/ru/content/programma-podderzhka-politzyaklyuchennyh-i-drugih-zhertv-politicheskikh-repressiy>

61 УК РФ Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти [КонсультантПлюс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8178e3ed3a290597f40ff8d19679a3f2f8daffe7/

62 Никулин П. Неонацисты посидят за мраморную говядину [Русская планета]. URL: https://rusplt.ru/society/goviadina_nazi.html

63 российский анархо-журнал

64 В Краснодаре вновь осужден независимый журналист [Кавказский Узел]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/80293/>

65 Зеленский М. Уголовное дело против корреспондента «Медузы» Ивана Голунова. Главное [Meduza]. URL: <https://meduza.io/feature/2019/06/07/ugolovnoe-delo-protivkorrespondenta-meduzy-ivana-golunova-glavnoe>

66 «Автономное Действие»: <https://avtonom.org/about>

67 город в Красноярском крае

68 «Анархический Черный Крест»

69 Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Том 1. М.: Радикальная теория и практика, 2016.

Нанси Жан-Люк, Лаку-Лабарт Филипп.

Нацистский миф

Предисловие

Первому варианту настоящего текста около одиннадцати лет. Второй был написан три года назад и предназначался для публикации в Соединенных Штатах. Для настоящего издания текст был чуть-чуть пересмотрен и изменен.

В 1980 г. и уж тем более в 1991 г. могло сложиться впечатление, что исследование под названием «Нацистский миф» имеет исключительно исторический интерес. Само собой, у нас этого и в мыслях не было. К тому же еще в первом варианте текста мы подчеркивали, что занимаемся не историей, а философией. А это — среди прочего — означает, что ставки данной работы не в прошлом (но мы упрощаем таким образом призвание истории исключительно из соображений ясности изложения...), а в настоящем. Почему эти ставки в нашем настоящем — вот что мы попробуем здесь вкратце изложить.

Вообще говоря, наше настоящее еще далеко не расквиталось со своим нацистским и фашистским прошлым, равно как и со своим куда более близким сталинистским и маоистским прошлым (и если приглядеться как следует, то мы, возможно, даже увидим, что нам остается гораздо больше прояснить в первом, нежели во втором; по крайней мере второе не является порождением «нашей» Западной Европы).

Мы по-прежнему имеем счета, по которым надо расплачиваться, расплачиваться с самими собой, мы по-прежнему в долгу и на нас по-прежнему лежит обязательство памяти, осознания и анализа — вот в чем сходится большинство наших современников. Тем не менее причины и цели такого положения дел по-прежнему не очень ясны и не очень достаточны. Звучат призывы к бдительности перед лицом возможного возврата — мотив «это никогда не должно повториться!». И в самом деле, деятельность или волнения крайне правых в последние годы, феномен «ревизионизма» в рассмотрении Шоа, легкость, с которой возникают неонацистские группировки в бывшей Восточной Германии, «фундаментализм», «национализм» и всякого рода пуризм от Токио до Вашингтона и от Тегерана до Москвы — большего и не надо, чтобы внушить подобную бдительность.

Тем не менее осторожность требует, чтобы такая бдительность шла в паре с другой бдительностью — бдительностью в отношении того, что не имеет ничего общего с

«возвратом», или того, что не так-то легко осмыслить в виде «реакции». В истории чистые возвращения или повторения встречаются довольно редко, а то и вовсе не существуют. Разумеется, ношение или начертание свастики отвратительны, но это не обязательно знаки подлинного, исполненного жизни и опасности возрождения нацизма (точнее говоря, они могут ими быть, но не обязательно). Это может объясняться просто слабоумием или бессилием.

Но встречаются другого рода повторения, которые, впрочем, могут не осознаваться в таком виде, очевидность которых куда более сокрыта, ход которых куда более замысловат и незаметен — и опасность которых ничуть не менее реальна.

Это могут быть уже многочисленные на сегодня речи, взывающие к мифу, к необходимости какого-нибудь нового мифа или какого-нибудь нового мифологического сознания, а то и к реанимации старых мифов. Речь эти не всегда используют термин «миф» и не всегда прибегают к ясно выраженной и точной аргументации в пользу мифологической функции[1]. Но в «воздухе времени» витают своего рода запрос и своего рода глухое ожидание чего-то вроде представления, фигурации или даже воплощения бытия или судьбы сообщества (похоже, последнее слово уже само по себе пробуждает это желание). А ведь именно этой символической (или «воображаемой», в зависимости от лексического выбора, во всяком случае посредством образов, символов, повествований, фигур, а также посредством тех или иных воплощений, которые несут их в себе или выставляют напоказ) идентификацией, и кормился в избытке фашизм вообще[2], в этом отношении нацизм представляет собой, как, нам думается, мы уже показали, выявление основополагающих характеристик идентификационной функции.

Нам хотелось бы избежать, насколько это возможно, известных упрощений. Мы не собираемся противопоставлять — как это явно слишком часто делалось в порыве, которому, собственно, нечего поставить в упрек, известного антитоталитаризма, своего рода стиля демократической мысли, — с одной стороны, свойственную фашистским режимам мифологическую фигурацию, с другой — непредставимость как сущностную черту демократии. (В точности так же несправедливо хулить «цивилизацию образа», противопоставляя ее культуре дискурса.) Наоборот, мы полагаем, что демократия ставит или отныне должна поставить вопрос о своей «фигуре», что вовсе не значит, что вопрос этот сливается с вопросом об обращении к мифу. В самом деле, мы полагаем, что недостаточно утверждать высшими добродетелями Республики (каковую мы на данный момент не отличаем от демократии) отказ от всякой идентификации, постоянную готовность все поставить под сомнение и, наконец, как зачастую случается сегодня, — некую внутреннюю хрупкость, которую никто не скрывает и на которой все настаивают, и из которой противники демократии, а то и всего наследия 1789 г. и Просвещения не упускают случая извлечь свою выгоду.

Этого тем более недостаточно, когда самая значительная из «демократий» мира выставляет себя гарантом (идентифицируемом в главе государства, государственном флаге, армии и наборе образов) «нового мирового порядка», а тем временем против этого «порядка» или в укрытии от него (или то и другое вместе) собираются всякого рода идентификационные или фигуративные притязания или претензии: вожди, национальности, народы, сообщества.

Соотносятся ли эти притязания в конечном счете с некоей легитимностью или же с некоей легендой — это, возможно, не так уж и важно. Ведь легенда может породить легитимность, а легитимность может быть легендарной: кто скажет, в чем заключается, «в сущности», основополагающее право какого-нибудь «народа»? Но важно понять, в чем заключается операция идентификации и должна ли она сегодня снова найти применение в разработке мифа — или же, напротив, мифологическая функция с ее национальными, народными, этическими и эстетическими эффектами не есть то, против чего необходимо заново изобретать политику (в том числе и для того, что она, возможно, предполагает в порядке «фигурального»).

Вероятно, что нацизм призван нам еще показать, как современному миру не удалось идентифицировать себя в «демократии» или же идентифицировать пресловутую демократию; то же самое, хотя и на иной манер, относится и к пресловутой «технике». Вот уже более века наш мир переносит «демократию» и «технику» как необходимости истории, которая больше не является делом его рук (истории, которая больше не является мифом Прогресса Человечества или Основания Разумного Общества), которая, следовательно, не является больше историей, то есть не составляет больше ни события, ни пришествия: которая не составляет больше начала, открытия, рождения или возрождения.

Ведь миф всегда был мифом какого-нибудь события или пришествия, мифом абсолютного, основополагающего События. Общества, жившие мифом и в мифе, жили в измерении некоей учредительной событийности (следовало бы сказать «структуральной», если бы это не было столь парадоксально). Там, где ищут мифа, там жаждут события. Но нацизм, возможно, и учит нас тому, что событие нельзя сфабриковать. Общества, жившие мифом, никогда не фабриковали, не просчитывали, не строили своих основ: незапамятное было сопряжено мифам. Незапамятное не сфабрикуешь: оно тоже только грядет.

Недостает нам (ведь нам кое-чего недостает, нам недостает политики, чего тут скрывать), стало быть, вовсе не материи и не форм, из которых можно было бы сфабриковать миф. Для этого всегда достаточно всякого хлама, идеологического китча, сколь убогого, столь и опасного. Но нам недостает пронизательности, чтобы различить событие — события, в которых поистине берет начало наше грядущее. Конечно же, они не производятся в возврате мифов. Мы больше не живем ни в измерении, ни в логике истока. Мы существуем, запаздывая, исторически задним числом. Что не исключает того, что предел запаздывания может обернуться отправной точкой какой-то новизны. Более того именно это и требуется от нас помыслить.

Ситуация

1. Нижеследующий текст вначале представлял собой относительно короткий доклад, прочитанный 7 мая 1980 года на коллоквиуме «Механизмы фашизма», организованном «Комитетом информации о холокосте» в Шилтигхайме. В рамках определенной темы мы попытались представить лишь схему анализа, который требует обстоятельного развития[3]. И если в новом варианте мы и изменили немного наш текст, он все равно остается схематичным.

2. Мы не историки — и уж тем более не специалисты по истории нацизма. Следовательно, не ждите от нас ни фактологического описания мифов или мифологических элементов нацизма, ни описания эксгумации и утилизации нацизмом всего древнего мифологического материала, в том числе и сльвущего собственно германским.

Вы тем более от нас этого не дождетесь, что, признаваясь в своем невежестве (мы мало читали из обильной и монотонной литературы того времени), мы считаем такой феномен относительно поверхностным и вторичным: нацизм, как и всякий национализм, позаимствовал в традиции, которую присваивал, в традиции немецкой, определенное число символических элементов, среди которых собственно мифологические далеко не одиноки, ни, что вероятно, далеко не важнее других. Иначе говоря, нацизм, как и всякий национализм, воспевал на пассаистский лад немецкую или — шире — германскую историко-культурную традицию (которую даже можно было бы попытаться присовокупить к некоему германизму). Но в этом воспевании, заново вдыхавшем жизнь в фольклор и в Volkslied, сельскую образность поздних романтиков и города Ганзейского союза, антинаполеоновские студенческие лиги (Bunde) и средневековые корпорации, рыцарские Ордена и Священную империю и т. д. — мифология (скажем, Эдды, Одина и Вотана), уже давно не востребуемая, несмотря на усилия Вагнера и кое-кого еще, была значима лишь для горстки интеллектуалов и художников, в крайнем случае, для некоторых профессоров и воспитателей. Короче, такого рода воспевание не представляет собой чего-то специфически немецкого (как и воспевание Жанны Д'Арк во французском государстве эпохи Петена). А ведь нас должна интересовать специфика нацизма. И она должна занимать нас таким образом, чтобы постановка под вопрос некой мифологии, ее подозрительного влияния на умы и ее «туманов» не послужила, как это часто бывает, незатейливой уловкой и, по сути, проволочкой (слегка расистской или по меньшей мере грубо антинемецкой), оттягивающей собственно анализ.

Вот почему мы не будем говорить здесь о мифах нацизма во множественном числе. Мы будем говорить исключительно о мифе нацизма или о мифе национал-социализма как таковом. То есть о том, как национал-социализм, прибегает он к мифам или нет, учреждается в собственно мифологических измерениях, функции и обеспечении.

Вот почему опять же мы воздержимся от развенчания мифов нацизма в том смысле, в каком это удалось сделать когда-то Ролану Барту в отношении социокультурного бессознательного французской мелкой буржуазии в его чрезвычайно тонком анализе, совмещающем инструментарий социологии, марксизма (в духе Брехта) и семиологии. В применении к феномену такого размаха и такого объема, каковые свойственны нацизму, анализ такого рода был бы, строго говоря, совершенно неинтересен — и даже, можно поспорить, совершенно неуместен[4].

3. В нацизме нас интересует и будет занимать главным образом идеология в том смысле, в каком определила этот термин Ханна Арендт в своем эссе «Происхождение тоталитаризма». То есть идеология, как всецело осуществляющаяся (и зависящая от воли всецелого осуществления) логика некоей идеи, которая и «позволяет объяснить исторический процесс как процесс единый и связный»[5]. «Считается, что движение истории и логический процесс этого понятия, — говорит опять же Ханна Арендт, — соответствуют друг другу во всех

моментах, так что, что бы ни произошло, происходит в соответствии с логикой идеи».

Другими словами, нас интересует и нас будет занимать именно идеология в том виде, в каком она, с одной стороны, всегда представляет себя как политическое объяснение мира, то есть как объяснение истории (или, если угодно, *Weltgeschichte*, которая понимается не столько как «мировая история», сколько как «мир-история», мир состоящий исключительно из процесса и его легитимизирующей себя необходимости), исходя из единственного концепта: концепта расы, к примеру, или концепта класса, или даже «все-человечества»; притом, что, с другой стороны, это объяснение или это мировоззрение (*Weltanschauung*: видение, постижение, понимающее схватывание мира — философский термин, которым, как мы увидим далее, широко пользовался национал-социализм) всегда мнит себя всеохватным объяснением или тотальной концепцией. Эта всеохватность, или тотальность, означает, самое малое, что объяснение не подлежит обсуждению, является безоговорочным и непогрешимым — в противоположность философскому мышлению, в котором оно, тем не менее, без зазрения совести черпает большую часть своих ресурсов, но которое при этом характеризуется рискованным и проблематичным характером, «небезопасностью», как выражается Ханна Арендт, своих вопросов. (Из чего, впрочем, вытекает, что философия отбрасывается идеологами, которые к ней призывают, и — с равным успехом — препровождается к недостоверности и умеренным колебаниям так называемой «интеллектуальности»: история философов и/или идеологов нацизма, или эпохи нацизма в этом отношении достаточно показательна)[6].

Здесь следовало бы со всей строгостью показать, какие отношения идеология, понимаемая как тотальное мировоззрение (*Weltanschauung*) поддерживает с тем, что Ханна Арендт называет «тотальным господством», то есть, прежде всего с тем, что Карл Шмитт, опираясь разом и на собственно фашистский дискурс (Муссолини и Джантале), и на юнгеровское понятие «тотальной мобилизации» (призванное предоставить первичное определение технике как тотального и мирового господства), называл тотальным Государством.

Следовало бы также со всей строгостью показать, почему тотальное государство необходимо воспринимать как Государство-Субъект (притом, что этот субъект, идет ли речь о нации, человечестве, классе, расе или партии, является или мнит себя абсолютным субъектом), так что, в конечном счете, истинного своего гаранта идеология находит, как бы то ни было, в современной философии или завершенной метафизике Субъекта: то есть в этом мышлении бытия (и/или становления, истории) в виде самоприсутствующей субъективности, опоре, источнику и цели представления, достоверности и воли. (Но следовало бы также со всей точностью напомнить, каким образом эта философия, становящаяся идеологией, так же и одновременно влечет за собой этот конец философии, многообразные, но одновременные свидетельства которому предоставили Хайдеггер, Бенямин, Витгенштейн и Батай).

Следовало бы, наконец, со всей строгостью показать, что осуществляющаяся таким образом логика идеи или субъекта — это прежде всего, как можно увидеть уже через Гегеля, логика Террора (каковая, однако, сама по себе не является ни собственно фашистской, ни тоталитарной)[7], а затем уже — в крайних своих выводах — сам фашизм. Идеология субъекта (что, возможно, лишь плеоназм) — вот что такое фашизм, и, конечно же, такое

определение не теряет своей ценности и сегодня. Мы остановимся на этом моменте: но, само собой разумеется, что обстоятельные доводы в его пользу явно не укладываются в рамки настоящего текста.

И если тем не менее нам хочется сделать упор на данном мотиве, то лишь для того, чтобы обозначить недоверие и скептицизм в отношении скороспелого, грубого и чаще всего слепого обвинения нацизма в иррационализме. Напротив, существует определенная логика фашизма. Что означает также, что определенная логика является фашистской и что эта логика не так уж чужда общей логике рациональности в метафизике Субъекта. Мы говорим это не только для того, чтобы подчеркнуть, насколько сложным в действительности является общепринятое — порой в самой нацистской идеологии, порой в рассуждениях о ней — противопоставление *muthos* и *logos*, противопоставление с виду совершенно элементарное (в этом плане следовало бы заново перечитать, среди прочего, многие тексты Хайдеггера)[8]; мы говорим это не только для того, чтобы напомнить, что нацизм, как и всякий тоталитаризм, апеллировал к науке, то есть посредством тотализации и политизации Всего, к науке вообще; мы говорим это, прежде всего потому, что если и не следует, конечно же, забывать о том, что одним из главных элементов фашизма является эмоция, массовая, коллективная (и эта эмоция не есть лишь эмоция политическая: она является, по меньшей мере, до некоторой степени, также и собственно революционной эмоцией в политической эмоции), то не следует также забывать о том, что упомянутая эмоция всегда состыкуется с некоторыми концептами (и если последние могут быть, как в случае нацизма, «реакционными концептами», то они все равно при этом остаются концептами).

Мы только что просто напомнили об одном определении Райха из «Массовой психологии фашизма»: «Фашистская ментальность возникает, когда реакционные концепты накладываются на революционную эмоцию». Что не означает — ни по букве самой книги, ни для нас — ни того, что всякая революционная эмоция сразу же обречена на то, чтобы стать фашистской, ни того, что концепты, слышущие «прогрессивными», всегда и сами по себе чужды фашистской заразы. По-видимому, всякий раз — речь о том, чтобы «строить миф» или не строить его.

4. Внутри обширного феномена тоталитарных идеологий мы останавливаемся здесь на специфическом отличии или на собственной природе национал-социализма.

С того плана, на котором мы себя мыслим, эта специфичность может быть намечена — впрочем, совершенно классически — исходя из двух положений:

- 1) нацизм — это специфически немецкий феномен;
- 2) идеология нацизма — это расистская идеология.

Из совмещения этих двух положений, конечно же, не следует, что нацизм — это удел одних немцев. Известно, какое место в истоках расистской идеологии занимают французские и английские авторы. И здесь не надо ждать от нас удобного и упрощенного обвинения Германии, немецкой души, сущности немецкого народа, германства и т. п. Совсем напротив.

Была, чего уж спорить, и, возможно, до сих пор существует немецкая проблема. Своего рода ответом на нее была нацистская идеология, ответом совершенно определенным, политически определенным. И нет никакого сомнения в том, что немецкая традиция, в частности традиция немецкой мысли, вовсе не чужда самой этой идеологии. Но это не значит, что она несет за нее ответ и посему подлежит осуждению целиком и полностью. Между традицией мысли и идеологией, которая всегда неправомерно хочет в нее вписаться, лежит пропасть. В Канте, Фихте, Гельдерлине или Ницше (нацизм взывал ко всем этим мыслителям) — ни даже, строго говоря, в музыканте Вагнере — нацизма ничуть не больше, чем Гулага в Гегеле или Марксе. Или того же Террора в Руссо. Точно так же, и несмотря на всю его ничтожность (с которой тем не менее следует соизмерять всю его гнусность), петенизм не является достаточным основанием для того, чтобы хулить, к примеру, Барреса или Клоделя. Осуждению подлежит единственно та мысль, которая обдуманно (или не подумав как следует, поддавшись эмоциям) встает на службу идеологии и прячется за ее спиной или же стремится воспользоваться ее могуществом: Хайдеггер во время первых десяти месяцев нацистского режима, Селин в оккупации и изрядное число других в ту пору или с тех пор (и не только там).

Таким образом, мы вынуждены внести следующее уточнение: да, здесь нам надлежит выявить специфические черты той фигуры, которую история предоставила нам как фигуру «немецкую», но при этом наше намерение далеко от желания представить эту историю результатом некоего детерминизма, понимается ли последний по образу судьбы или по образу механической каузальности. Такой взгляд на вещи принадлежал бы скорее как раз «мифу» — в том виде, в каком мы его хотим разобрать. Мы не предлагаем здесь истолкования истории как таковой. Понятно, что наше время еще не имеет возможностей выдвинуть в этой области толкования, которые были бы не заражены мифологической или мифологизирующей мыслью. История ждет, чтобы ее заново осмыслили как раз за пределами такой мысли.

Стало быть, задача здесь заключается в том, чтобы прежде всего понять, как могла сформироваться нацистская идеология (что мы и попытаемся описать как нацистский миф) и — более детально — почему немецкой фигурой тоталитаризма является расизм.

На этот вопрос есть первый ответ, основанный на понятии политической (то есть технической) эффективности, которую Ханна Арендт формулирует, например, в следующих, в общем нейтральных, положениях:

«Мировоззрения (Weltanschauungen) и идеологии XIX века сами по себе не тоталитарны, и хотя расизм и коммунизм стали главенствующими идеологиями XX века, они в принципе были не более «тоталитарны», чем прочие; это случилось, потому что принципы, на которых основывался с самого начала их опыт — борьба рас за господство в мире, борьба классов за обладание властью в различных странах — оказались более весомы, выражаясь политически, нежели принципы других идеологий»[9].

Однако этот первый ответ не объясняет, почему расизм стал идеологией немецкого тоталитаризма — тогда как борьба классов (или, по меньшей мере, один из вариантов этой борьбы) была идеологией советского тоталитаризма.

Отсюда необходимость дать второй ответ, на сей раз касающийся специфики национал-социализма, ответ, в который мы попытаемся ввести самым строжайшим образом концепт мифа. По своей элементарной структуре этот ответ раскладывается на два положения:

1) именно потому, что немецкая проблема является в сущности своей проблемой идентичности, немецкой фигурой тоталитаризма и стал расизм;

2) именно потому, что миф можно определить как аппарат идентификации, расистская идеология слилась со строительством мифа (а под ним мы разумеем миф Арийца постольку, поскольку он был обдуманно, целенаправленно и технически разработан как таковой).

Вот что, коротко говоря, мы хотели бы попытаться доказать.

Мифологическая идентификация

Прежде всего необходимо сказать следующее: начиная с конца XVIII века не где-нибудь, а именно в немецкой традиции было самым строжайшим образом продумано отношение, которое миф поддерживает с проблемой идентификации.

Причина такого положения вещей прежде всего в том, что немцы — и мы увидим, почему — особенно хорошо читали греков, и в том, что эта проблема или это вопрошание мифа является весьма древней проблемой, унаследованной от греческой философии. И главным образом от Платона.

Известно, что Платон построил область политического (и заодно отграничил философскую область как таковую), исключив мифы и связанные с ними основные формы искусства из воспитания гражданина и вообще из символического пространства полиса. Именно к Платону восходит резкое, критическое противопоставление двух видов использования речи или двух форм (модусов) дискурса: *muthos* и *logos*.

Платоновское решение относительно мифов опирается на теолого-моральный анализ мифологии: мифы — это вымыслы, фикции, и эти фикции рассказывают кощунственную ложь о божествах. Следовательно, необходимо исправить мифы, очистить их, изгнать из них все эти истории об убийствах отца, матери, об убийствах вообще, об изнасилованиях, инцестах, ненависти и обмане. Известно также, что Платон принимается за это исправление, за эту ортопедическую задачу — каковая, стало быть, не сводится к чистому и простому исключению — с известным остервенением.

Почему? В сущности, потому, что мифы благодаря той роли, которую они играют в традиционном воспитании, благодаря тому характеру общего примера, которым они обладают в повседневной жизни греков, вызывают к жизни нехорошие этические и политические установки и поступки. В плане социальном мифы пагубны.

Так мы и касаемся сердцевины нашего вопроса. Ибо это осуждение роли мифов предполагает, что на деле за ними признается специфическая функция служить примером.

Миф — это фикция в самом сильном смысле этого слова, в смысле активной обработки или, как говорит Платон, «пластики»: миф, стало быть, фикционирует, то есть предлагает, а то и навязывает модели или типы (это опять же из лексикона Платона, и вскоре мы увидим, где и как снова возникнут эти слова), имитируя которые, индивид — или полис, или даже целый народ — может уловить себя как такового и себя идентифицировать.

Иначе говоря, вопрос, который ставит миф, это вопрос миметизма постольку, поскольку только миметизм в состоянии обеспечить идентичность. (Правда, он обеспечивает ее весьма парадоксальным образом: но мы не можем здесь вдаваться в подробности[10]).

Платоновская ортопедия сводится, стало быть, к исправлению миметизма во благо рационального, то есть «логичного» (соответствующего логосу) поведения. Понятно, почему Платон должен одновременно очистить искусство, то есть изгнать и с необходимыми ритуалами удалить из полиса искусство, коль скоро он в способе своего производства или выражения содержит мимезис: что касается главным образом, но не исключительно, театра и трагедии. Тем самым обнаруживается, что проблема мифа всегда неотъемлема от проблемы искусства, но не столько потому, что миф является коллективным творением или произведением искусства, сколько потому, что миф, как произведение искусства, которое его использует, является инструментом идентификации. Это даже миметический инструмент *par excellence*.

К этому анализу немецкая традиция (в классической филологии, эстетике, исторической этнологии и т. п.) будет особенно восприимчива, дополнив его, как мы увидим далее, одним решающим элементом. Вот почему не стоит удивляться, например, видя, как такой человек, как Томас Манн, в своей похвале Фрейду, подписавшему его публичное осуждение нацистами (и стало быть, некоторое время спустя после его разрыва с идеологией «консервативной революции»), анализируя «жизнь в мифе», сосредоточивает эту традицию в формуле «жизнь в цитате»[11]. Таким образом, самоубийство Клеопатры цитирует — то есть имитирует — какой-нибудь эпизод из мифа Иштар-Астарты. Точно так же не стоит удивляться тому, что главной темой «Доктора Фаустус», несомненно, одной из лучших книг, когда-либо написанных о нацизме, является проблема искусства и мифа, рассматриваемых как раз под этим углом, это ясно, даже если не вдаваться в композицию всего романа, которая является откровенно миметической и агонистической.

При всем при том, почему же целый пласт немецкой мысли, начиная по меньшей мере с романтизма, связал себя преимущественно с такого рода проблематикой, дойдя до того — как в случае Ницше, например, — что стал рассматривать ее в качестве центральной? И почему на протяжении всей своей работы эта мысль так старалась — согласно, опять же, выражению Ницше — «ниспровергнуть платонизм»? Почему ректор Крик, весьма официальный идеолог нацизма, взялся бороться против «вытеснения мифа логосом (...) начиная с Парменида и до наших дней»? И почему Хайдеггер, который однако же быстро отказался быть на службе у национал-социализма (и к которому враждебно относился тот же Крик), смог сказать, что «разум, столь прославляемый из века в век, является злейшим врагом мысли»? Или еще, что История в своем истоке восходит не к науке, а к мифологии?

Здесь мы можем лишь в самых общих деталях разобрать схему анализа, который должно направить на строго выделенный пласт истории, лежащий между историей ментальностей,

историей искусства и мысли и политической историей, который можно было бы определить, за неимением лучшего названия, как история фикционирования.

Для начала и во избежание недоразумений скажем так: с момента крушения христианского мира призрак бродит по Европе, призрак подражания. Что, прежде всего, означает: подражания древним. Известно, какую роль сыграла античная модель (Спарта, Афины, Рим) в основании современных национальных государств и в строительстве их культуры. От классицизма эпохи Людовика XIV до античных поз 89 г. или неоклассицизма Империи кипит работа по структурированию политики, в ходе которой осуществляются и национальная идентификация, и техническая организация власти, управления, господства, иерархии и т. п.[12] Именно в этом смысле следовало бы ввести, как об этом мечтал Маркс, в число политических концептов понятие исторической имитации.

В истории Европы, ставшей жертвой подражания, драма Германии — не только в том, что она была, что ни для кого не секрет, так раздроблена, что лишь с большой натяжкой можно говорить о существовании немецкого языка, и что на этом языке вплоть до 1750 г. не вышло в свет ни одного «репрезентативного» произведения искусства (даже Библию в переводе Лютера с трудом можно счесть таковым).

Драма Германии также и в том, что она претерпевает это подражание на втором уровне, то есть вынуждена подражать тому подражанию античности, которым Франция или Италия живут на протяжении двух, по меньшей мере, веков. Другими словами, Германия не только лишена идентичности, но ей недостает также права собственности на средство идентификации. С этой точки зрения, нет ничего удивительного в том, что в Германии Спор Древних и Новых так затянулся, продолжившись по меньшей мере вплоть до начала XIX века. И можно было бы описать рост немецкого национализма именно как долгую историю присвоения способов идентификации. (Как раз это, впрочем, и определяет в какой-то мере содержание «консервативных революций», о ненависти которых к «космополитизму» не следует забывать.)

Стало быть, Германии на деле недостает как раз таки субъекта или, точнее, того, чтобы она была субъектом собственного становления (и не случайно, что именно там свершилась современная метафизика как метафизика Субъекта). Следовательно, Германия и хотела построить такого субъекта, собственного субъекта. Откуда и проистекают ее интеллектуальный и эстетический волюнтаризм и то, что Беньямин незадолго до 1930 г. обозначит в этом отголоске века барокко, которым являлся в его глазах экспрессионизм, как «волю к искусству». И то, что немцы всегда так изводят себя, так боятся, что им не удастся стать настоящими художниками, что им не достичь «великого Искусства», и то, что в их искусстве или практической деятельности зачастую присутствует столько старания и столько теоретических мотивировок, объясняется именно тем, что на кону как раз идентичность (или смятение перед отсутствием оной).

Более того: с уверенностью можно сказать, что с этой точки зрения в немецкой истории господствовала неумолимая логика «двойной связи» (двойственного, разнонаправленного предписания, через которое Бэтсон, следуя в этом Фрейду, объяснял психоз). Строго говоря, болезнь, всегда угрожавшая Германии, называется шизофренией, которая и сгубила

столько ее художников.

Почему вдруг логика «двойной связки»? Потому что освоение способа идентификации одновременно и должно, и не должно проходить через подражание Древним, то есть прежде всего грекам. Должно, потому что нет никакой другой модели, кроме модели греков (с той поры, как рухнула религиозная трансцендентность вместе с соответствовавшими ей политическими структурами: вспомним, что это немецкая мысль провозгласила «смерть Бога» и что средний романтизм обрел опору в ностальгии по христианскому средневековью). Не должно, потому что этой моделью уже воспользовались другие. Как ответить на этот разноречивый императив?

По всей видимости, в немецкой культуре нашлось два выхода: прежде всего теоретический, то есть, строго говоря, спекулятивный. Это выход, предоставленный диалектикой, логикой удержания и упразднения, достижения высшего тождества и разрешения, в конечном итоге, противоречия. Гегель является его самым очевидным и (возможно) самым последовательным представителем, но даже в век «спекулятивного идеализма» он не обладает монополией на общую схему такого решения. Последнее, впрочем, прокладывает дорогу главным образом Марксу. Понятно, что диалектический выход представляет собой, вопреки тому, что думалось Ницше (всем известно, однако, до куда довело его наваждение идентичности), надежду на некое «здоровье». Но мы не можем здесь дольше задерживаться на этом первом пути.

С другой стороны, имеется эстетический выход или надежда на некий эстетический выход; на нем-то мы и хотим задержаться, потому как он сыграл далеко не последнюю роль в развитии национал-социалистической «болезни».

В чем заключается его принцип?

В том, чтобы прибегнуть к другим грекам, не тем, что уже были использованы до сих пор (то есть во французском неоклассицизме). Еще Винкельман говорил: «Нам следует подражать древним, чтобы самим стать, коли это возможно, неподражаемыми»[13]. Но оставалось понять, чему же можно было подражать в древних, да так, чтобы добиться коренного отличия немцев.

Ни для кого не секрет, что открытие, которое сделали немцы на заре спекулятивного идеализма и романтической филологии (в последнем десятилетии XVIII века, в Йене, где-то между Шлегелем, Гельдерлином, Гегелем и Шеллингом) состояло в том, что было, дескать, две Греции: Греция меры и ясности, теории и искусства (в собственном смысле этих слов), «прекрасной формы», мужественной и героической строгости, закона, Града, светлого дня; и Греция погребенная, темная (или слишком уж слепящая), Греция исконная и первобытная, с ее объединяющими ритуалами, ледящими душу жертвоприношениями и повальными опьянениями, Греция культа мертвых и Земли-Матери — короче говоря, Греция мистическая, на которой первая с большим трудом (то есть «вытесняя» ее) воздвигла себя, но которая все время глухо давала о себе знать вплоть до конечного крушения, в особенности в трагедиях и мистериальных религиях. И след этого раздвоения «Греции» можно проследить по всей немецкой мысли, начиная, например, с гегельдерлиновского разбора Софокла или

«Феноменологии духа» и кончая Хайдеггером, захватив по пути «Mutterrecht» Бахофена, «Психею» Роде или оппозицию дионисийского и аполлоновского, структурирующую «Рождение трагедии».

Разумеется, мы немного упрощаем: далеко не все описания этой двойкой Греции согласуются между собой, и чаще всего принципы оценки у разных авторов весьма ощутимо расходятся. Но если взять (против правила) своего рода средний показатель — а идеология действует именно так — то можно утверждать, что это открытие подразумевает, вообще говоря, некоторое число решающих следствий.

Мы остановимся на четырех.

1) Очевидно, что это открытие позволяет выдвинуть вперед новую историческую модель и отделаться от неоклассической Греции (Греции французской и даже, если копнуть поглубже, Греции римской и возрожденческой). Это позволяет Германии с одного маху отождествить себя с Грецией. Следует отметить, что с самого начала отождествление это будет основываться на идентификации немецкого языка с языком греческим (разумеется, поначалу все это чистая филология).

Это значит, что было бы заблуждением думать, слишком уж упрощая дело, что идентификация произошла с другой Грецией, забытой и мистической, и что этим все исчерпывается: этого немного было все время, но в силу ряда причин, о которых нам предстоит говорить, всегда было не только это. Никогда идентификация с Грецией не была единственной формой вакханалии.

Это значит также, с другой стороны, что этот тип идентификации, в истоке своем исключительно лингвистический, как раз и присовокупился к призыву к «некоей новой мифологии» (Гельдерлин, Гегель и Шеллинг в 1795 г.) или к призыву к насущному строительству «мифа будущего» (Ницше, *via* Вагнер в 80-е годы). В самом деле, сущность изначального греческого языка, *muthos*, в том, что он, как и немецкий язык, способен к символизации и тем самым способен к производству или формированию «созидательных, мифов» — для народа, который сам по себе определяется лингвистически. Стало быть, идентификация должна пойти по пути строительства мифа, а не быть просто возвращением к старым мифам. От Шеллинга до Ницше попыток такого рода вполне хватает.

Следовательно, строительство мифа по необходимости будет теоретическим и философским или, если угодно, сознательным, пусть даже происходит оно в стихии поэзии. То есть ему предстоит принять форму аллегии, как в «Кольце» Вагнера или в «Заратустре» Ницше. Таким образом диалектически будет снята оппозиция между богатством изначального мифологического творчества (которое является бессознательным) и абстрактной всеобщностью рационального мышления, Логоса, Просвещения и т. п. Согласно схеме, представленной Шиллером в работе «О наивной и сентиментальной поэзии», строительство современного мифа (или, что сводится к тому же самому, современного произведения искусства) всегда мыслится как результат диалектического процесса. Вот почему-то, что мы назвали «эстетическим выходом», неотъемлемо от выхода теоретического или философского.

2) Та же самая логика (диалектическая) работает в том, что можно было бы назвать механизмом идентификации. В этом отношении следует провести строгое различие между тем, как была использована первая и вторая Греция.

Греция, скажем опять же не вдаваясь в подробности, «мистическая» предоставляет, вообще говоря, не собственно модель, но скорее ресурс, то есть идею некоей энергии, способной обеспечить идентификацию и ее функционирование. В целом она призвана предоставить идентификационную силу. Вот почему немецкая традиция к греческой и классической теории мифологического подражания, мимезиса, добавляет — или настойчиво развивает — то, что, к примеру, у Платона было лишь в зародыше, а именно теорию мистического слияния или приобщения (метексиса), как скажет в ином контексте Леви-Брюль[14], наилучшим примером которых служит по сути дионисический опыт, как его описывает Ницше.

Но это не значит, что модель для подражания непосредственно восходит — или может быть помыслена как непосредственно восходящая — к мистической неразличимости. Напротив: в дионисическом слиянии, если оставаться на ницшевской почве, и на выходе из этого слияния появляется не что иное, как символический образ, похожий, говорит Ницше, на «образ сновидения». На деле этот образ является сценическим образом (персонажем или, еще лучше, фигурой, Gestalt) греческой трагедии. Он выступает из «духа музыки» (поскольку музыка, как это было известно также и Дидро, является самой стихией слияния), но диалектически рождается из любовной борьбы дионисического принципа с противостоящей ему аполлоновской фигуративностью. Стало быть, модель, или тип, есть форма компромисса между дионисическим и аполлоновским. Так, впрочем, объясняется трагический героизм греков, вызванный к жизни по большей части, как говорит Ницше (и этот мотив не будет забыт), нордическим слоем дорийцев, которые только и были способны восстать перед лицом пагубного распада, неизбежно порождаемого восточным мистицизмом.

3) Все это объясняет преимущество, предоставленное в рамках проблематики немецкого искусства театру и музыкальной драме, то есть повторению трагедии и трагического празднества, которые гораздо лучше, чем какие-либо другие формы искусства, годятся на то, чтобы запустить процесс идентификации. Вот почему Вагнер, превосходя в этом плане Гёте, будет мыслить себя немецким Данте, Шекспиром или Сервантесом. И вот почему, основывая Байрейт, он будет преследовать и политическую цель, а именно объединение немецкого народа посредством театрального празднества и церемониала (объединение, сравнимое с объединением полиса в трагическом ритуале). Именно в этом основополагающем смысле и следует понимать «всеохватное произведение искусства». Всеохватность, или тотальность, является не только эстетической — это кивок в сторону политики.

4) Теперь, возможно, более понятно, почему национал-социализм представлял собой не просто, как говорил Беньямин, «эстетизацию политики» (на которую достаточно было бы ответить, на манер Брехта, «политизацией искусства», ибо тоталитаризм и это вполне может взять на себя), но слияние политики и искусства, производство политики как произведения искусства. Уже для Гегеля греческий мир был миром «полиса как

произведения искусства». Но то, что у Гегеля остается в рамках первого из двух типов соотношения с Грецией и к тому же не оставляет места ни для какого призыва к подражанию, теперь уже проходит через второй тип соотношения и становится неким приглашением, или побуждением, к мифологическому производству. Нацистский миф, как восхитительно показал Зиберберг (без его картины «Гитлер, фильм из Германии» анализ, который мы здесь представляем, был бы невозможен)[15], является строительством, формированием и производством немецкого народа в произведении искусства — посредством произведения искусства и как произведение искусства. Что, возможно, коренным образом отличает его как от только что приведенной гегелевской идеи, так и от простого эстетического «цитирования», свойственного Французской революции и наполеоновской Империи (но этот феномен масс начинал уже, однако, пробиваться), или даже от итальянского фашизма.

Строительство нацистского мифа

Теперь пора вернуться к самому содержанию нацистского мифа. Согласно вышесказанному, речь пойдет не столько (или самую чуточку) об имевшихся в наличии мифах, использованных нацизмом, сколько о строительстве нового мифа, строительстве, в котором история, о которой мы только что напомнили, принимается за работу или, точнее, доходит до того, что выдвигает самое себя в виде завершеного произведения.

Начиная с конца XIX века строительству этого мифа предшествовало, и не в одной Германии, более чем широко развернувшееся строительство арийского мифа. Но мы не можем здесь на этом задерживаться. Мы должны остановиться на строительстве собственно нацистского мифа. То есть на том, что представляет собой не миф нацистов, а нацизм, сам национал-социализм в виде мифа. Нацизм (и во многих отношениях итальянский фашизм) характеризуется тем, что он поставил свое собственное движение, собственную идеологию и собственное государство как действительное воплощение некоего мифа или как живой миф. Именно так и говорит Розенберг: Один мертв, но в другом качестве, как сущность германской души, Один возрождается на наших глазах.

Мы попытаемся реконструировать это строительство через «Миф XX века» Розенберга и «Mein Kampf» Гитлера. Именно в таком порядке, хотя первая книга была опубликована в 1930 г., а вторая в 1927, ибо вторая в своей самой непосредственной направленности представляет, конечно же, программу, которая действительно была пущена в дело. Книга Розенберга, напротив, образует один из самых знаменитых теоретических аккомпанементов этой программы. Он, конечно же, был не единственным, и к тому же не всеми нацистами приветствовался безоговорочно (особенно в части антихристианского неистовства). Однако чтение этой книги было практически обязательным, мы пользуемся здесь сорок вторым изданием 1934 г., и тираж достиг 203 000 экземпляров... (Правда, использованное нами издание «Mein Kampf» 1936 г. является сто восемьдесят четвертым, а тираж — 2 290 000 экземпляров...).

Будь на то время, следовало бы остановиться на стиле (если так можно выразиться) этих книг, которые во многих отношениях сходны, Как в композиции, так и в языке,

использованном ими, обе книги все время прибегают к набору утверждений и никогда — или лишь изредка — к аргументации. Это нагромождение — зачастую черновой набросок самоочевидностей (по крайней мере выдаваемых за таковые) и неустанно повторяемых достоверностей. Как молотом вбивается какая-нибудь идея, она подпирается всем, что, как кажется, к ней подходит — без всякого анализа, без обсуждения возможных возражений, без единой ссылки. Нет ни знания, подлежащего установлению, ни мысли, подлежащей завоеванию. Есть лишь провозглашение уже приобретенной, всецело наличествующей истины. В итоге уже в этом плане они неявно взывают не к логосу, а к своего рода мифологическому словоизлиянию, которое не то чтобы поэтично, но, тем не менее, все свои ресурсы черпает в голом и властном могуществе самоутверждения.

Этот «стиль» отвечает «мышлению» мифа, предлагаемому Розенбергом. В самом деле, для него миф не является в первую очередь особым формообразованием, которое мы обозначаем этим словом, то есть формообразованием повествования, символизирующего свой собственный исток. Мифологические повествования принадлежат к мифологическому веку, то есть для Розенберга — к ушедшему в прошлое веку, который был веком «беззаботной символизации природы» (с. 219). Как и всякий хороший позитивист, сциентист или Aufklärer — и в этом отношении в довольно неромантической манере — Розенберг считает этот век примитивным и наивным. Вот почему он критикует тех, кто хочет вернуться к германским источникам мифологии (или теряет свое время, изнывая желанием вернуться к Эдде, говорится на той же странице). Религия Вотана мертва, она должна была умереть (ср. с. 6, 14, 219). Стало быть, миф не относится к мифологии. Миф собственно — это скорее сила, чем вещь, объект или представление.

Таким образом, миф — это могущество собирания основополагающих сил и устремлений индивида или народа, могущество подземной, незримой, неэмпирической идентичности. Что следует прежде всего понимать по оппозиции к всеобщей, развоплощенной идентичности того, что Розенберг называет «безграничными абсолютами» (с. 22), каковыми являются все Боги и все Субъекты философии, абсолют Декарта, как и абсолют Руссо или Маркса. В противоположность этим растворившимся в абстракции идентичностям миф обозначает идентичность как собственное отличие и его утверждение.

Но также — и сначала — миф обозначает эту идентичность как тождество чему-то такому, что не дано ни как событие, ни как дискурс, но что грезится. Могущество мифа — это могущество грезы, проекции образа, с которым мы себя отождествляем. В самом деле, абсолют не может быть чем-то таким, что мы полагаем вне себя, абсолют — это греза, с которой я могу себя идентифицировать. И если сегодня, говорит Розенберг, имеет место «мифологическое пробуждение», это значит, что «мы снова начинаем грезить нашими изначальными грезами» (с. 446). В изначальной грезе речь не о Вотане и не о Валгалле, выветрившихся мифологических формах грезы, а о самой сущности этой грезы. Мы вскоре увидим, как обстоят дела с этой сущностью, но она возвещается уже в следующем: «Викинги не были всего лишь воинами-завоевателями, как многие другие, они грезили о чести и государстве; о том, чтобы царствовать и творить» (там же). Однако, уточняет Розенберг, Германия как таковая еще не грезила, она еще не грезила свою грезу. Он цитирует Лагарда: «Немецкого государства никогда не было». Никогда еще не было мифологической идентичности, то есть доподлинной — и могущественной — идентичности

Германии.

Таким образом, истина мифа держится на двух вещах.

1) На веровании: истинным миф становится в силу вовлеченности грезящего в свою грезу. «Миф истинен лишь тогда, когда он захватывает всего человека» (с. 521). Требуется безраздельное верование, непосредственная и безоговорочная вовлеченность в пригрезившуюся фигуру, только тогда миф станет самим собой или еще, если так можно выразиться, только тогда фигура эта обретет фигуру. Отсюда важнейшее следствие: для «верующих» в этом смысле подчинение народа верованию, символическо-мифологическое вдалбливание в голову не суть просто эффективная техника, но также и мера истины. (Впрочем, всем известны страницы, на которых Гитлер говорит о необходимости массовой пропаганды).

2) На том, что природа и цель мифа, или грезы, таковы, что требуют воплощения в какой-то фигуре или в каком-то типе. Ведь тип — это реализация единственной в своем роде идентичности, заключенной в грезе. Это сразу и модель для идентичности, и ее представленная, действительная, сформированная реальность.

Так мы подходим к одному существенному моменту в строительстве мифа:

Розенберг заявляет: «Свобода души — это Gestalt» (с. 529) (форма, фигура, конфигурация, то есть никакой абстрактности, вообще говоря это способность придать фигуру, воплотить). «Gestalt — всегда пластически ограничен... (его сущность в том, чтобы иметь форму, отличие; «граница» здесь — это те линии, что очерчивают фигуру на каком-то фоне, выделяют и отличают какой-то тип). «Это ограничение обусловлено расой...» (вот оно, содержание мифа: раса есть идентичность некоей формообразующей силы, единственного в своем роде типа). «Но эта раса является внешней фигурой определенной души».

Последняя черта является лейтмотивом Розенберга и постоянно встречается у Гитлера — в более или менее явной форме: раса — это душа, при случае — гениальная душа (М. К., с. 321), внутри которой, впрочем, имеются индивидуальные различия и гениальные индивиды, которые лучше выражают или формируют тип. Что прежде всего означает, что «раса» — это принцип и место мифологического могущества. И если нацистский миф определяется прежде всего в виде мифа «расы», объясняется это тем, что нацистский миф — это миф Мифа, то есть миф творческого могущества, вообще способности порождать миф. Как если бы сами расы были прежде всего типами, пригрезившимися какому-то высшему могуществу. Розенберг снова цитирует Лагарда: «нации суть мысли Бога».

Этот принцип типа как единственной в своем роде абсолютной и конкретной идентичности, как исполненности мифа Гитлер старательно обосновывает — впрочем, на скорую руку, так как ему совсем недосуг прибегать к настоящему позитивистскому обоснованию — на примере животных разных видов, которые совокупляются исключительно внутри одного вида, типа, тогда как всякие «незаконнорожденные» твари оказываются «дегенератами».

В этом отношении важно обратить внимание на то, что евреи — это не только дурная раса, не только неполноценный тип, еврей — это антитип, как нельзя более

незаконнорожденный. У него нет собственной культуры, говорит Гитлер, и даже нет собственной религии, ибо монотеизм ему предшествует. У еврея нет Seelengestalt (формы или фигуры души) и потому нет Rassengestalt (формы или фигуры расы): его форма бесформенна. Это человек абстрактной универсальности, противостоящей единственной в своем роде и конкретной идентичности. Вот почему, как уточняет Розенберг, еврей — не антипод германца, но его «противоречие», что, конечно же, значит, что это не противостоящий тип, но само отсутствие типа — опасность, присутствующая во всякого рода незаконнорожденности, каковая к тому же чревата паразитическим образом жизни.

Тогда в ход идет один механизм, который можно описать так.

1) Следует пробудить могущество мифа — перед лицом абстрактных универсалий (науки, демократии, философии) и перед лицом крушения (завершившегося в войне 14–18 годов) двух верований нового времени: христианства и веры в человечество (которые, конечно же, хотя Розенберг об этом и не говорит, являются мифами, но выродившимися и, возможно, «евреевшимися», во всяком случае это мифы обескровленные, бесплотные, свойственные времени, которое утратило чувство расы, чувство мифа).

2) Следует, стало быть, пробудить могущество расы, или народа, могущество *volkisch*, которое будет характеризоваться как производительная, или формообразующая, сила мифа и как ее запуск в дело, то есть как деятельное участие народа в своем мифе, выходящее за рамки простого верования. Эта вовлеченность будет отныне именоваться «мистикой», и этим словом Розенберг хочет обозначить всецелую, тотальную причастность к типу. О чем, к примеру, и пишет: «жизнь расы, народа не сводится к логично развивающейся философии или к процессу развития согласно законам природы, это формообразования некоего мистического синтеза» (с. 117).

Вот почему, выходя за рамки философии и знания вообще, мистическое признание является не столько *Erkenntnis*, сколько *Bekenntnis*, то есть не столько познанием, сколько «признанием», исповедью — в смысле исповедания своей веры. В точности так же и согласно сходной оппозиции Гитлер заявляет, что важно произвести *Glaubensbekenntnis*, изложение или подтверждение своей веры (М. К., с. 508).

3) Для каждого народа это исповедание веры относится к мифу этого народа, то есть относится к изначальной проекции и изначальному проекту его идентичности. (Следовательно, для германцев это германская идентичность.) Но такое исповедание веры является именно ее подтверждением, то есть деянием. Это исповедание не сводится к какой-то духовной позиции, по крайней мере в обычном смысле этого выражения. Отношение «мистики» к «мифу» принадлежит к порядку жизненного опыта (*Erlebnis* — один из главных концептов того времени). Тут имеет место «мистический опыт» (Розенберг, с. 146), что означает, что миф достигает истинности лишь тогда, когда он проживается. Если миф должен формировать действительный миф, то исповедание веры должно быть непосредственным проживанием этого типа. (Вот почему все символы мифологического порядка — униформы, жесты, парады, энтузиазм церемоний, равно как молодежные движения или всякого рода объединения не суть просто техники фашизма, они самоцельны, поскольку воплощают в себе конечную цель тотального *Erlebnis* типа. Символика не есть

лишь знак отличия, это осуществление грезы.)

Тем не менее, дабы схема была полной, следует коснуться наконец своеобразия — даже преимущества, абсолютного преимущества — некоей расы и некоего типа. Что требует двух дополнительных определений.

1) Раса, народ, держится на крови, а не на языке. Это положение неоднократно возникает и у Розенберга, и у Гитлера: кровь и почва, Blut und Boden. (Гитлер иллюстрирует его, объясняя, что если негра выучить немецкому языку, из него все равно не получится немца.) Во многих отношениях это утверждение разрывает связь с традицией (в частности, с романтической) поиска или признания идентичности через язык. Миф, востребованный в традиции, зачастую отождествляется с *muthos*, изначальным языком, противопоставленным *logos*. Здесь, напротив, миф становится некоторым образом кровью и почвой, откуда он, в итоге, и бьет ключом. Это смещение объясняется несколькими причинами государственного единства. Типизированию подлежит почва (непосредственная природа Германии) и вместе с ней кровь немцев.

Именно так образуется, в частности, арийская кровь, которую Розенберг возводит к Атлантиде.

2) Почему арийцы? Потому что они являются носителями солнечного мифа. Они являются носителями этого мифа, потому что для северных народов сила впечатления солнечного зрелища определяется мерой его редкости. Арийский миф — это солнечный миф, противостоящий мифам Ночи, хтоническим божествам. Отсюда солнечная символика и свастика.

Почему солнечный миф? Можно было бы ответить без всякой натяжки, что для Розенберга этот миф ясности представляет собой ясность мифа вообще. Он пишет, например: «Мифологический опыт ясен, как белый свет солнца» (с. 146). Миф солнца — это не что иное, как миф того, что выявляет формы как таковые — в их зримости, в срезе их *Gestalt*, в то же время это миф силы или тепла, содействующих самому формообразованию этих форм. Иначе говоря, и не возвращаясь к тому, что было сказано о культе света и Полудня, солнечный миф — это миф самой формообразующей силы, изначального могущества типа. Солнце — это источник типологического различения. Или, если угодно, солнце — это архетип. Ариец не есть лишь тип среди других типов, он является типом, в котором представляет себя (грезит себя и себя воплощает) само мифологическое могущество, природа-мать всех типов. Это преимущество развивается по трем главным осям.

1) Ариец является основоположником цивилизации *par excellence*, *Kulturbergrunder* (основоположник цивилизации) или *Kulturschopfer* (создатель цивилизации), противостоящий обыкновенному «носителю цивилизации» (*Kulturtrager*). «Часто в течение немногих тысячелетий или даже немногих веков арийцы создавали цивилизации, которые с самого начала полностью воплощали внутренние черты их сущности» (М. К., с. 319). Этот народ является народом, или кровью, непосредственного (и, в общем, гениального) созидания совершенных форм.

2) Великими арийцами античности являются греки, то есть народ, породивший миф как искусство. Греки вложили в форму свою душу (свою кровь), они произвели *Darstellung* (представление) или *Gestaltung* (формообразование или фигуροобразование) — как раз в абсолютном различии форм, в искусстве. Перед лицом греческого искусства имеет место опыт *Formwillen*, воля к форме, или воление-формировать. Вот почему начиная с греков искусство является самоцелью, религией в себе. Что здесь означает вовсе не «искусство для искусства», а то, что Розенберг называет «органическим искусством, порождающим жизнь» (с. 448). В такой оценке много от Вагнера, но еще больше от понимания жизни как искусства и тем самым тела, народа и государства как произведений искусства, то есть как свершившихся форм воли, как завершенных идентификаций пригрезившегося образа.

3) Великими арийцами современного мира являются немецкие мистики, главным образом Мейстер Экхарт (оставим в стороне невероятную подтасовку всей его истории и всего его творчества, которую осуществляет в своей книге Розенберг). Ибо Экхарт, произведя на свет миф свободной души, открыл решительно новую возможность мифологизации. В мистическом опыте чистое нутро души (внешним выражением которой является раса) проживается как нечто более великое, чем сама вселенная, нечто от всего — и прежде всего от Бога — совершенно свободное. Тут миф излагается во всей его чистоте: речь о том, чтобы себя формировать, себя типизировать, причем как абсолютно свободного творца (и, следовательно, как само-творца). Розенберг пишет: «Один был мертв, и остается мертвым; но немецкий мистик обнаружил «Всемогущего всевышнего» в собственной душе» (с. 219).

Поскольку душа или «личность», или «гений», сама в себе пребывает как свой, самый что ни есть собственный «миф», или еще: поскольку душа, порождающая самое себя из своей собственной грезы, это в сущности не что иное, как абсолютный Субъект, самотворец, субъект, который не сводится к позиции когнитивной (как субъект Декарта), духовной (Экхарт) или спекулятивной (Гегель), а собирает в себе все эти определения и превосходит их в непосредственно и абсолютно «натуральной» позиции: в крови и в почве. Арийская раса есть, если так считать, Субъект как таковой. В ней, в этом «коллективном и священном эгоизме, каковым является Нация» (Гитлер, интервью 1933 г.), осуществляется и воплощается самоформирование.

Вот почему центральный мотив этой «души» и ее *Gestaltung*'а сводится в конечном итоге к следующему: во-первых, к цивилизаторскому созиданию и господству посредством крови; во-вторых, к охранению крови, то есть чести. В конце концов в мифе возможен только один выбор: выбор между любовью и честью (ср.: Розенберг, с. 146). Изначальный выбор арийца или выбор, созидающий арийца, — это выбор расовой чести.

Как мы уже могли видеть, большая часть основополагающих характеристик этой конструкции встречается у Гитлера. Но они у него встречаются в таком виде, который можно было бы обозначить как на сей раз абсолютно современную, политизированную и технизированную версию строительства мифа.

Это все равно что сказать, что «*Mein Kampf*» представляет собой решительно «практическую» версию строительства мифа. Но теперь нам понятно, что «практика» здесь не идет следом за «теорией»: она ей, если так можно сказать, соприродна или имманентна,

ведь логика мифа есть не что иное, как логика его само-осуществления, то есть самоосуществления арийской расы как само-осуществления цивилизации вообще. Миф осуществляется наистрожайшим образом как «национал-социализм». Что подразумевает несколько дополнительных определений, которые мы под конец и перечислим:

1) Насущная теперь уже схватка — это прежде всего схватка идейная или «философская» (Гитлер не говорит о мифе — он говорит на языке современной рациональности). «Грубая сила» ни на что не способна, если она не опирается на великую идею. Но беда и зло современного мира как раз и заключаются в этой абстрактной, развоплощенной, бессильной двойкой идее индивида и человечества. Иначе говоря: в демократии и марксизме. Следовательно: «Краеугольный камень программы национал-социализма в том, чтобы упразднить либеральное понятие индивида, равно как и марксистское понятие человечества, и поставить на их место понятие сообщества Volk, укорененного в почве и соединенного узами одной крови» (Гитлер, речь в Рейхстаге, 1937 г.). Схватка должна быть схваткой за действительное воплощение этого понятия, каковое есть не что иное, как концепт мифа.

2) Это, стало быть, схватка за то, название чему Гитлер заимствует из философской традиции и что занимает в его речи место мифа: Weltanschauung, «мировоззрение» (существует специальная служба Weltanschauung). Нацизм — это прежде всего «формирование и осуществление его weltanschaulich (мировоззренческого) образа» (М. К., с. 680), то есть строительство и формирование мира согласно зрению, образу формотворца, арийца. «Weltanschaulich схватка» (там же) — это не просто начинание по завоеванию господства; это начинание по формообразованию мира (наподобие начинаний Александра и Наполеона). Арийский мир должен быть много больше, нежели мир, который арийцы завоевали и который они эксплуатируют: он должен быть миром, ставшим арийским (вот почему необходимо исключить из него не-тип par excellence, еврея, равно как и несколько других выродившихся типов). Weltanschauung должно быть воплощено абсолютно, вот почему это требует «полного потрясения всей общественной жизни, в соответствии с его взглядами, его Anschauungen» (М. К., с. 506). Anschauen, «зрение» как интуитивный акт, доходящий до самого сердца всех вещей и формирующий само бытие — «зрение грезы», активное, практическое, инструментальное лежит в самом сердце «мифическо-типического» процесса, становящегося таким образом деятельной грезой «тысячелетнего Рейха».

3) Вот почему Weltanschauung является абсолютно нетерпимым и не может фигурировать, как «какая-нибудь партия наряду с другими партиями» (М. К., с. 506). Это не просто философский или политический выбор, это сама необходимость творения, крови творца. Вот почему это мировоззрение должно быть объектом верования и функционировать как религия. Верование не возникает само по себе, оно должно быть разбужено и мобилизовано в массах. «Самая прекрасная теоретическая идея не имеет ни цели, ни ценности, если Fuhrer не может направить к ней массы» (М. К., с. 269), тем более что массы подвластны прежде всего аффективным движущим силам.

(Это манипулирование «weltanschaulich» верованием требует специального исследования, в котором можно было бы показать, насколько трудно разделить у Гитлера убеждения и

манипуляцию, Он одновременно развивает и все следствия логики верования, которая ему присуща и которой он себя подчиняет, и грубо использует ресурсы этого верования в целях утверждения собственной власти. Но само это использование остается в рамках логики верования: ведь надо же пробудить или заново разбудить в немцах арийскую грезу. Очень может быть, что гитлеризм можно определить как вполне трезвое использование — причем не обязательно циничное, ибо оно само сохраняет убежденность — готовности современных масс к мифу. Манипулирование массами — это не только техника, это также и цель, если, в конечном счете, сам миф манипулирует массами и осуществляет себя в них.)

Мы лишь постарались раскрутить определенную логику, и, стало быть, другого заключения не ждите. Мы хотим только подчеркнуть то, насколько глубоко эта логика — в двойной характеристике миметической воли к идентичности и самоосуществления формы — принадлежит к предрасположенности Запада вообще, точнее говоря, к основополагающей предрасположенности субъекта, в метафизическом смысле слова. Нацизм не есть итог Запада, что не мешает ему быть его неизбежным свершением. Но также невозможно просто отмахнуться от него, как от какого-нибудь искажения, ни как от просто ушедшего в прошлое искажения. В удобной защищенности достоверностями морали и демократии мы не только ни от чего не застрахованы, но и рискуем не увидеть, как приходит или возвращается то, возможность чего не сводится к чистой случайности истории. Анализ нацизма никогда не следует понимать на манер обычного судебного дела, это, скорее, всегда какая-то деталь в общей деконструкции истории, откуда мы и приходим.

Примечания-1

Сорель, Жорж (1847–1922) — французский философ и политолог, автор оригинальной концепции мифа как организующей и движущей силы истории.

Морен, Эдгар (р. 1921) — французский социолог и культуролог, работы которого сосредоточены на проблемах социального воображаемого.

Леклер, Серж — современный французский философ.

Франк, Манфред — современный немецкий философ.

С.9. Бразийак, Робер (1909–1945) — французский писатель, один из идеологов коллаборационизма и национальной революции, расстрелян в ходе послевоенных чисток.

Volkslied — народная песня (нем.).

Города Ганзейского союза — объединение германских, датских и шведских городов (числом до 90), основанное в 1367 г. и процветавшее в XIV–XVI вв.

Эдды — два памятника древнескандинавской литературы («Старшая Эдда», XI–XII в., «Младшая Эдда», собранная С. Стурлусоном в начале XIII в.), представляющие собой сказания о богах и древних героях.

Один — высший из богов скандинавской мифологии.

Вотан (Водан) — верховный бог континентальных германцев, соответствующий Одину скандинавов.

Вагнер, Рихард (1813–1883) — немецкий композитор, один из основоположников и выразителей современного германского мироощущения.

Петен, Анри Филипп (1856–1951) — французский полководец, герой первой мировой войны, глава коллаборационистского правительства (1940–1944).

Барт, Ролан (1915–1980) — французский критик, литературовед, социолог, один из основоположников структурного метода современных гуманитарных наук.

Брехт, Бертольт (1898–1956) — немецкий писатель и режиссер, реформатор современной драматургии.

Арендт, Ханна (1906–1975) — немецкий философ и социолог, автор знаменитой концепции современного тоталитаризма. После пришествия к власти нацистов работала во Франции, затем — в США.

Шмитт, Карл (1888–1985) — немецкий мыслитель-государствовед, один из идеологов «консервативной революции».

Джантите, Джованни (1875–1944) — итальянский философ, создатель оригинальной концепции актуализма, задействованной в фашистской идеологии.

Юнгер, Эрнст (1895–1998) — немецкий писатель и мыслитель, создатель концепции «нового национализма».

Хайдеггер, Мартин (1889–1976) — немецкий философ, критик западной метафизики, мысль которого пересекалась одно время с разработкой «нацистского мифа».

Беньямин, Вальтер (1892–1940) — немецкий мыслитель, социолог и искусствовед, один из первых глубоких критиков фашизма.

Витгенштейн, Людвиг (1889–1951) — австрийский философ, один из инициаторов «лингвистического» поворота в философии XX в.

Батай, Жорж (1897–1962) — французский писатель и мыслитель, творчество которого определяется рефлексией кризиса современной западной культуры.

Muthos, logos — миф, логос (греч).

Райх, Вильгельм (1897–1957) — австрийский врач, психолог и социолог, учение которого сочетало психоанализ и марксистскую теорию.

Гельдерлин, Фридрих (1770–1843) — немецкий поэт-романтик, один из инициаторов воспевания древней Эллады в противовес убогой немецкой действительности рубежа XVIII–XIX вв.

Руссо, Жан-Жак (1712–1778) — французский писатель, один из первых критиков основ западной культуры.

Баррес, Морис (1862–1923) — французский писатель, идеолог национально-патриотического крыла французской культуры.

Клодель, Поль (1868–1955) — французский поэт и драматург, выразитель католической традиции в литературе.

Манн, Томас (1875–1955) — немецкий писатель, раннее творчество которого, направлявшееся рефлексией об «особом пути» Германии, вписывалось в идеологию «консервативной революции».

Клеопатра (68–30 до Р. Х.) — египетская царица. Покончила с собой, не желая украсить собой триумф Августа.

Иштар, Астарта — верховные женские божества в ассириовавилонской и, соответственно, западносемитской мифологиях.

Дюрренматт, Фридрих (1921–1990) — швейцарский писатель, прозаик и драматург, позднее творчество которого проникнуто апокалиптическими мотивами.

Бэтсон, Грегори (1904–1980) — американский антрополог, учение которого сочетает психоанализ с современными теориями коммуникации.

Винкельман, Иоганн-Иохим (1717–1768) — немецкий археолог и теоретик искусства.

Бахофен, Иоганн Якоб (1815–1887) — швейцарский историк права, положил начало изучению проблем «материнского права» — «Mutterrecht».

Роде, Эрвин (1845–1898) — немецкий филолог-классик. Имеется в виду его работа «Психея. Культ души и вера в бессмертие у греков» (1894).

Леви-Брюль, Люсьен (1857–1939) — французский философ, этнограф и психолог, автор концепции «дологического мышления» в первобытном сознании.

Зибберберг, Ганс Юрген (р. 1935) — немецкий кинорежиссер, сценарист и продюсер.

Валгалла (вальхалла) — в скандинавской мифологии дворец Одина, куда попадают павшие герои.

Лагард, Пауль (1827-1891) — немецкий мыслитель, теоретик радикального консерватизма.

Экхарт, Иоганн (Мейстер Экхарт, ок. 1260- ок. 1327) — монах-доминиканец, основоположник немецкого религиозного мистицизма.

Эпигоны, или сцена политики. Послесловие переводчика

Французские философы Ф. Лаку-Лабарт (р. 1940) и Ж.-Л. Нанси (р. 1940) не нуждаются в представлении русскому читателю. Отдельные работы обоих авторов переведены на русский язык и, следует думать, вовлекаются в арсенал современной российской мысли[16]. Не нуждается в пространном представлении и маленькая книга о нацистском мифе, история которой рассказана в авторском предисловии. Здесь вместо представления уместнее было бы, наверное, отыграть иную риторическую фигуру, тем более что на подобную мизансцену имеется косвенное авторское разрешение, каковое можно усмотреть в последней фразе текста, согласно которой «...анализ нацизма никогда не следует понимать на манер обычного судебного дела, это, скорее, всегда какая-то деталь в общей деконструкции истории, откуда мы и исходим». Иными словами, коль скоро «дело» нацизма не закрыто, коль скоро само притязание на то, чтобы раз и навсегда закрыть это «дело», всегда будет свидетельствовать как раз о том, что кое-кому ужас как хочется побыстрее и подешевле расквитаться со своим и, стало быть, нашим прошлым, ни одна дополнительная деталь не может быть лишней в этой «общей деконструкции истории».

Это косвенное «разрешение» можно было бы подкрепить, с другой стороны, первой фразой из книги Ф. Лаку-Лабарта «Musica ficta», где находится наиболее полное развитие главных мотивов «Нацистского мифа», согласно которой книга состоит из «четырех «сцен»», и все четыре прямо или косвенно устроены Вагнеру: две — французскими поэтами (Бодлер, Малларме), две другие — немецкими философами (Хайдеггер, Адорно)». То есть здесь вместо представления вполне уместно провести своего рода репетицию на той же сцене (философия политики), в той же сценографии (деконструкция истории, то есть «историй», словом, «текстов»), но с другими действующими лицами — того только еще грядущего действия, в котором российской мысли предстоит квитаться со своим прошлым, в том числе «французским».

В подражание (и надо ли напоминать, какую роль играет понятие «историческая имитация» в концепции нацизма, разработанной в трудах Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси?) двум французским философам, устроившим на страницах своей книги настоящую «сцену» всей немецкой мысли, можно было бы попробовать разыграть здесь свою сцену, включив в состав действующих лиц авторов «Нацистского мифа». Впрочем для первого раза и для первой сцены достаточно будет и одного персонажа, некоего общего стиля современного французского мышления, который для начала можно было бы определить словами одного из самых ярких его представителей, высказанными в книге, как нельзя более созвучной обыгрываемому здесь тексту, созвучной по избранной сцене, сценическим находкам и

участникам всего действия. Настаивая на том, что «дело» Хайдеггера является преимущественно «французским» делом, поскольку «французы» оказались «во всем этом чувствительнее других», Ж.-Ф. Лиотар бросил мимоходом формулу, которая и будет здесь отправной, правда, в той мере, в какой она может сойти за формулу всей новейшей французской философии, этой «экзистенциально-онтологической мысли, «номадической», поскольку она не имеет места, деконструктивной, поскольку парадоксальной»[17].

Чтобы чуточку уточнить несколько расплывчатый образ главного действующего лица, можно напомнить, что сама «сцена», которую французские философы устроили немецкой мысли, вменяя ей причастность к разработке «нацистского мифа» — как в одноименной книге, так и в некоторых других работах — включает в себе по меньшей мере два типа отношений. С одной стороны, в ней задействованы сугубо аффективные моменты — так говорят, например, о «сцене» между любовниками; с другой — риторические моменты некоей «сценографии», особого рода литературно-философского письма, известного под именем «деконструкции» и подразумевающего прежде всего некую драматизацию рассматриваемого текста посредством обнаружения его отнюдь не самых очевидных скрепов. В самом деле, выступая в роли аналитиков «нацистского мифа», Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси, но также Ж. Деррида или Ж.-Ф. Лиотар, разбирающие «дело» Хайдеггера, творят под бременем этой самой немецкой спекулятивной традиции, с которой без конца сводят счеты: не лишним будет напомнить в этой связи, что Ф.-Л. Лабарт и Ж.-Л. Нанси являются глубочайшими знатоками немецкой культуры, получившими в этом качестве признание и за Рейном. Точнее говоря, они не столько творят под бременем, сколько несут это бремя по доброй воле, с любовью. Можно даже сказать, что они все время беременны этой немецкой мыслью, провозгласившей устами Гегеля ли, Хайдеггера ли конец философии, которой они дают жизнь на французском языке.

Не вдаваясь здесь в экзистенциальные мотивы этого скрещенья двух традиций мысли, заметим, что постоянная среда обитания и работы Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси — Страсбург, где французский язык все время тягается с немецким, где два языка равно (или неравно) родные и равно (или неравно) чужие друг другу и обитателям города — не могли не оставить своего отпечатка на стиле их мышления, отличающемся, с одной стороны, своеобразной пограничностью, конфликтностью, остротой, с другой — своего рода межеумочностью, неуместностью, безместностью, словом, «номадическим» характером.

Не что иное, как острота мышления, усиленная экзистенциальным «номадизмом» и методологическим «деконструктивизмом», предопределяет, судя по всему, очевидную пронизательность взгляда авторов «Нацистского мифа» на культурный генезис немецкого национал-социализма или, другими словами, на происхождение «немецкой трагедии» из духа немецкой мысли, точнее, из того горнила немецкого духа, в котором на рубеже XVIII–XIX вв. в Германии сплавлялись филология, философия и поэзия. И в котором, к слову сказать, начиная с первой трети XIX в. черпала свои ресурсы французская мысль, идет ли речь о философии (В. Кузен) или поэзии (С. Малларме), лишенная, по точному наблюдению В.Е. Лапицкого, соответствующей современности философии[18].

В плане истории, в том числе истории философии, которого здесь можно коснуться лишь мимоходом, обнаруживается, что некая трепетность французской философии XX в. в ее

отношении к немецкой мысли в лице, например, Гегеля, Ницше или Хайдеггера, если взять только поворотные фигуры спекулятивной традиции, предопределялась какой-то особой нехваткой, ведь все-таки нельзя же не принимать во внимание наличия собственной философской традиции в виде, например, картезианства. То есть не хватало чего-то такого, что коренным образом отличало немецкую мысль от французской, чем, возможно, первая была явно сильнее второй или, может быть, чего-то такого, что собственно и составляло силу немецкой мысли и что, по всей видимости, отсутствовало в мысли французской. Что же это могло быть? Грубо говоря, в современной французской философии, то есть философии, современной пореволюционной эпохе Запада, которая, начавшись с Великой французской революции, явно подошла к концу, каковой, как бы ни относиться к «наследию 1789 г. и Просвещения», трудно назвать «великим», скорее уж наоборот, все это время отсутствовала сколько-нибудь глубокая национально-историческая рефлексия.

Уже в наше время, или в «условиях после-современного существования», как можно было бы передать название знаменитой книги Ж.-Ф. Лиотара, заключающей в себе оригинальную историческую концепцию, обесмысленную в расхожих понятиях «постмодерна» и «постмодернизма», видный французский историк П. Нора, размышляя о необходимости нового осмысления «национального фактора» во французской культуре, как нельзя более точно выразил это отличие: «В Германии... носителями национальной идеи являются... философы. Во Франции роль организатора и руководителя национального сознания всегда принадлежала историкам»[19]. Эта жесткая оппозиция, которая только на первый взгляд может показаться слишком категоричной, обнаруживает один из основных исторических мотивов глубокого внимания французской мысли к немецкой спекулятивной традиции. Но, внимая этой традиции, французская философия до поры до времени была в основном восприимчива к ее методам, к путям освоения современной истории, оставаясь, по существу, глухой или по меньшей мере снисходительной к этим призывам об особом предназначении немецкого народа, раздававшимся из уст едва не каждого крупного мыслителя современной Германии.

Эта глухота или эта снисходительность не могут не показаться странными, особенно если вспомнить о той роли, которую сыграло в подъеме немецкого национализма в конце XVIII в. основополагающее событие современной истории — Французская революция[20]. «Демон немецкого национализма» появился на свет не без деятельного участия «французского империализма», вызванного к жизни Революцией. Другими словами, «нацистский миф» восходит — среди прочих его истоков — к «революционному мифу», укорененному во французском Просвещении, который владел и — в отличие от «нацистского мифа» — продолжает владеть современным сознанием. И в этой связи не может не показаться странным то, что в своем блестящем разборе «нацистского мифа» французские философы почти что (за исключением крайне важной и крайне показательной сноски о Руссо и Терроре) обходят молчанием этот исток немецкого национализма. Можно даже подумать, что напряженное внимание французской философии к немецкой мысли скрывает некий разрыв или даже «травму» французской философской традиции, причиненную собственной историей. Наверное, на эту травму глухо намекает уже цитировавшийся Ж.-Ф. Лиотар, размышляя о том, почему «дело» Хайдеггера является преимущественно «французским» делом, почему «французы» оказались «во всем этом чувствительнее других», «почему именно на Францию легла ответственность за мысль о незапамятном», когда он несколько

вынужденно, неохотно ссылается на «некую историю», «отмеченную обезглавливанием короля».

Конечно же, «нацистский миф» принадлежит к истории Запада, является, по выражению Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси, его «свершением» или даже, можно добавить, одним из его итогов. К истории Запада принадлежит и «революционный миф», свершения и итоги которого обязывают нас принять участие в «общей деконструкции истории, откуда мы и приходим».

Примечания-2

1 Традицию политически двусмысленного, или амбивалентного, применения мифа можно было бы, наверное, возвести к ранним немецким романтикам, а в более современном и в более определенном виде — к Жоржу Сорелю. Что касается наших современников, то можно привести примеры взывания к мифу за подписью тех, кого, впрочем, не приходится подозревать в определенных политических замыслах. Так, Эдгара Морена, когда он пишет: «Точно так же, как человек живет не хлебом единым, так и общество не живет одним пищеварением. Оно живет также надеждами, мифами, грезами (...) Расцвет человеческой личности нуждается в сообществе и сплоченности (...) в сплоченности подлинной, а не навязанной, которая при этом внутренне ощущается и проживается как братство» (Morm Edgar. *Le grand dessein* // *Le Monde* du 22 septembre 1988. P. 1-2). В каком-то смысле с этим трудно не согласиться; но не рискованны ли категории мифа и таким образом «проживаемой» идентификации? Можно было бы также отослать к недавнему примеру Сержа Леклера, предлагающему, чтобы «взаимость встречи (...)» имела «место и функцию в со-циополитическом плане» благодаря «структуре мифа», понимаемой как «некая архитектура, которая подошла бы фрейдовским построениям» (Leclair Serge. *Le pays de l'autre*. Paris: Seuil, 1991). Примеры можно было бы позаимствовать и в Германии, в частности у Манфреда Франка.

2 Ср. следующую цитату: «Беда демократии в том, что она лишила нацию образов, которые можно было бы любить, образов, которые можно было бы почитать, образов, которые можно было бы обожать — Революция двадцатого века вернула их нации» (Brasillach Robert. *Les lecons d'un anniversaire*. Je suis partout du 29 janvier 1943

3 Ф. Лаку-Лабарт предложил такое развитие в книге «Фикция политического» (Lacoue-Labarthe Ph. *La fiction du politique*. Paris: Bourgois, 1988) и в *Musica ficta*. Фигуры Вагнера (Lacoue-Labarthe Ph. *Musica ficta. Figures de Wagner*. Paris: Bourgois, 1991); Ж.-Л. Нанси представил его в «Праздном сообществе» и в «Явке» (в соавторстве с Жаном-Кристофом Байи): Nancy J.-L. *La communauté desoeuvree*. Paris: Bourgois, 1986; Bailly J.-C., Nancy J.-L. *La comparution*. Paris: Bourgois, 1991. — Английский вариант текста был опубликован в *Critical Inquiry*. University of Chicago Press, Winter, 1989.

4 Более того, в наши дни демонтажу «мифологий» в бартовском смысле удалось стать составляющей частью обиходной культуры, распространяемой теми же самыми «медиа», которые сами и плодят эти мифологии. Вообще говоря, отныне разоблачение «мифов»,

«образов», «медиа» и «подобий» входит в состав мифологической системы средств массовой информации, порождаемых ими образов и подобий. Это все равно, что сказать, что истинный миф, если таковой существует, тот, с которым себя идентифицируют, в который вступают, находится в неуловимом отдалении, откуда, возможно, и обустроивает всю сцену (в случае необходимости и как миф разоблачения мифов...). В точности так же, как мы увидим, нацистский миф держится в удалении от конкретных мифологических фигур — как германской мифологии, так и прочих.

5 Arendt H. *Le systeme totalitaire* (Traduction francaise par J.-L. Bourge, R. Darveu, P. Levy). Paris: Seuil, 1972. P.217.

6 Об этой истории см.: Sluga Hans. Heidegger, suite sans fin. *Le messenger europeen* // Paris, P.O.L. 1989. № 3.

7 Террор не восходит — по крайней мере, целиком и полностью, со всей очевидностью и... в современной форме — к общему имманентизму, каковой предполагается всеми тоталитаризмами и в первую голову нацизмом, где имманентность расы — почвы и крови — поглощает всякую трансцендентность. В Терроре остается элемент классической трансцендентности («нации», «добродетели» и «республики»). Но эта линия различия, необходимая для точного описания, не ведет ни к реабилитации Террора, ни к выставлению трансцендентности против имманентности: последний жест, получивший сегодня широкое распространение, кажется нам столь же мифологическим и мифологизирующим, как и противоположный. По правде говоря, от нас требуется мыслить за рамками всякого противопоставления или диалектики этих понятий.

8 Эта ссылка требует, по всей видимости, развития темы в двух направлениях: с одной стороны, в плане той сложности пары миф/логос, которая обнаруживается в текстах Хайдеггера, а с другой стороны — в плане того отношения мышления к мифологическому измерению, на котором настаивает Хайдеггер, отношения, которое, по всей видимости, было вовсе не чуждым его собственному нацизму (намек на это дальше).

9 Op. cit. P.218.

10 Cp.: Lacoue-Labarthe Ph. *Dideioi, le paradoxe et la mimesis* // *L'imitation des modernes*. Paris: Galilee, 1987.

11 Thomas Mann. *Noblesse de l'esprit* / Trad. F. Del-mas! Paris: Albin Michel, 1960.

12 Все это время Германия, как известно, не имеет государства. Она соответствует, скорее, тому, что Дюрренмат впоследствии описал следующим образом: «У немцев никогда не было государства, зато был миф священной империи. Немецкий патриотизм всегда был романтическим, непременно антисемитским, благочестивым и уважительным к власти» (Durrenmatt F. *Sur le sentiment patriotique* // *Liberation*. 19 avril 1990. Перевод текста из: Durrenmatt F. *Documente und Aussprachen*. Bonn: Bouvier, 1989).

13 «О подражании греческой скульптуре и живописи»

14 Levy-Bruhl L. Les carnets. Paris: PUF, 1949.

15 Но это не значит, что мы следуем за Зибербергом в его последних ностальгических филопрусских (в духе самого банального неоромантизма) и, к сожалению, опять-таки антисемитских заявлениях.

16 Приведем здесь наиболее значительные публикации: Лаку-Лабарт Ф. *Musica ficta*. Фигуры Вагнера / Пер. с фр., послесл. и примеч. В.Е. Лапицкого. — СПб.: Аксиома, 1999. Он же. Хайдеггер: поэтика и политика / Пер. с фр. и послесл. Д.В. Новикова // *Логос*. 1999. № 2. С. 112-144; Он же. То же самое / Пер. с фр. Е. Шматко. Поэтика и политика. — СПб.: Алетейя, 1999. С.5 — 31. Нанси Ж.-Л. *Corpus* / Сост., общ. ред. и вступ. статья Е. Петровской. — М: Ad Marginem, 1999.

17 Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи» / Пер. с фр., послесл. и прим. В.Е. Лапицкого. — СПб.: Аксиома, 2001. С. 15-16.

18 См. об этом: Лапицкий В.Е. Так говорил Лиотар // Ж.-Ф. Лиотар. Хайдеггер и «евреи»... С. 166-169.

19 Франция-Память. Тексты П. Нора, М. Озуфа, Ж. де Пюимежа, М. Винока / Пер. с фр. и послесл. Д. Ханаевой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 5.

20 См. об этом: Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: Немецкая политическая традиция и нацизм. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 249-257.